

КомпасГид
издательский дом

ИСТУКАН

**ЕВГЕНИЙ
РУДАЩЕВСКИЙ**

автор бестселлеров
«Брат мой Бзоу»
и «Город солнца»

Для нас случился
апокалипсис наоборот.
Прочий мир с его знаниями,
культурой погиб.

Евгений Рудашевский

Истукан

ИД "КомпасГид"

2022

УДК 821.161.1-311.3-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Истукан / Е. Рудашевский — ИД "КомпасГид", 2022

ISBN 978-5-00083-825-9

В новом приключенческом романе от автора тетралогии «Город Солнца» читателей ждёт путешествие к одному из самых загадочных островов Филиппинского архипелага. Всё начинается с череды кораблекрушений и старинной шкатулки, принадлежавшей ордену августинцев. Максим Шустов, молодой владелец антикварного магазина «Изида», и его сокурсник Дима уверены, что шкатулка приведёт к сокровищам ордена. Им предстоит понять, почему за «Изидой» следят вооружённые незнакомцы, что скрыто за легендой о могущественном реликте и как тут замешана семья Самоедовых, с виду простых туристов из Иркутска. Путь к филиппинским сокровищам станет испытанием для героев романа и, возможно, откроет им нечто более ценное, чем заполненные золотом сундуки. Вот только обрадуются ли они сделанному открытию? «Истукан» наряду с «Тайной пропавшей экспедиции» и «Городом Солнца» входит в цикл «Архив „Изиды“». Читатели встретят полюбившихся персонажей и найдут ответы на вопросы, прозвучавшие в предыдущих романах. В то же время «Истукан» остаётся самостоятельной историей, захватывающей и увлекательной, для знакомства с которой не обязательно читать другие произведения цикла. Доскональное знание описанных мест и законов человеческой психологии не раз приносило Евгению Рудашевскому заслуженные награды, в том числе литературную премию им. В. П. Крапивина и награду в конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру».

УДК 821.161.1-311.3-93
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-825-9

© Рудашевский Е., 2022

© ИД "КомпасГид", 2022

Содержание

Том 1	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвёртая	25
Глава пятая	31
Глава шестая	36
Глава седьмая	40
Глава восьмая	49
Глава девятая	57
Глава десятая	64
Глава одиннадцатая	71
Глава двенадцатая	79
Глава тринадцатая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Евгений Рудашевский

Истукан

© Рудашевский Е. В., текст, 2022

© ООО «Издательский дом

«КомпасГид», 2022

In angello cum libello

*Вас никогда не посещала внезапная мысль о нашем острове как
некоем живом и дышащем существе, громадном животном допотопных
времен, проспавшем столетия, не чувствуя, как по его спине в поисках
средств существования ползают какие-то насекомые?*

Джон Кутзее

*Ныне покоится здесь в ничтожестве тот, кто познал землю, и
чудится ему, жалкому лягушонку, боязливо прильнувшему к оболочке
земного шара, будто он вращается вместе с ним в головокружительных
безднах космоса...*

Мишель Турнье

*Я падаю всё ниже, ниже, ниже.
Волна, кружась, сливается с волною.
Идут на дно со мною гиацинты,
И затворились мрачно анемоны.
Лишь шёпоты и вздохи тишины.
И я затих, спокоен и недвижим.*

Вирджиния Морено

Том 1

Глава первая Старинная шкатулка

Неказистая шкатулка заинтересовала антиквара больше, чем лежавшие в ней драгоценности. Он провёл пальцем по шероховатому торцу, осмотрел узоры лакированной крышки, будто мог с ходу прочесть их историю, и чуть приметно кивнул собственным мыслям. Настя рассеянно проследила за его движениями. Посетителей в новоарбатской «Изиде» собралось немного: две женщины возле застеклённого шкафа с механическими куклами да мужчина возле коллекции портсигаров, – и антиквара никто не поторапливал.

– У вас есть заключение геммолога? – спросил он и тут же добавил: – Садитесь.

– Геммолога? – Настя растерянно взглянула на предложенный ей стул. – Не знаю... Нет, наверное.

– Значит, нет.

– Это плохо?

– Обычно к нам приходят с заключением.

– А что... Зачем оно? У меня есть завешание, и в нём упомянуты драгоценности, если вы об этом.

– Нет. – Антиквар качнул головой и вновь сосредоточился на шкатулке.

Шустов. Так он представился. Ему было лет тридцать. Каштановые волосы расчёсаны и смазаны матовым воском. Скулы и подбородок – выраженные, нос – чистый и прямой. У Насти было достаточно времени рассмотреть гладко выбритое лицо антиквара, его крепкую шею и чёрную, застёгнутую на все пуговицы рубашку. Обручального кольца нет.

Настя продолжала стоять. Между тем молчание Шустова затягивалось. Пора бы обратить внимание на старинные серьги, брошки и кулоны! Да хоть на браслет с золотыми вензелями, с серпом и молотом на пробе – бабушка им особенно дорожила.

– Откуда она? – Антиквар отложил шкатулку.

– Я же говорю, у меня умерла бабушка, и...

– Откуда она у вашей бабушки?

– От дедушки. А он привёз из Хургады. Это в Египте. На берегу... Ну, вы, наверное, знаете.

– Знаю, – мягко ответил Шустов.

Насте нравились его зелёные, с коричневыми крапинками глаза. Их взгляд успокаивал и мог бы очаровать в каминном полумраке ресторана. «Обручальное кольцо хорошо бы смотрелось на его руке». Мысль неуместная, как и стоявшая на столе антиквара искусственная ёлочка с броскими игрушками и разноцветно-праздничной надписью «2001». С Нового года прошло два месяца. Настя не удивилась бы, узнав, что ёлочка простоит здесь до лета.

– Мой дедушка... Он был моряком.

Настя, вздохнув, опустилась на стул. Быстро избавиться от драгоценностей не получилось.

– Служил механиком на тральщике. Где-то в семидесятых попал в Хургаду.

Дедушка часто рассказывал эту историю – всякий раз, как семье удавалось собраться у него в Малаховке. Её детали менялись от будничных до нелепо фантастических, но общие черты оставались неизменными. После очередной арабо-израильской войны требовалось разминировать Суэцкий канал, и Египет запросил помощь у советских кораблей. Им выделили

пролив Губаль, где и оказался Давид Альтенберг, Настин дедушка. О поиске и подрыве мин Давид Соломонович вспоминал редко, предпочитал описывать сорокаградусную жару, песчаные бури и беспокойный рейд Хургады. Поставки продуктов и воды были ограничены, моряки выкручивались самостоятельно.

– И мылись они по команде. – Настя скользнула взглядом по стеллажу с потемневшими иконами. – Дедушка сравнивал поход в баню с торпедной атакой. Залетел – вылетел. Ну, вы понимаете, сэкономили воду.

– Понимаю.

– Простите, я зря всё это говорю...

Шустов не стал её разубеждать, и Настя поторопилась закончить:

– В Хургаде после войны... Там была нищета, голод. Дедушка по городу толком не ходил, но с местными рыбаками сталкивался. Ну они и менялись чем могли. За бинты или тушёнку давали морякам украшения, старинные книги... А дедушка вот получил шкатулку. Чья-нибудь семейная реликвия.

– Что-нибудь ещё? – спросил Шустов.

– Ещё дедушка говорил, что в Суэцком канале приходилось поднимать затонувшие корабли, они...

– О шкатулке.

– Нет, о шкатулке больше ничего.

Шустов, явно разочарованный ответом, наконец удосужился взглянуть на бабушкины драгоценности.

В тишине антикварного магазина было слышно, как гудят люминесцентные лампы низкого потолка, как шепчутся женщины, перекочевавшие от механических кукол к фарфоровым статуэткам. Настя различила новостной голос радио, доносившийся из-за стены. Ведущий сообщал о предстоящем затоплении орбитальной станции «Мир» и американском чартерном рейсе, пассажиры которого смогут вживую наблюдать за падением космических обломков.

– Это искусственный александрит. – Настя оживилась, увидев в руках Шустова одну из бабушкиных серёжек. – А это... не знаю.

– Топаз. – Шустов осмотрел увесистую брошь. – Или дымчатый кварц. Оправа золотая. Пятьсот восемьдесят третья проба.

– Хорошо, – кивнула Настя.

В магазине приятно пахло полиролью и старым деревом, но драгоценности вызывали в памяти удушающе приторный запах бабушкиных духов. Бабушка умерла осенью. Настя не общалась с ней пять или шесть лет. Не думала, что когда-нибудь вновь зайдёт в малаховский дом. С того дня, как скончался дедушка, бабушка разругалась со всеми родственниками, но завещание написала на свою дочь, Настину маму. Мама заниматься наследством не захотела и разобраться с ним поручила Насте – заполучив шкатулку, та отправилась в «Изиду», её не остановили даже пробки после вчерашнего снегопада и минусовая температура. Март начался прохладный, хотя в Москве обещали потепление.

– Сколько вы хотите за шкатулку? – спросил Шустов.

– Шкатулку? Не знаю... А сколько она стоит?

Шустов осматривал кулон с тремя зеленоватыми камнями, делал пометки в блокноте и в остальном вёл себя так, будто не услышал обращённых к нему слов. Настя уже хотела повторить вопрос, когда возле стола появился другой работник магазина – ровесник Шустова, полноватый и с наметившейся лысиной.

– Серж, там Катя звонит.

Шустов молча кивнул. Затем сказал Насте, что захватит с собой шкатулку.

– Хочу кое-что проверить.

– Да, пожалуйста... Конечно.

«Значит, есть *Катя*. Печально. Всегда есть какая-нибудь Катя».

Полноватый коллега Шустова сменил его за столом. Закатав рукава полосатой рубашки, кратко расспросил Настю о лежавших перед ним драгоценностях, платком обтёр лоб и принялся с хозяйской важностью перебирать сгруженные возле пузатого монитора папки.

Обеспокоенная плохим предчувствием, Настя поднялась со стула. Не могла спокойно сидеть. Шкатулка – единственное, что она хотела сохранить из наследства. Как память о бабушке и дедушке. Печальную, полную разочарований и слёз, но всё-таки память. Настя считала, что шкатулка не привлечёт внимания антиквара, надеялась лишь на продажу драгоценностей, а теперь Шустов унёс её в дальний угол торгового зала и вместе с ней скрылся за тёмно-вишнёвой, сливавшейся со стенными панелями дверью.

«*Хочу кое-что проверить. Что там проверять?*»

Малаховский участок Настя выставила на продажу. Жалкие шесть соток были застроены несуразными теплицами, а где не застроены – утыканы арматурой и примяты бетонными кольцами от начатого колодца. Напротив калитки – двухэтажная громадина жилого дома с каркасно-засыпными покоровившимися стенами. Вчера Настя с грустью шла по некогда родным комнатам с однообразными коврами, напольными и настенными, клеёнками и древесностружечными сервантами. Если бы не шкатулка, упомянутая в завещании, Настя вообще не приехала бы в Малаховку. К счастью, дом стоял на второй линии, в семи минутах от станции, и в посёлке Настя пробыла не дольше часа. Убедилась, что запасные ключи по-прежнему лежат под козырьком, проверила насос в септике и газовый котёл, после чего достала из бабушкиного тайника шкатулку и вернулась на станцию. Тем же вечером просмотрела список ломбардов, ювелирных и антикварных магазинов. Выбрала «Изиду» – единственное знакомое название. Настя читала о выставленных в её витринах африканских масках; владельцы магазина собственноручно раздобыли их в Сомали или в какой-то ещё африканской глуши.

Интересно, Шустов тоже побывал в той экспедиции? И где же маски? В надежде развеять тревогу Настя прогулялась между застеклёнными шкафами, задержалась возле группы бронзовых бюстов, прислушалась к шёпоту женщин, выбиравших подарок общей подруге, а вскоре увидела, что Шустов возвращается, и поспешила ему навстречу.

– Всё в порядке? – полноватый коллега уступил антиквару место за столом.

– Что?

– Я так понял, у Кати что-то с ребёнком.

«Ещё и ребёнок».

– Катя... – Шустов вздохнул. – Скажи, я перезвоню.

– Ты...

– Да, я забыл. Трубка лежит.

– Ну ты хохмач.

Шустов проигнорировал напарника. Поставил перед собой шкатулку и уставился на неё в задумчивости, будто увидел впервые. Настя, чувствуя, как волнение усилилось, села на стул.

– Ну как? – спросила она, ногтями постукивая по краешку столешницы. – *Кое-что проверили?*

– Что? Да. Да, проверил.

Шустов выпрямился и посмотрел на Настю.

Шкатулка заурядная. Старинная, по-своему необычная и всё же заурядная. Сантиметров двадцать в ширину и глубину. Высотой сантиметров пятнадцать. С откидной крышкой, некогда замыкавшейся на два замочка, сейчас утраченные и заменённые обыкновенными застёжками. По крышке шла скучная резьба из банальных завитков. Никакой инкрустации или гнёзд, где она могла бы крепиться. Единственной особенностью шкатулки были громоздкие выступы – округлые набалдашники, прикреплённые к боковым стенкам изнутри и снаружи – так, словно в стенках застряли приплюснутые шары, каждый диаметром почти во всю высоту стенки. Ни

красоты, ни удобства в них не было. Изнутри они вообще мешали равномерно заполнять шкатулку, как мешал этому и квадратный нарост на дне, больше похожий на своеобразное крепление. Наверное, шкатулку прежде использовали вместо подставки. Но подставки для чего? Настя спросила об этом Шустова. В ответ он пожал плечами.

Наружный выступ левой стенки был украшен вырезанными буквами «ВН» с подобием растительных узоров внутри букв, а на выступе справа читалось простенькое «Tolle. Lege», которое Настя вчера перевела с латыни как «Возьми. Читай». Слова имели отношение к святому Августину – Настя обнаружила отсылку к ним на одном богословском сайте, однако вникать в прочитанное не стала.

– «Вэ-Эн». То есть «Би-Эйч» или... Думаете, эти буквы что-то значат? – Настя с надеждой посмотрела на Шустова.

– Возможно.

Не самый исчерпывающий ответ.

Из-за шкатулки антиквар забыл о жене. Если Катя его жена. Почему тогда он не носит кольцо? И забыл о ребёнке. Что за странное обращение – «ребёнок»? Почему не сказать «сын»

или «дочка»? Какая ерунда лезет в голову, когда нужно сосредоточиться! Настя хотела бы узнать, что Шустов делал со шкатулкой за той тёмновишнёвой дверью, но зачем-то спросила:

- У вас дочка?
- Сын. – Вопрос его не смутил.
- Рада за вас. Маленький?
- Два года.
- Да... С детьми поначалу трудно.

Настя покраснела от неуместности начатого разговора, а Шустов достал несколько бланков и попросил их заполнить. От прежней молчаливости не осталось и следа. Антиквар говорил неспешно, с вежливыми паузами, не давал Насте отвлекаться. Его голос убаюкивал, и нервозность отступила.

– Мы возьмём драгоценности вашей бабушки на реализацию. Отправим их на геммологическую экспертизу. В лаборатории определяют, какие здесь камни: их огранку, чистоту, размер. Попробуем установить их происхождение. Так проще продать. По каждому предмету получим сертификат, а на самые любопытные оформим антикварный паспорт. Что-то доверим друзьям из ювелирки, остальное продадим сами.

Настя кивала, попутно заполняла бланки: сверялась с образцами и вносила записи в пустые поля. Формальности только начались. Предстояло составить описание каждого украшения в отдельности, взвесить их и сфотографировать. На помощь Шустову пришёл его полноватый коллега, а другими посетителями занялся третий сотрудник «Изиды» – художавый мужчина с вытянутым лицом, которого Шустов назвал Костей.

Прошло два часа, прежде чем последний подписанный листок лёг в общую папку с хлопковыми завязками. О шкатулке все забыли. Разумеется, подобной безделицей заниматься нет смысла. Настя ждала, что ей назначат новую встречу и укажут на дверь. Расстегнула сумку, готовясь уложить туда шкатулку, но Шустов её перехватил – напугал Настю своей порывистостью. Шкатулку, в отличие от драгоценностей, антиквар собирался выкупить здесь и сейчас.

– Но... Она ведь... В ней ничего особенного. Семейная реликвия для того рыбака из Хургады, а теперь и для меня...

– Шкатулку я возьму в личную коллекцию. Перепродать её сложно, вы правы. А я такие поделки собираю.

- Думаете, она старинная? Ну, совсем старая или не очень?

Настя хотела выиграть время, обдумать происходящее, но Шустов ей не позволил. Назвал цену. Настя окончательно растерялась. На такие деньги она не рассчитывала. Напарник антиквара немедленно подsunул ей договор – когда только успел его подготовить? – и убедился, что она поставила необходимые подписи.

– Вы уверены, что ваш дедушка приобрёл шкатулку именно в Хургаде? – протянув конверт с деньгами, уточнил Шустов.

– Трудно сказать, – призналась Настя. – Дедушка выпивал... Иногда путался, но Хургаду упоминал часто.

- А на Филиппины ваш дедушка ходил?
- На Филиппины? Не знаю. Вряд ли. А что?
- Просто интересуюсь.

Шустов, не прощаясь, ушёл и прихватил с собой полноватого коллегу. Тот на ходу перетянул к себе шкатулку и принялся о чём-то живо говорить. Вместо них с Настей распрощался улыбчивый Костя.

Минутой позже Настя вышла из натопленного помещения на заснеженный тротуар одного из переулков Нового Арбата. Накинула капюшон болоньевой куртки и застегнула ворот. Пухлый конверт с деньгами во внутреннем кармане поддавливал грудь, однако Настя чувство-

вала себя обманутой. Она будто упустила нечто важное и, возможно, более ценное, чем прозаичная память о нелюбимой бабушке.

«Tolle. Lege». «Возьми. Читай».

Настя в последний раз взглянула на жёлто-белый доходный дом девятнадцатого века, первый этаж которого занимала «Изида». Рассеянно посмотрела на восстановленную лепнину фасада, на кованое крыльцо с вывеской антикварного магазина, на жалюзи в окнах второго этажа – и зашагала прочь, к припаркованной в соседнем дворе машине. О шкатулке решила не вспоминать, а вырученные за неё деньги сразу передать маме.

Глава вторая

В городе ласточек

«Вначале был Махал Макакаако. В руке он держал древо, и древо давало ему тень. С древа в руку ему упал червь, и испражнения червя стали первой землёй. В земле появились новые черви, они тоже испражнялись землёй, и её стало много. Махал Макакаако посмотрел на землю и подумал, что хорошо бы сделать из неё что-нибудь, что радовало бы глаз, – он был один во вселенной, и смотреть ему было не на что».

– Страшное одиночество всемогущего бога...

Мануэль любил предание мангиан, которое впервые услышал в четырнадцать лет. Тогда он служил у богатого выходца из их племени, Фернандо Манахана. Выполнял пустяковые задания: проследить, стащить, подслушать. Неплохо зарабатывал и помогал родной общине, одной из многих илоканских общин на острове Минданао. В двадцать один год даже съездил отдохнуть в горный Багио – увидел беспредельную даль Средне-Лусонской равнины и кобальтовые переливы Южно-Китайского моря. Мануэль надеялся однажды воплотить старинную мечту филиппинца: «летняя вилла на севере, апартаменты в Мадриде и имение в Андалузии на зимний сезон». Наверное, приятно жить в Испании и вспоминать о родной стране, «где круглый год весна цветы рождает огневые». Мануэлю не довелось этого узнать. В две тысячи десятом году пропал русский Шустов. Люди Манахана потеряли интерес к его «Изиде», и Мануэль остался не у дел.

С того дня прошло почти десять лет. Мангианы на связь больше не выходили. Тридцатидвухлетний Мануэль продолжал кочевать с острова на остров. Его гнала нужда. Он брался за любую работу, а к родителям возвращаться стыдился – слишком много небылиц рассказал им о будущих апартаментах в Мадриде. За последние полгода успел поработать носильщиком в двух разных портах. В октябре устроился на захолустную руэду в Себу: выпускал боевых петухов на арену и следил за проведением боя, затем чистил арену от крови и перьев. К ноябрю переехал в Давао, где по сезону дуриана – «короля фруктов» – подвизался торговать свежим дуриановым вареньем в парке Магсайсая.

В декабре Мануэль вернулся в Манилу, поселился в лачуге из картона и фанеры возле станции Пандакан и заделался железнодорожным рикшей: собрал шаткую телегу-дрезину и в промежутках между редкими поездами таксовал от Пако до Санта-Месы. Работа трудная. Нагруженную строительными материалами или дюжиной пассажиров дрезину приходилось толкать вручную, но Мануэлю нравилась жизнь посреди сотен таких же наспех сколоченных лачуг. Нравилось, как после очередного поезда с окнами, забранными решёткой, на ещё вибрирующие рельсы высыпали дети, как из городского шума вновь выделялись смех и нескладные голоса караоке. Мануэль обзавёлся петухом – по вечерам любовался его лощёными перьями, пальцем наглаживал чешуйки на его крупных лапах и покупал ему хваленый корм «Легион» по тридцать три песо за килограмм. Готовился со временем выпустить петуха на арену, но лачуга, а с ней петух и дрезина сгорели первого февраля. Тогда вспыхнул склад материалов на улице Томаса Клаудио. Пожар быстро поглотил строящуюся магистраль – третий пусковой комплекс манильской «Скайвей» обрушился, словно был не железобетонным, а деревянным.

Мануэль две ночи провёл возле пожарища, а неделю назад переехал сюда, в Батангас. Поселился на окраине, в бело-зелёной коробке заброшенного отеля «Максор». Днём стерёг прибывавших в город туристов – пока удалось стащить лишь один забытый на автовокзале рюкзачок, – а к вечеру шёл в центр Батангаса торговать клеёнчатыми зонтиками. Февраль выдался привычно засушливым, но Мануэлю это не мешало. Ночью зонтики раскупались хорошо. Тут не требовалось дождя.

Батангас – жалкий городишко, заполненный мототрициклами с крытыми колясками: пассажирскими, грузовыми, переделанными под лоток с мороженым или разъездную кухню. Для туристов он всегда был транзитным. Здесь останавливались перед утренним паромом на Пуэрто-Галеру или перед поездкой к вулкану Тааль. После недавнего извержения, накрывшего округу пеплом, местные власти ограничили подход к вулкану, но в итоге он притягивал ещё больше иностранцев. Они задерживались в Батангасе, чтобы найти водителя, согласного проскользнуть за ограждения, хотели насладиться видом бурлящего вулканического озера. Не зная, чем заняться в городе, выходили на вечерние прогулки и вынужденно покупали зонтики, без которых ночной Батангас в феврале становился непроходимым.

Мануэль усмехнулся брезгливости иностранцев. Крепче сжал стопку монет по двадцать пять сентимо – туго обтянутая бумажной лентой и вложенная в кулак, она утяжеляла удар, делала его пробивным. Хорошая защита от конкурентов, поспорить о её законности не удавалось и самым придирчивым полицейским.

Испанцы, американцы, японцы – кого здесь только не встретишь! Прежде они топтали Филиппины армейскими ботинками, а теперь разгуливали по островам с невинными лицами докучных визитёров. Три века филиппинцы прислуживали в испанском монастыре, полвека глотали пыль американских грузовиков и несколько лет унижались в японском лагере, прежде чем обрели независимость. И что же сделали каюманги – коричневые люди, – став свободными? Продолжают жить с испанскими именами, пляшут фанданго, говорят и пишут по-английски и сочиняют куцые хокку...

Если Конни Эскобар родилась с двумя пупками, отмеченная символом двух родоначал, то Филиппинам и не сосчитать пупков на своём искореженном теле. «Быть такой, какая я есть, – преступление.

Преступно иметь не один пупок. И я решила, что должна ненавидеть себя». Ненависть к своему убожеству ничем не лучше рабского лепета о своей исключительности. А благоухание белоснежной сампагиты и сегодня воспето по-испански. И главные патриоты, от Рисаля до Герреро, складывали стихи из испанских слов – не тагальских, не илоканских, не себуанских.

Ты всех жемчужин больше и белей,
Ты – рай земной среди морских полей,
Оазис в голубом восточном море,
Пусть вовек тебя минует горе
И паруса испанских кораблей.

Строки Эмилио Хасинто, заученные Мануэлем в школьные годы и не раз зачитанные перед классом. Строки, написанные на испанском. Какая ирония! Не менее горькая, чем сказки из школьных хрестоматий, где по страницам верхом на филиппинском буйволекарабао разъезжал испанский Бернардо дель Карпио, а Карл Великий восторженно размахивал малайским крисом.

Мануэль подбросил и поймал стопку перетянутых монет. С грустью посмотрел на рекламный плакат «Макдоналдса». Шесть часов. Темнеет. Скоро на улицах появятся туристы. Днём они, конечно, заметили, что тротуары Батангаса выкрашены в белый, словно укрыты пухом, а при ближайшем рассмотрении поняли, что это – ковёр птичьего помёта, но не придали ему значения. Не знали, что после шести центр наводнят сотни, тысячи беспокойных амбарных ласточек лаянг-лаянг. С бежевой грудкой и коричневатым зобом, подвижные, они будут повсюду. Облепят протянутую над улицами многоуровневую паутину проводов, световодов, крыши и бочки мачтовых трансформаторов. Лаянг-лаянг, сбежавшие на Филиппины от зимы из холодных краёв, поглотят город трепыханием тонких крыльев.

Четверть седьмого. Самое время. Мануэль, схватив в охапку зонтики, поторопился встать на крыльцо ближайшей гостиницы. Появление птиц вызвало восторг. Туристы вышли из ресторанов и магазинов. Разрезая темноту вспышками, начали фотографироваться под гирляндами щебечущих ласточек. Смеясь, снимали их на видео.

Прошло пять или шесть минут разноязычного веселья, прежде чем на улице раздался первый шелчок, будто лопнула скорлупа орешка. Щелчки нарастали, пока не слились в единую дождевую трескотню, но вместо дождевых капель вниз летел птичий помёт.

Туристы разбегались. Наспех очищали испачканные рубашки и боялись выглянуть из-под козырьков. Угодив в западню, с благодарностью принимали Мануэля, вышедшего гулять под одним из приготовленных на продажу зонтиков. Цену он устанавливал в зависимости от одежды и языка иностранца. Дороже всего зонтики обходились американцам лет сорока-пятидесяти, приехавшим в Батангас в сопровождении юных филиппинских подруг.

К восьми часам «дождь» прекратился. Ласточки успокоились, не трещали и не толкались на проводах – застыли сонными рядами. Лишь изредка кто-нибудь шикал на них с балкона, и тогда в воздух поднималось серое облачко обеспокоенных лаянг-лаянг; они быстро возвращались на место и вновь затихали. Из проулков потянуло запахами костров. Моторикиши расставили по углам свои трициклы, растянули над ними полиэтиленовые навесы и под звуки шепелявого радио улеглись спать.

Мануэль продал дюжину зонтиков. Довольный, примостился на ступеньках очередной гостиницы. Знал, что его ждут два часа затишья. Зевая, наблюдал, как на улицах из тени в тень проскальзывают кошки. Пришло их время заботиться об ужине. Им никто не мешал, кроме редких джипни, отправлявшихся в запоздалый рейс или возвращавшихся с маршрута домой.

Сколько дней Мануэль проведёт в Батангасе? Куда отправится дальше? Когда вообще закончится его неприкаянная жизнь? «И каждый день всё надо начинать сначала. В нашем мире всегда – понедельник и утро... Почему нельзя, чтобы всегда был субботний вечер и карнавал?» От апартаментов в Мадриде и имения в Андалузии он давно отказался. Сейчас согласился бы на небольшую квартиру в Форбс-парке. Желательно с красным паркетом из нарры и розовыми бугенвиллеями на балконе. Римская мраморная ванна тоже не помешает.

И сафьяновый диван напротив плазменного телевизора. Да, хорошо бы... Мануэль сквозь дремоту усмехнулся собственной скромности, когда в кармане завибрировал смартфон.

Незнакомый номер.

– Да?

– Бахала на анг Диос, – раздалось в ответ.

«На всё воля Божья».

Слова незнакомца прозвучали эхом далёкого прошлого. Мануэль сжал смартфон. Мимолётное онемение сменилось дрожью.

Тишина в трубке.

Мануэль знал, как именно ответить, но медлил. Свободной рукой достал из кармана стопку монет, будто готовился сейчас же избить любого, на кого укажет незнакомец. Мануэль больше не мальчишка. Он остался проворным и ловким, способным пробраться в оконную щель и долгие часы неподвижно стеречь жертву, мог без труда подслушать переговоры. Этих способностей Мануэль не утратил, но за последние годы развил и другие. Теперь не боялся ни крови, ни криков. Если потребуется, будет действовать открыто. Настойчиво и жестоко.

Всего четыре слова из пустоты телефонного молчания, и мечта о бугенвиллеях на балконе и римской ванне уже не казалась столь наивной.

– Бахала, – наконец выдал Мануэль.

Подобие паролей, которыми он обменивался с людьми Фернандо Манахана. Они означали, что мангиан приготовил для него новое поручение, а Мануэль в свою очередь соглашался его исполнить.

- Девятнадцатого февраля прилетит Шустов, – отчётливо произнесли в трубке.
- Шустов? – не сдержал удивления Мануэль. – Он объявился? Десять лет спустя?
- Шустов-старший мёртв. Прилетит его сын. Не один, с напарником.
- Сын...

– Ему двадцать. Теперь он возглавляет «Изиду». Фотографии Шустова-младшего и его напарника, деньги и всё необходимое ждут тебя в Маниле.

- Там же, где и всегда?
- Там же, где и всегда.

Сколько музыки, сколько удовольствия таилось в этой незамысловатой переключке!

- Сын Шустова ищет то же, что и его отец?
- Да.
- А... Что делать, когда он прилетит?
- Ты знаешь.
- Да. Я знаю.

Мануэль посмотрел на погасший экран смартфона. Боялся обмануть себя очередной грёзой. За последние годы ему не раз снился звонок от Манахана. Проснувшись, Мануэль с горечью чувствовал, как рассеивается ликование, как реальность заглушает ночную иллюзию. Но сегодня всё было иначе. Прежняя жизнь возвращалась. Мангианы и «Изида» давали Мануэлю новый шанс, и он собирался воспользоваться им сполна.

В десять часов ласточки опять оживились, но вторая волна птичьего гомона пришла слабая. Ласточки снимались с проводов группками, сменяли друг друга: носились серыми тучами над отдельными перекрёстками, как обезумевшие чайки над рыбным кильватером, привычно орошали тротуары перьями и помётом, хотя с меньшим напором, способным напугать лишь самых неопытных туристов.

Мануэль порывался бросить зонтики. Или раздать их бесплатно. Порадовать одиноких иностранцев, возвращавшихся из баров или игорных клубов. Нет. Десять лет назад Мануэль растратил заработанные у Манахана деньги. Прогулял, проел, спустил на петушинные бои. Теперь он будет беречь каждый песо, каждый сентимо.

К одиннадцати часам Мануэль продал оставшиеся зонтики, но возвращаться в затхлую коробку окраинного отеля не захотел. Знал, что не уснёт. Предпочёл проститься с Батангасом, проследив городскую ночь до её увядания.

К полуночи ласточки окончательно успокоились, уснули. От моря потянуло холодом. В уличной тишине монотонно гудели бочки развешенных по столбам трансформаторов. Изредка доносился одинокий стрекот неприкаянного трицикла.

Шустов-младший, кажется, застал мангиан врасплох. Иначе они бы не обратились к Мануэлю. У них не осталось времени искать новичка, объяснять ему, что именно происходит. Или Манахан действительно не забыл Мануэля, верил в него? Почему же молчал столько лет? Не всё ли равно?! Ему платят не за рассуждения.

Город начал пробуждаться к четырём часам – неторопливо, но без протяжных вздохов и ленивых потягиваний. Ласточки к рассвету исчезли. Провода и крыши опустели. Лишь белёные тротуары напоминали об их ночном буйстве.

Мануэль остановил разъездную кухню с пышущими котелками. Перекусил лапшой с овощами, выпил кофе и зашагал к автовокзалу. Рассчитывал уехать в Манилу на первом же автобусе. Нужно было подготовиться к встрече с русскими «друзьями».

Глава третья

Семья Самоедовых

Четыре месяца назад квартиру Самоедовых вскрыли. Когда Рита с мамой вернулись с дачи, папа уже ремонтировал дверь. Выглядел он подавленным, даже не смеялся над неопытностью воров, испугавшихся соседской собаки, – об их посещении говорили только взломанный замок и грязные следы в коридоре. Всё осталось на местах: телевизор, оба ноутбука и планшет. Папа надеялся завершить ремонт и прибраться до возвращения жены и дочери. Не успел. И запретил маме звонить в полицию.

– Что ты скажешь? У нас ничего не украли.

Рите случившееся показалось подозрительным. Слишком неловкие подобрались воры, слишком расстроился папа – он замкнулся и пропадал на работе до конца недели. Однако подпитывать подозрения было нечем, к тому же с нового года Риту беспокоили мысли о предстоящих экзаменах. История со вскрытым замком забылась, а после праздников папа обсмеивал местных «мокрых бандитов», преступно намесивших на полу целое море уличной слякоти. Несмотря на смех, вечерами наполнявший кухню, прежняя живость к папе не вернулась. С тех пор как «Мир оптики» выселили из Дома быта, у него случались дни отрешённой грусти, но такой затяжной она ещё не становилась.

Рита скучала по Дому быта на Урицкого – серой пятиэтажной коробке из железобетонных панелей в центре Иркутска. Скучала по лабиринтам его тесных коридоров, по шестигранным, похожим на перевёрнутые гробы окнам, по дребезжащему лифту и десяткам мелких конторок, разбросанных без видимой планировки: павильоны, ателье, мастерские с чудесными названиями, вроде «Планеты фантазий» или «Каблучка». Рита бродила между ними и в оптику возвращалась с карманами, полными конфет от незнакомых продавцов и сапожников.

Четыре года назад Дом быта объявили аварийным. Папа не верил, что оптику выселят. Упустил возможность переехать в Дом обуви напротив, в итоге перенёс салон на угол Ленина и Сурикова, где начинался сквер у Спасской церкви. Место оказалось мёртвым. Случайные прохожие попадались редко, а прежние покупатели не думали искать салон в таком отдалении от Урицкого. Переезд «Мира оптики» изменил жизнь папы и всей семьи Самоедовых. Тогда начались разговоры о кредитах, которые пришлось взять маме и бабушке, а на следующий год папа продал четырёхкомнатную квартиру в Солнечном и перевёз семью сюда, в двухкомнатную квартиру на Бажова, в вонючий Первомайский с его вонючей семьдесят седьмой школой.

За три года в новом районе друзей у Риты не появилось. Не то чтобы их раньше было много, но тут ей совсем не везло. А в углу её комнаты, возле платяного шкафа, заклеенного моющимися обоями, стояли неразобранные коробки. Старые игрушки, тетрадки, поделки из ткани и ваты. Мама ругала Риту за коробки, а потом перестала – и сама не разобрала вещи, по-прежнему лежавшие в чемоданах.

– Ужин на столе! – с кухни крикнула мама.

Привыкла, что в Солнечном от кухни не сразу докричишься до детской, и в Первомайском продолжала кричать так, что слышали соседи. Полдня возилась с духовкой. Готовила пиццу. Хотела порадовать папу. В итоге порадует себя. Как всегда, начнёт жаловаться, что ничего не получилось: соли много или мало, подгорело или не допеклось, – а папа с Ритой станут её утешать и приговаривать, до чего отменная вышла пицца, куда лучше додошной. И пока не покончишь с последним кусочком, похвалу прекращать нельзя. Старая добрая традиция. Лучше обойтись без ужина. Сказать, что болит живот. Или перехватила что-нибудь на улице. Нет... Дороже обойдётся.

Рита откинулась на скрипящую пружинную кровать, набросила на лицо распушённые волосы и сквозь них посмотрела на книжные полки, размышляя, в какой мир заглянуть перед

сном. Ей было из чего выбрать. Старая коллекция фэнтези с прошлого Нового года пополнилась зеленоградским сорокатомником Андрэ Нортон. Папа знал, какой подарок выбрать. Книжки плохонькие, с корешками не первой свежести, но сорок томов! Правда, весь «Колдовской мир» Рита прочитала ещё в седьмом классе, в библиотеке на Трилиссера.

Самоедовы распаковали книги в первую очередь, когда и полки-то не приехали из Солнечного. Мама часами жевала однообразную жвачку в мягких обложках, не запоминая ни имён, ни событий, но, как она выражалась, «прогуливая жизнь», что бы это ни значило. Рита гордилась разноцветными «Чернильным сердцем», «Волшебником Земноморья», «Хоббитом». А папа... Папе от бабушки достался не только «Мир оптики», но и его подборка с дореволюционным ГрантАлленом, довоенным Фрэзером, распухшей от закладок «Настольной книгой атеиста» и пожелтевшими брошюрами, изданными Центральным советом Союза воинствующих безбожников СССР. Риту смешило название. «Воинствующие безбожники»! Она даже взялась прочитать одну из брошюр, но быстро заскучала.

Когда бабушку спрашивали о его подборке, в которую вошли и настоящие богословские книги, он кратко отвечал: «Врага нужно знать в лицо». Папа присвоил бабушкину присказку и неизменно веселил ею гостей, но про «врага» упоминал с усмешкой. Религия его интересовала мало. В прошлом году он впервые заговорил о ней с Ритой – в тот день, когда застал её с брошюрой «воинствующих безбожников»:

– Верь, если хочешь. Можешь иконку купить. Или танку. Или... В общем, ты не думай, тебя никто не ограничивает.

– Я и не думаю, – смущённая, ответила Рита.

Папа погладил её по голове, сказал, что у неё красивые волосы, и добавил, что из бабушкиной подборки дважды читал Грант-Аллена.

– Мне его работы хватило. Знаешь, для меня теперь настолько очевидна сама нелепость религии – не веры, именно религии! – что не хочется рассуждать о её оправданности. Нелепо говорить об откровениях или чудодейственных мощах. Загробная жизнь и прочие выдумки – прекрасно, по-своему очаровывает, если не знать, как возникли первые верования: из сновидений и постижения собственной смертности. Я как-то со студенчества этой божественности предпочитаю константы и математические формулы. Вот они действительно прекрасны и удивительны в своём совершенстве!

Папа минут двадцать продолжал в таком духе. Сказал, что в любой религии заметна её эволюция от культа мёртвых до признания семейных богов, богов-царей, могущественного Олимпа и, наконец, торжества иудейского единобожия. Впрочем, это не мешало папе допускать некую непознаваемую для современного человека первопричину всего сущего и даже её персонификацию, не имеющую отношения к придуманным до и во время нашей эры богам. Да и верующих он не в пример бабушке врагами не считал. Принимал их религиозную мораль как наиболее адекватную и продуктивную.

– А её недостатки... Тут нужно говорить о неспособности человека следовать своим же идеалам. В общем, если появятся вопросы, почитай Грант-Аллена. Это как сходиться в Дарвиновский музей или прочитать «Происхождение» – больше никто не заставит тебя поверить в единый акт творения всех животных разом. А брошюры «безбожников» пусть себе пылятся. Поняла?

– Да.

Читать Грант-Аллена Рита не хотела. Предпочитала лишний раз заглянуть в мир Корнелии Функе – «повелительницы слов и заклинательницы чернил», уверявшей, что «мир ужасен, как дурной сон. Жить в нём нельзя. Книжки – единственное место, где можно найти сочувствие». Регистрируясь в очередном сообществе «тех, кто любит фэнтези», Рита заносила эту цитату в раздел любимых изречений.

У Риты не было способностей *Волшебного языка*. Она бы с радостью *вчитала* себя на остров, желательно скроенный по её лекалам. Там она бы забыла утомительную аллергию, остеоартроз, аритмию и прочую дребедень из медицинской карты. Мама с бережностью коллекционера подшивала в карту каждую новую справку.

«Девочка от первой беременности самопроизвольных родов в срок. Закричала сразу. На груди вскармливалась до шести месяцев. Росла и развивалась соответственно возрасту. Прививки получала по календарю». Самая здоровая запись в Ритиной «Истории развития ребёнка». Дальше нескончаемым списком шли респираторные заболевания, ячмени, консультации в кардиологическом диспансере, записанные хирургом жалобы...

– Долго тебя звать! – Мама распахнула дверь в комнату. – Идём. Пицца остынет.

– А папа? – Рита нехотя приподнялась в кровати.

Задремала, вспоминая папиных «безбожников».

– Давно пришёл! Ну!

Ужин начался предсказуемо. Мама заявила, что духовка старая – нормальную пищу не приготовить. Температура недостаточно высокая. И моцареллу для «Маргариты» нужно было брать менее жирную, из-за неё пицца потекла. К тому же моцарелла перекипела, вот и не тянется как надо. Папа успокаивал маму и ел с преувеличенным аппетитом. Он вообще впервые за весь февраль вернулся довольный, а когда мама собирала со стола опустевшие тарелки, вдруг встал с табуретки и объявил:

– Мы летим на Филиппины!

– Очень смешно. – Мама сгрудилась грязную посуду в раковину.

– А я не смеюсь. Билеты куплены. Вылетаем двадцать третьего февраля.

Папе потребовалось пересказать весь маршрут задуманного им путешествия, затем достать из брешей копии билетов, прежде чем мама серьёзно отнеслась к его словам. Дважды пересмотрев распечатки с «Букинга», она вытерла и без того сухие руки о фартук и тяжело села на стул.

– Говори, – выдавила мама после долгой паузы.

Рита, затаившись, ждала подробностей. Папа, не переставая улыбаться, бросил на стол несколько цветастых проспектов. Сказал, что два года назад взял их у Славы Джамбула и с тех пор мечтал отправиться по его следам на тропический остров Бусуанга.

– Ты с ума сошёл... – только и ответила мама.

Ей не нравилось, когда папа упоминал своего сокурсника. Слава Джамбул продолжал работать по специальности, инженером-строителем. Лет пять назад его повысили до технического директора «Ист вэй Строя». Папа радовался за друга, а во взгляде мамы читал укор. Мог достичь большего, если бы не дедушкин «Мир оптики».

– Ты представь! – папа расхаживал по кухне, останавливался у холодильника и осматривал скромную коллекцию магнетиков. – Песчаные пляжи, кокосовые пальмы, море... Ты видела прогноз? В Иркутске весь февраль холод. Минус десять, минус восемь, а на Филиппинах круглый год плюс тридцать. Слава мне рассказал.

– Слава... – мама прикрыла глаза.

– Да, Слава. И он рекомендовал заглянуть в ресторанчик «Лейзи Лейн». Уютное местечко, не все знают о его существовании. Они себя особо не рекламируют. И там хоть весь день сиди, наслаждайся запахом моря и креветок. Свежих креветок! А не китайской пластмассы из «Слаты». Корон... – папа помедлил, подыскивая слова. – Это райский городок на Бусуанге. Там, наверное, европейцев и американцев больше, чем туземцев.

– *Туземцев?* – с сомнением переспросила Рита.

– Ну... филиппинцев. Индейцев. Не знаю, как правильно. В общем, местных. Они там улыбочивые. По утрам туристы бегают в спортивных костюмах, завтракают на верандах, а в восемь к отелям стягиваются белые фургончики «Тойота». Они забирают приезжих в туры, –

папа неопределённо махнул на рассыпанные по столу проспекты. – В фургончики садятся в купальниках, в тапочках, с масками... И едут на причал, где покачиваются вереницы прогулочных лодок. Ты перебираешься на первую из них: два помощника на весу держат бамбуковый поручень, и ты хватаешься за него, чтобы не упасть, а если упадёшь, то это весело – вода тёплая, чистая. И когда доберёшься до своей лодки, ждёшь остальных. Там стоят лодки маленькие и внушительные, с душевыми и без, с открытыми кухнями или просто с мангалами, но все – традиционные, знаешь, с бамбуковыми противовесами, расставленными по воде, как ножки водомерок. И перед отплытием по ним бегают торговцы с гирляндами и веерами всякого туристического барахла, чипсов, газировок. Ты смеёшься над их проворностью и непременно что-нибудь покупаешь. Совсем ненужное, глупое. Но забавное. И радуешься. Потому что ты на отдыхе. Ни слякоти, ни промёрзшего подъезда, ни переполненных троллейбусов.

Рита давно не видела папу настолько возбуждённым, не слышала, чтобы он так сбивчиво и восторженно говорил о чём-то, кроме планов по возрождению оптики.

— Туристы одеты как попало. Кто в плавательных тапках, кто в ботинках. Кто в ветровках, а кто в ночнушках, натянутых поверх купальника. И все мажутся кремом от загара. И Слава рекомендовал садиться поближе к рулевой рубке, потому что там меньше брызг.

– Миша! – Мама стряхнула одолевшую её робость. – Это безумие! Какие Филиппины? О чём ты? На какие деньги?

– Деньги есть! – Папа остановился возле окна.

– Откуда... Ну хорошо. Если есть, то... Мне каждый день называют из банка. Почему не погасить кредит? Ты сам говорил, там немного накопилось и...

– Погасим.

– Как?

– Лада, ты доверься мне, хорошо?

Папа отошёл от окна и опустился перед мамой на колени. Рите стало неловко. Она упёрлась подбородком в скрещённые на столе руки. Постаралась укрыться волосами, как капюшоном, и рассматривала старые, намертво въевшиеся пятна на габардиновой скатерти.

– Доверься, и всё будет хорошо. Я хороший игрок. Мне просто нужны правильные фигуры. Не думай об оптике и звонках. На Филиппинах мы выдохнем. Проживём неделю так, будто Иркутска не существует. Будем каждый день плавать на лодках по разным островкам и пляжам. А вечером возвращаться в Корон. Вечером там всё преображается. Туристы снимают купальники, надевают платья и костюмы, расходятся по ресторанчикам и сидят до темноты под звуки живой филиппинской музыки.

– Это тебе тоже Слава рассказал?

– А ещё по Корон каждый день в пять утра катится белый грузовичок мусоровоза. У него над кабиной громкоговоритель, и на всю улицу играет одна и та же зацикленная «Песня басуреро», то есть «Песня мусорщика». И так двадцать пять лет. «Мусор не выбрасывай на дорогу. Мусор, чтобы не получить штраф. Не волнуйся, мы приедем, чтобы собрать весь мусор».

– И это песня? – усмехнулась мама.

– Да! – Папа поднялся с колен и вновь принялся ходить по кухне с истовостью одержимого. – Каждый день! Двадцать пять лет! Все просыпаются под игривое «Басура», то есть «Мусор», и вступительный хор, такой торжественный, страдный. Представляешь?

– Наверное, там очень чисто, – с сомнением ответила мама.

– Да... А главное... Главное, эта зацикленность – победа над временем. Курортные дни проходят как один. Один бесконечный день отдыха без путаных смет и отчётностей.

– Но почему февраль? Ты забыл? У нас школа... У нас с понедельника подготовительные курсы!

Мама была права. Трёхмесячные подготовительные курсы при Иркутском университете. Факультет сервиса и рекламы популярностью не пользовался, но бюджетных мест на нём выделяли мало. Средний проходной балл невысокий – семьдесят один, но ЕГЭ по истории Риту пугал, в отличие от русского и обществознания, а идти на платное ей точно не хотелось. Уж лучше устроиться работать и подождать следующего года. Ну да... Мама с ума сойдёт.

– Почему не потерпеть до каникул? – настаивала мама. – Почему такое чувство, что мы бежим? Вдруг сорвались и... Миш, это как-то связано?

– Что?

– Что нас пытались обворовать и...

– Да ну, глупость какая. Как это может быть связано?!

Папа рассмеялся. Смех прозвучал делано. Или Рите показалось? В любом случае, с папой явно что-то происходило. Даже после выселения из Дома быта он не выглядел таким раздёрванным и... чужим.

– Про школу и курсы я не забыл. Мы вылетаем двадцать третьего февраля. Вернёмся четвёртого марта. Рита пропустит немного. Не трагедия. Там ведь и двадцать третье перенесут с воскресенья. И у кого-то будет день рождения, – папа рассеянно посмотрел на Риту, – а у нас с тобой годовщина. Почему не отпраздновать всё поездкой на Филиппины? Лада... послушай, я устал. Надеюсь, что ты обрадуешься и поддержишь. А мне твоя поддержка пригодится.

– Прости...

Мама поднялась со стула. Заставила папу остановиться и обняла его. Она смирилась и других вопросов не задавала. С того дня, как папа уговорил её уйти с кафедры иностранного языка, мама вообще редко с ним спорила. Тогда дела в оптике шли хорошо, и Самоедовы могли позволить себе другую жизнь.

Следующий час мама развлекала папу, переводя отрывки из принесённых им проспектов. Предлагала заранее договориться, в какой из туров отправиться в первую очередь: «Супер алтимит» за две тысячи песо или «Айленд эскапейд» за тысячу семьсот. Перечисляла места, где им предстояло побывать: озеро Барракуда, озеро Каянган и парк Луалхати. Сказала, что погружаться к потопленной японской канонерке точно не станет, а вот в «Биолюминесцентный ночной тур» с плавучим рестораном съездила бы напоследок.

Рита в свою очередь украдкой вычитала в интернете о январском извержении вулкана Тааль – сейсмологи зарегистрировали больше шестисот мелких землетрясений. «Проснувшийся вулкан засыпал Филиппины трёхсантиметровым слоем пепла. От пепла особенно страдают животные – он забивается в их шерсть и дыхательные пути». Кроме того, Рита нашла несколько статей о новом коронавирусе. В Китае опасались эпидемии. Три человека уже скончались за пределами Китая, один из них – на Филиппинах. Рита не стала говорить об этом маме, не хотела её пугать, но показала ей прошлогоднее забавное видео, где на филиппинского президента во время выступления забрался громадный таракан. Рита с папой смеялись над маминой реакцией, потом отпустили её мыть посуду, а сами разошлись по комнатам.

Перед сном родители шептались о предстоящей поездке, о двухдневном туре с дюгонями за три тысячи песо: «Мы заберём вас на частный остров с белоснежными рощами персиков, подводными лесами кораллов и восхитительными дюгонями!» Шёпот прерывался смехом и счастливой вознёй под одеялом. Кажется, мама с папой вновь ладили. Но Риту не отпускала давящая тревога. Томительное предчувствие, объяснить или выразить которое Рита не могла.

Глава четвёртая

Латерна магика

– Это то, о чём я думаю? – Дима положил руки на крышку деревянного ящика.

Таких ящиков, выкрашенных в жёлтый и пронумерованных, в подвале «Изиды» было много. В них хранились наиболее загадочные артефакты – Максим называл их зацепками, которые его отец, Шустов-старший, и другие основатели «Изиды» не успели изучить или отложили до лучших времён. Лучшие времена для них не наступили. Из пятерых основателей погибли четверо. Последним в перуанских джунглях погиб сам Шустов. Его измученное многолетними лишениями тело было погребено под скальными обломками. В живых остался лишь Покачалов, сейчас сидевший наверху, в торговом зале, и занимавшийся покупателями, – он располнел больше обычного, продолжал обливаться потом в духоте натопленного помещения и неустанно тёр платком влажную лысину.

«Изида», основанная в девяносто восьмом году, изначально работала по заказам аукционных домов: искала утерянные предметы искусства, изучала их, готовила к последующей продаже или помогала им навсегда укрыться в домах частных коллекционеров. Шустов-старший и его друзья, все – выпускники Строгановки, отправлялись в затяжные экспедиции, не страшась ни пустынь, ни сельвы, но десять лет назад, после первых смертей и череды неудачных сделок, «Изида» превратилась в обычный антикварный магазин, спрятанный в одном из переулков Нового Арбата. О новых расследованиях Покачалов не помышлял, пока в стенах магазина не появился Максим.

Шустов-младший добрался до подвальных помещений с архивами и месяцами пропадал в главном из них – в жёлтой комнате, где сегодня его и застал Дима. Жёлтой её называли из-за цвета ящиков с артефактами. Цвет стен, едва проглядывавших за переполненными стеллажами слева и справа, определить было трудно.

Максим откинулся в глубь вольтеровского кресла и беспечно наблюдал за другом, стоявшим по другую сторону П-образного стола. Они с Димой вместе учились на журфаке Московского политеха, на четвёртом курсе, правда, после зимней сессии Максим в университете появлялся редко. В прошлом году он уже потерял стипендию. Осталось попасть под отчисление. Диме никак не удавалось выяснить, какое из архивных дел настолько увлекло Максима, что тот порой ночевал в «Изиде». Дима изводил его звонками и приезжал в Зеленоград, где Максим снимал квартиру, заваливался с допросами в дом к его маме в Клушино. Наконец добился своего. Ответы лежали тут, в деревянном ящике, – Дима бережно приподнял крышку.

Незакреплённая, крышка поддавалась легко. Дима замер, не зная, куда её пристроить. Стол был завален книгами, растрёпанными кон-волютами и подшивками чёрно-белых распечаток. Возле ящика лежали папки, среди них – папка «Альтенберг. 2001–2002. АН-02/ 341ФИ». Номер отсылал к ящику и его содержимому. За монитором виднелась рамка фотографии, сделанной Максимом позапрошлой осенью в перуанском Трухильо: Дима и его сестра Аня позировали на фоне тёмно-зелёной амброзии. Ещё несколько фотографий были разбросаны по столу. Дима опустил на них крышку, затем развёл пальцами древесную стружку, наполнявшую ящик, и обмер.

– Кажется, я знаю, о чём будет моя следующая книга, – воскликнул он, вынимая деревянную шкатулку, о которой минутами ранее прочитал в подшивке по делу Альтенберга.

– Ты «Кровь джунглей» не закончил.

– Закончу, – поморщился Дима, вспоминая список запутанных, местами оборванных глав. Собрать из них единый приключенческий роман пока не получалось. – Главного я добился: Татьяна Тимофеевна проведёт мою книгу вместо дипломной работы. Точнее, «Кровь

джунглей» засчитают творческим приложением, останется написать две вводные главы о «проблемах синтеза научного краеведения и журналистики» и прочей методологической чуши.

Дима осматривал шкатулку, выискивал отмеченные ещё Шустовым-старшим детали: «ВН» на выступе левой стенки и «Tolle. Lege» на выступе правой.

– Возьми... Читай... – промолвил Дима. – Эти слова помогли Блаженному Августину обратиться к Христу и стали девизом ордена августинцев. В данном случае они – ключ к тайне девятнадцатого века. Феноменально... Думаешь, твой папа сразу догадался?

Дима постучал костяшкой среднего пальца по набалдашнику с девизом августинцев, прислушался к раздавшемуся полному звуку. Отстегнул застёжки и заглянул внутрь шкатулки – провёл пальцем по квадратному наросту на дне. Наконец положил шкатулку обратно в ящик и, уткнувшись кулаками в столешницу, потребовал подробного отчёта.

– Рассказывай, чем конкретно ты тут занимался последние месяцы. Почему вообще заинтересовался делом Альтенберга. Что успел сделать твой папа. И... с чего ты взял, что сделаешь больше?

– Наберись терпения. Тут надолго, а мы опаздываем. И основные материалы я перевёз в Клушино.

– В Клушино? Ты же... Я думал, вы с Аней поживёте у тебя в Зеленограде.

– Поживём в Клушине.

– Ясно... У вас всё в порядке?

– Там и выясним.

Максим выглядел безучастным. Умел скрыть чувства. Дима и не собирался вникать в его отношения с Аней. Ещё не хватало. Диму волновали лишь шкатулка и связанная с ней история.

Сестра прилетала завтра рано утром. Она предупредила, что пробудет в Москве почти неделю, прежде чем вернуться на учёбу в Мадрид. Максим обещал своей маме подъехать к четырём и подготовить дом к Аниному дню рождения. Они с Димой действительно опаздывали.

– Ну хоть покажешь, как она работает?! – взмолился Дима. – Не могу же я уйти просто так.

– Покажу. – Встав с кресла, Максим обогнул стол. Подал Диме его трость, а сам подхватил ящик со шкатулкой. – В другой комнате.

Из прочитанных материалов Дима знал, что владельцем шкатулки был монах-августинец Бернардино де Эррера, то есть Bernardino de Herrera. Именно его инициалы значились на левом выступе: ВН. Летом тысяча восемьсот девяносто четвёртого года он отплыл из порта филиппинской Манилы на стареньком парусно-винтовом корвете «Альмасен де ла Фе». Оставалось два года до расстрела поэта Хосе Рисаля и четыре года до того, как в бухте Манилы американская эскадра потопит испанский флот – захватит Филиппины, а заодно присвоит Кубу и Пуэрто-Рико. Обстановка была беспокойная, и «Альмасен де ла Фе» отбывал в спешке, едва успев проверить оснастку и собрать команду.

Пройдя вдоль северного побережья Борнео, корвет вышел в Индийский океан. Оттуда проследовал в Красное море, рассчитывая в дальнейшем пройти Суэцкий канал, восполнить припасы в Порт-Саиде и устремиться к проливу Дарданеллы. Местами опасное, но в целом заурядное плавание. Для «Альмасен де ла Фе» оно стало последним. Корвет навсегда застрял в северной части Красного моря. Подвёл лоцман, не сумевший провести судно между скоплениями островков и выступавших над водой рифов. Получив крупную пробойину ниже ватерлинии, «Альмасен де ла Фе» затонул неподалёку от пустынного египетского берега.

Команда и пассажиры перебрались в спасательные шлюпки и к вечеру следующего дня благополучно доплыли до ближайшего порта. Погиб один человек. Бернардино де Эррера. В отчёте капитана значилось, что монах-августинец рванул в свою каюту, надеясь захватить важные для него вещи. О каких вещах шла речь, капитан не знал. Упомянул только, что Бер-

нардино де Эррера путешествовал с обитым медью деревянным сундуком из красного дерева нарры.

«Альмасен де ла Фе» лёг на илистое дно, как отмечал в записях Шустов-старший, *весьма удачно*: почти без крена и дифферента, на глубине чуть больше двадцати метров. И без того почти разорившийся судовладелец давно просрочил выплаты по страховке, а поднять корвет самостоятельно, разумеется, не смог – опять же, не нашлось денег. В итоге продал его за ничтожную сумму, и годом позже новый владелец поднял с «Альмасен де ла Фе» всё наиболее ценное, в том числе сейф судового казначея. В сейфе вещей Бернардино де Эрреры не оказалось.

С тех пор о затонувшем корвете не вспоминали. Прошло восемьдесят лет. Судно затянуло пятиметровым слоем ила. Его киль упокоился на смеси гальки и песка, под которой начиналось скальное основание, и на двадцатиметровой глубине волны не беспокоили «Альмасен де ла Фе». Корвет пролежал бы там, законсервированный, хоть дюжину веков, но после арабо-израильской войны в тысяча девятьсот семьдесят третьем году Египет занялся расчисткой Суэцкого канала. Потребовалось подорвать затерявшиеся в канале мины, поднять два десятка затонувших судов, и местные моряки наткнулись на останки «Альмасен де ла Фе».

Корвет был обследован вторично. Египтяне его буквально выпотрошили. Они извлекли даже крестильные монеты из форштевня. Надежды отыскать испанские сокровища, подобные тем, что разбросаны по Атлантическому океану после времён «Серебряного флота», не оправдались, но помимо прочего водолазы подняли на берег путевой сундук Бернардино де Эрреры.

– Кстати, в подшивке не сказано, почему сундук уцелел, – заметил Дима, когда Максим вывел его из жёлтой комнаты и повёл по узкому подвальному коридору «Изиды».

– Сундуку повезло, – Максим кивком указал на нужную дверь, и Дима, перехватив трость под мышку, поторопился её открыть. – Когда корвет затонул, на него упала бочка дёгтя.

– На корвет?

– На сундук.

– Откуда в каюте монаха взялась бочка с дёгтем?

– Точно неизвестно. Может, не выдержали переборки и бочка завалилась из соседней каюты. Или упала сверху. Или сундук сам провалился в трюм. В общем, египетские водолазы нашли сундук залитым дёгтем. К тому же глубоко в иле. В итоге он сохранился почти неповреждённый.

Дима щёлкнул выключателем. Когда проморгались люминесцентные лампы, он увидел, что Максим привёл его в мастерскую. Здесь по углам стояли два верстака, под чехлом виднелся простенький токарный станок. На жестяных полках размещались инструменты, а центр комнаты занимал прямоугольный стол с приставленными к нему стульями.

Пахло тут пылью и ржавчиной, угадывался кисловатый аммиак. Постукивая тростью по бетонному полу, Дима прогулялся до дальней стены с двумя откидными окнами под потолком и обнаружил там среди обломков багета знакомый рисунок. Аня зарисовала их втроем с Максимом под старым баньяном, неподалёку от представительства «Изиды» в индийском Ауровиле. На рисунке все трое выглядели счастливыми, улыбались. Хороший день. И Максим ещё ходил без седой пряди в каштановых волосах, без горбинки сломанного носа.

– Сундук до сих пор в Хургаде?

– Да. – Максим поставил жёлтый ящик на стол и взялся губкой стирать засохшие надписи с громоздкой маркерной доски. – Отец его видел. В местном музее. Он у них в хранилище, с остальными вещами Эрреры.

Сундук оказался главной находкой египтян. Помимо коленкорových и полотняных одежд августинца удалось извлечь десяток церковных книг с переплётами, инкрустированными сердоликом и топазами, кое-какую церковную утварь и два серебряных креста. Кроме того, уцелели документы и запечатанные письма. Там же наверняка хранилась и шкатулка монаха,

однако в переданном музею списке она не значилась. Шустов-старший предположил, что шкатулка, а с ней другие показавшиеся египтянам наименее ценными предметы «затерялись в пути», точнее – перебрались из морского ила на местные рынки Хургады, где всегда хватало любителей старины. Возможно, сохранившиеся письма изначально лежали именно в шкатулке; в них ничего примечательного Шустов не обнаружил.

Продать неказистую шкатулку не удалось. В послевоенное время сделать это было трудно. Скорее всего, она с полгода кочевала из рук в руки, пока не очутилась на палубе советского тральщика, – если верить воспоминаниям механика Альтенберга, он выменял её у местного рыбака. Чуть ли не на банку тушёнки. Затем шкатулка двадцать семь лет пролежала в Малаховке, пока девятнадцать лет назад внучка Альтенберга не принесла её в «Изиду».

Шустов-старший с привычной дотошностью отследил бытование шкатулки, но Диму восхитило другое: как отцу Максима удалось походя раскрыть её тайну. Оставив внуку Альтенберга в торговом зале, он открыл тёмно-вишнёвую дверь, пересёк основное хранилище «Изиды», проскользнул за потайную серую дверь, прикрытую от чужих взоров развешанными на металлических щитах старинными шпалерами, спустился в подвал и наконец зашёл сюда, в мастерскую. Минутой позже Шустов-старший произнёс два заветных слова, теперь повторённые Димой:

– Латерна магика.

– Верно. – Максим очистил маркерную доску.

Пока он доставал из ящика новенький светодиодный фонарик и оставшийся после Шустова-старшего объектив от фотоаппарата «Зоркий», Дима в нетерпении прогулялся до токарного станка и спросил:

– Думаешь, мы сделаем больше, чем твой папа?

Максим не ответил. Возился с объективом – вправлял его в алюминиевый тубус. Всё необходимое для наглядного опыта лежало в ящике.

– Вообще, сейчас многое изменилось, – сам себе ответил Дима. – Оборудование другое и...

– У отца хватало проектов, – отозвался Максим. – Он не слишком верил в шкатулку.

– А ты? Почему ты веришь? Почему вообще выбрал дело Альтенберга? В архивах много всякого. Честно, я думал, тебе понравится дело Тюрина по Восточному Саяну. Любопытно ведь. Статуэтки оборотней, белый нефрит и затерянное племя карагасов...

– Готово.

Дима, отмахнувшись от саянских оборотней, поторопился к выключателю. Представил, как девятнадцать лет назад Шустов-старший в предвкушении зашторил окна и погрузил мастерскую в темноту.

«Tolle. Lege» было прямым указанием, краткой инструкцией, отсылавшей не к письмам, а к дополнительному посланию, вживлённому в само деревянное тело шкатулки. «Возьми. Читай». Достаточно надавить на наружный выступ правой стенки – тот самый, где красовался девиз августинцев, – повернуть его по часовой стрелке, и выступ, в действительности бывший защитным колпачком, выпадал. Возможно, когда-то он снимался без особых усилий, но Шустову-старшему пришлось воспользоваться инструментами, прежде чем он увидел, что под ним прячется.

Внутренний выступ выкручивался таким же образом. Без колпачков становилось очевидно, что они прикрывали сквозное отверстие диаметром в одиннадцать сантиметров, то есть почти во всю высоту правой стенки. Верхняя планка стенки сдвигалась – и в открывшуюся щель монах Бернардино де Эррера или кто-то другой из августинцев опускал тонкую деревянную рамку. В рамку были заключены два перетянутых бумажным кантом стёклышка. Зажатое между стёклышками, хранилось то, что Бернардино де Эррера обязался доставить в Испанию. То, что завлекло его в каюту тонущего «Альмасен де ла Фе». Микрофиша. Плоский фотогра-

фический снимок, уменьшенный в семьдесят раз по сравнению с оригиналом и заполненный знаками, невооружённым глазом не различимыми.

К отчёту по делу Альтенберга Шустов-старший подшил краткую справку от Покачалова, указавшего, что подобные снимки появились в середине девятнадцатого века. Во время франко-прусской войны их использовали для передачи военной корреспонденции из осаждённого Парижа – почтовый голубь переносил сразу по два десятка уменьшенных посланий. Чтобы прочесть крохотные буквы или разглядеть мельчайшие чертежи, микрофишу помещали в простейший проекционный аппарат – в латерну магику, то есть «волшебный фонарь», предок современных проекторов. Именно такой фонарь, замаскированный под шкатулку, и вёз Бернардино де Эррера.

В стенке шкатулки, скрытые под набалдашниками, размещались рамка с микрофишей и оптический конденсатор из двух плосковыпуклых линз. Конденсатор фокусировал свет на зажатой между стёклышками микрофише. Оставалось разместить источник света – он крепился в квадратном наросте на дне шкатулки, – затем снаружи прикрепить к стенке съёмный объектив, которым в те годы служила обычная двояковыпуклая линза, и на любой гладкой поверхности появлялось различимое, увеличенное в десятки раз изображение скрытого послания.

Августинцы едва ли использовали электрический свет. Первые электростанции в Маниле появились лишь незадолго до того, как «Альмасен де ла Фе» отправился в последнее плавание. Шустовстарший предполагал, что в шкатулке Бернардино де Эрреры размещалась керосиновая горелка. Покачалов писал о наиболее вероятном применении газовой лампы. Сейчас, сто двадцать шесть лет спустя, Максим готовился использовать светодиодный фонарик.

– Странно, что шкатулка... неказистая, – прошептал Дима и аккуратно сел на стул, будто сторонним звуком разрушил бы волшебство допотопного проектора.

– Шкатулку с инкрустацией могли выкрасть ради неё самой, не зная о скрытом послании.

– Ну да, логично.

При свете фонарика Дима наблюдал, как Максим прижимает к шкатулке тубус с объективом. Тубус ставился на разноцветные деревянные кубики – первое, что попало под руку Шустовустаршему, да так и сохранилось в общем наборе. Дима усмехнулся, подумав, что кубики он позаимствовал из игрушек тогда ещё маленького Максима.

– Почему просто не перевезти микрофишу? – вновь шёпотом спросил Дима. – Зачем всё усложнять? Подшить её в рясу или в пояс... И не надо никаких шкатулок. А там уж адресат пусть пользуется своей латерной магией.

– Может, изначально и подшивали. – Максим пристраивал на место фонарь. – А потом решили, что проще передавать шкатулку.

– Подумали, что так изящнее?

– Надёжнее. Шкатулкой можно воспользоваться в любой момент. А неприкрытый волшебный фонарь привлечёт внимание. Рано или поздно кто-нибудь захочет узнать, зачем он в церкви.

– Да... Переносная латерна магика.

– Готово.

Максим снял с тубуса заглушку – и на маркерной доске появилось пыльное желтовато-серое изображение. Пришлось повозиться с объективом, прежде чем оно стало достаточно чётким. Дима, не сдержав восхищения, поднялся со стула. Стоявшая рядом трость скользнула по кромке стола и глухо ударилась о бетонный пол. Дима и не подумал её поднять. Пусть хоть в щепки разлетится. Сейчас не до неё.

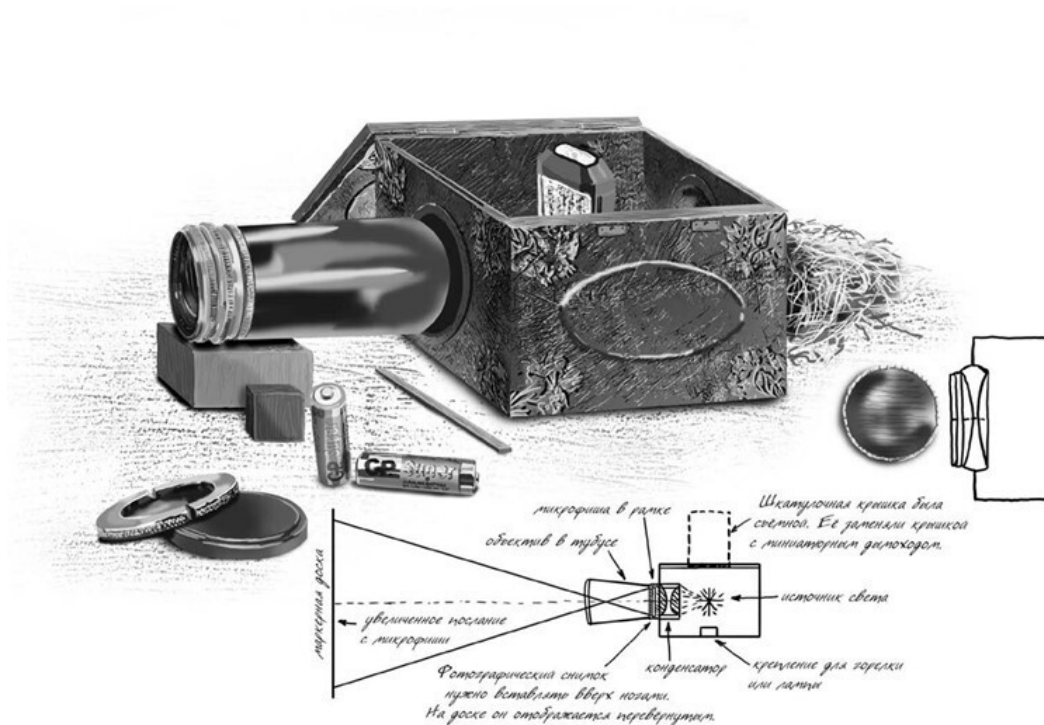
– Замечательно!

Дима с жадностью всматривался в каждую из проступивших строк тайного послания. Вышел из-за стола и шагнул поближе к доске, чтобы разглядеть монохромную шапку, обрам-

лявшую витиеватый заголовок. В шапке виднелись изображения креста, знакомых слов «Tolle! Lege!» и двух символов: раскрытой книги и охваченного огнём, пронзённого стрелой сердца.

– «Книга символизирует преданность поиску знания, как земного, так и божественного», – Дима по памяти воспроизвёл отрывок из отчёта Шустова-старшего. – Эмблема ордена Святого Августина... Вряд ли Эррера знал, о чём написано в послании.

– Если и знал, то не запомнил во всех деталях.

– Да, детали тут важны. Вот он и бросился в каюту. И погиб. А продублировать послание монахи не успели. Началась война. Получается, кроме нас, теперь никто не знает тайну августинцев? Она утонула вместе с корветом... У тебя же есть перевод?

– В Клушине.

– Ясно...

«Альмасен де ла Фе» был ключевым, но не единственным и далеко не самым интересным затонувшим судном в этой истории. Диме не терпелось ознакомиться с полным переводом послания, однако он, замороженный, не мог оторваться от проекции на магнитной доске. Знал, что делает первый шаг на долгом пути к развязке очередного дела «Изиды», и хотел сполна насладиться предвкушением.

– Значит, Филиппины, – промолвил Дима.

– Я вылетаю в Манилу на следующей неделе, – отозвался Максим.

– Я?! – вскрикнул Дима.

Очарование от ожившей латерны магии пропало.

– Что значит *я вылетаю*?! Как будто не знаешь, что я хочу с тобой!

Максим, рассмеявшись, вынул из шкапулки фонарь и пошёл к выключателю.

– Что тут смешного? – не успокаивался Дима.

– Билеты куплены на нас двоих. Летим вместе.

Глава пятая

Жёлтая папка

Филиппины встретили Диму чередой плакатов. Первый многоязычно приветствовал гостей манильского аэропорта и обещал им чудесный отдых на любом из семи тысяч местных островов, остальные плакаты выглядели чуть менее дружелюбно. «В случае землетрясения сохраняйте спокойствие и следуйте в обозначенную зону эвакуации» с набором картинок, объясняющих, где и как прятаться от падающих обломков. «Африканская чума свиней – угроза филиппинскому свиноводству» с перечнем стран вроде Польши и России, откуда обычно прибывает зараза. Запрет на ввоз растений и почв без разрешения, выданного Бюро растениеводства, запрет на сбор живых или мёртвых кораллов, запрет на оребрение акул и ещё десяток разномастных запретов. Главный плакат рассказывал о новом коронавирусе 2019-энКоВи из Уханя. В дополнение Дима обнаружил табличку с цветовой гаммой мочи, благодаря которой приезжие могли определить у себя обезвоживание и вовремя обратиться в одну из замечательных филиппинских клиник.

– Вот уж точно добро пожаловать. – Дима неспешно вышагивал по аэровокзалу и радовался тому, что в итоге прилетел один. Максим, оказись рядом, подгонял бы его каждую минуту.

Отстояв очередь к обменнику, Дима взял такси и отправился напрямик в отель. Самолёт приземлился в первом часу ночи, и осмотр города пришлось отложить на следующий день.

Дима надеялся до возвращения в Москву набросать черновик новой книги, посвящённой делу Альтенберга. Разумеется, не было гарантии, что Максим до конца раскроет тайну августинцев, но этого и не требовалось. Достаточно наметить канву истории, а дальше свою роль сыграет воображение. Без него не обойтись в любом случае. «Что скажем мы людям в Англии, когда они попросят позабавить их нашими рассказами?» Кутзее в «Мистере Фо» прав. Читатель расстроится, если в романе о тропической стране не найдётся диковинных фруктов, змей и львов. И куда без людоедов? Ну или хотя бы одичавших августинцев, вынужденных веками скрываться в церковных катакомбах. Они ждут Максима. И готовы встретить его градом ядовитых стрел. Хотя... в катакомбах стрелы градом не полетят – тесновато.

Зарегистрировавшись в отеле и поднявшись в номер, Дима сразу позвонил Максиму. Узнал, что в Испании тот задержится по меньшей мере на пять дней. Организовать экспедицию на Филиппины оказалось нелегко. Сама «Изида» не могла обеспечить её сполна, и Максим обратился в севильский холдинг «Форталеза дель Сур», с которым прежде сотрудничал его отец, Шустов-старший. Новый владелец холдинга – дочь предыдущего – хорошо знала Максима и согласилась ему помочь. Благодаря ей в Кадисе удалось арендовать катер и необходимое оборудование, а также нанять юриста и команду надёжных водолазов. Куда труднее было договориться с филиппинскими властями.

Дима пришёл в ужас от перечня требований, свалившихся на «Изиду», и решил, что не упомянет их в своём романе. Его герои просто сядут на яхту и, захватив парочку помповых ружей, отправятся к месту назначения. От Максима же потребовалось расписать подробную техническую и экологическую программу запланированного исследования, заверить её в Департаменте окружающей среды и природных ресурсов Филиппин, в Бюро горных работ и наук о Земле и ещё в десятке бог знает зачем придуманных контор. Следом Максим подписал соглашение с филиппинской береговой охраной и с Комиссией национального наследия, внёс залог в Государственную систему страхования услуг. Скуотища! Никто в здравом уме не додумается расписывать подобные препоны в приключенческом романе и тем более не захочет о них читать. Но даже этих соглашений и договоров оказалось мало. Дима не знал, чем именно

сейчас занят Максим, ему было достаточно того, что в конечном счёте сотрудники «Изиды» получают официальный статус «охотников за сокровищами».

– Охотник за сокровищами, – медленно произнёс Дима, лёжа на кровати и рассматривая своё отражение в блестящем потолке.

Максима нет, значит, никто не помешает Диме заранее подыскать живописные места, где в будущем развернётся действие его книги. Он самостоятельно продвинется в деле Алтенберга, необходимые материалы у него на руках. Достаточно поспрашивать нужных людей. Максим скажет ему спасибо.

Раззадоренный, Дима уснул лишь к рассвету, но в десять часов уже вскочил с кровати. Наскоро ополоснувшись, надел лёгкую клетчатую рубашку, шорты и достал из чемодана пошитые на заказ ортопедические сандалии. В восьмом классе Дима сломал бедро – два месяца пролежал со спицами на вытяжке, но в итоге все равно левая нога у него стала короче правой на три сантиметра. За восемь лет разница увеличилась ещё на полсантиметра. Дима вынужденно носил обувь с подошвами разной высоты, однако, несмотря на боли, примирился с покалеченной ногой и старался о ней не думать. В конце концов, она не мешала ему участвовать в экспедициях, из которых не возвращались и более здоровые исследователи.

Нацепив поясную сумку с документами и подхватив трость, Дима выскочил из номера. Раскалённая под февральским солнцем Манила его не разочаровала. Дима пришёл в восторг от зловония многочисленных речушек, вроде речушки на пересечении проспекта Арельяно и Окампо-стрит – одного из мелких каналов, ведущих в главную реку Пасиг. От каналов несло плесенью, мочой и бензином. Они напоминали открытую застойную канализацию, где вместо воды текла мокротная жижа и пёстрая смесь пластикового мусора. Их зловоние отчасти разбавлял доносившийся из закусовых аромат жареного мяса и специй.

Город был затянут клубами строительной пыли и смогом от костров в бедных кварталах. Дышать приходилось через носовой платок. Дима пожалел, что не закупил перед поездкой медицинских масок. Бетонный тротуар покрывали пятна раздавленных тараканов – слишком уж крупных, будто нарастивших лишнюю пару крыльев и ножек. Возле бордюра встречались и раздавленные кошки, а прятавшиеся за мусорными баками живые кошки выглядели истощёнными.

Пренебрегая автобусами, разобраться в маршрутах которых было невозможно, Дима брёл по центральным улицам. Манилу будто заново отстраивали после очередного землетрясения – вроде тех, что не раз тревожили город в прошлом. Всюду шла нескончаемая стройка. Возводились эстакады, малоэтажные и высотные дома, прокладывались дороги. Город дрожал от шума отбойных молотков, а грязные машины, визгливо сигналив, продирались через лабиринт временных ограждений. Внутри кварталов собиралась и тут же нарушалась хаотичная планировка новоявленных улочек. И везде встречались самодельные лачуги из строительного мусора. Они вырастали в любом свободном закутке, будь то обочина автострады или проём между бетонными плитами, – главное, чтобы нашлось к чему прислонить убогие крышу и стены. На пустырях перед скелетами будущих высоток плодились целые деревни подобных сшитых внакроей лачуг.

Проходя вдоль забора, Дима видел обрезки фанеры, листового железа и тростниковых фашин – лишь по ядовитому запаху туалета и торчащей из щели чёрной пятке догадывался, что смотрит на жилой барак, где ютится бедная семья. Впрочем, чистотой не отличались и полноценные бетонные дома. Нередко они напоминали гигантский помойный контейнер, до отказа набитый людмита-тараканами. Каждый этаж таких домов защищался от соседей сверху протянутым на всю длину фасада козырьком. Мусор летел прямым из окон, падал на козырёк, застревал на нём, но по большей части сваливался дальше. В итоге нижние этажи утопали в гниющих отходах.

Пройдя несколько улиц, Дима убедился, что в лачугах живут не только бедняки. Подчас из-за грязной фанерной двери выходили ухоженные филиппинцы с портфелями, в нагутах-ли-ненных ботинках и с чистыми полотенчиками, аккуратно подоткнутыми за шиворот рубашки. В руках у них поблёскивал чехол мобильного телефона, а некоторые из них уезжали от дома на скутерах. Заглянув в дверной проём, Дима замечал чистый внутренний дворик, огороженный кухонный уголок и разгуливающего на привязи петуха. Петухи тут встречались лощёные, даже если их хозяин лежал в отрёпках, с пыльной нечёсаной шевелюрой.

Диме вспомнилось: «Живут же люди в этих климатах, и как дёшево!» – из «Фрегата „Паллада“» Гончарова. В прошлом году прочитал его для доклада в университете; готовясь к Маниле, пролистал заново. «Одежда – кусок полотна или бумажной материи около поясницы – и только; всё остальное наруже; ни сапог, ни рубашек. Пища – горсть рису, десерт – ананас, стоящий грош. Жить, то есть спать, везде можно: где ни лягте – тепло и сухо». Кажется, за полтора века Манила изменилась мало. Разве что нанесло бетонной пыли да людей стало больше.

– *А у нас-то теперь шубы, сани, визг полозьев... И опера.*

– *Нет. Великий пост и война.*

Дима отправился на Филиппины с единственной целью – собрать материал для книги. Общую грязь и нищету он наблюдал с интересом энтомолога, а любое неудобство отстранённо примерял на своих будущих героев. Здесь хорошее место для погони, там – для перестрелки или драки. Тут мог бы жить злодей – из тех, что держат за поясом малайский крис и готовы на любое преступление за голубенькую купюру с рифом Туббатаха.

Устав от пыльного центра, Дима сверился с «Гугл-картами» и отправился к прогулочной набережной. Добравшись до пересечения проспекта Кирино и шоссе Осменья, застрял у входа в забегаловку, где можно быстро перекусить и заодно прикупить шлёпки со стразами. Не понимал, как проскочить сквозь вереницы машин, сплетённые в сплошной ползущий ковёр, и с восторгом следил за торговцем, лавировавшим по проезжей части с корзиной, – задрапированный с ног до головы, он вразнос торговал пучками чеснока и очищенными варёными яйцами, лежавшими в мисках с арахисом. В грохоте грузовиков Дима не сразу распознал мелодию звонка. Звонил Максим. Голос выдал его усталость. О делах в Севилье Максим ничего путного не сказал, а под конец разговора неожиданно попросил Диму быть осторожнее.

– Нашим проектом заинтересовались.

– Кто? – Дима укрывал телефон рукой.

– Трудно сказать. Но заявка «Изиды» привлекла внимание. Кто-то расспрашивал о нас в Маниле. И в Севилье.

– Думаешь, это те же люди, что мешали твоему папе?

– Не знаю. Прошло восемнадцать лет.

– Ясно... Ну, мне-то чего бояться? Я не сотрудник «Изиды».

– В документах указано твоё имя. Ты ведь сам захотел стать «охотником за сокровищами». В общем, поглядывай по сторонам. И никуда не суйся.

Максим ничего не добавил. Даже не попрощался. «Никуда не суйся». Вполне в его духе. Дима, недовольный, сунул телефон в поясную сумку и проскочил рокошующий перекрёсток. От мнимой угрозы он отмахнулся.

Прошагал не меньше пятнадцати километров и теперь прихрамывал больше обычного. Сказывалась жара. Манильское солнце, запертое за стальными пластинами плоского неба, не тревожило, но раскалённый, полный миазмов воздух и духота утомляли. Пот на теле выступал грязный и маслянистый, стереть его со лба рукавом не удавалось.

«Пить хочется – а чего? Вода тёплая, отзывается чаем. Льду, льду бы да снегу: не дым, а лёд отечества нам сладок и приятен!» Гончаров, как и Дима, разгуливал по Маниле в феврале. Почему бы не сделать его героем своего романа? Пусть встанет в истоках интриги. Подслушает что-нибудь, потом опишет в черновиках, но из итоговой публикации «Фрегата „Пал-

лада“» исключит... Развлекая себя подобными мыслями, Дима по проспекту Кирино добрался до набережной. После пройденных улиц она смотрелась опрятной, и солёный запах моря явственно смягчал городское удушие, однако тут за Димой увязались дети.

Их было трое. Старшему лет семь. Плюгавые, грязные, в драных штанах и футболках, с плотном серой ткани на плечах, накинутым на манер пончо. Они затрусили следом, и Дима ускорился. Старший из мальчишек его нагнал: шёл с ним вровень, а левой рукой, протянутой из-под накидки, настойчиво преграждал путь. Диме было неприятно, что чья-то грязная ладонь упирается ему в грудь. Пробовал отмахнуться от попрошайки – тот оказался прилипчивым, не уступал и продолжал жалостливо просить подавание. Они так и шли по набережной, пока Дима не сообразил: правая рука мальчишки не бездействует. Под прикрытием накидки тот расстегнул молнию на поясной сумке и запустил в неё цепкие пальцы. Дима лишился бы кошелька, если бы вовремя не оттолкнул мальчишку. Церемониться не стал и прежнюю безразличность позабыл. Увидел расстёгнутую молнию и помятые страницы паспорта. Пальцы воришки ошупывали всё вслепую. От кошелька их отделяла пачка бумажных платков и блокнотик с отрывными листами.

– Вот поганец! – Дима выругался по-русски и, разозлённый, замахнулся тростью.

Мальчишки рванули с места. Втянули голову в плечи, опасаясь, что вслед им полетит трость с пугающим набалдашником в виде драконьей головы или один из лежавших неподалёку камней, но Дима кидаться ничем не собирался. Наскоро проверил сумку, убедился, что всё на месте, и остался доволен случившимся – почему бы не включить этот эпизод в книгу? Воришка молодец. Хорошо придумал трюк с накидкой. Наверняка сидит тут с друзьями дни напролёт и караулит иностранцев с поясными сумками. Лёгкая добыча.

Дима решил проследить за мальчишками и задумался, как поступит, если на его глазах кто-то угодит в их ловушку. Должен ли писатель вмешиваться? Может ли провоцировать нужное событие? Заманить бедолагу к грабителям. Или устроить пожар – ручной и контролируемый, но способный вызвать панику. Ведь в приключенческом романе рано или поздно герои начинают паниковать, а как описать поведение людей, если не был свидетелем пожара, потопа или... ну хотя бы драки? Последняя мысль напугала Диму. В ней таилось что-то маняще-запретное, циничное, и он предпочёл уйти с набережной. Рассчитывал пробраться в Тондо – если не заглянуть, подобно Гончарову, на петушиный бой, то хотя бы побродить по трущобным улочкам. Вскоре увидел местный рынок и на подходе к нему задохнулся – до того сильными оказались запахи туалета, немытой шерсти и рыбы. Каждый из них в отдельности вызвал бы тошноту, а вместе они сливались в такой одурманивающий смрад, что у Димы закружилась голова. В итоге он ограничился прогулкой вдоль границ бедняцкого района.

Возле проспекта Ректо Дима поймал такси и ещё засветло вернулся в отель. Приняв душ, спустился в ресторан и на ужин получил невразумительную чёрную свинину с жиром, рисом, перчиками и хлебными комочками. Как бы это блюдо ни называлось, Дима притрагиваться к нему отказался. Отдельно заказал футсайз-хот-дог за восемьдесят пять песо и этим удовлетворился.

Пока он доедал водянистую сосиску, обложенную капустой, сладковатым хлебом и залившую безвкусной горчицей, за центральным столом ресторана собралась филиппинская семья из восьми человек. Вместе со стопкой меню они получили от официанта пульт и стали властелинами телевизора. На экране замелькали программы. В итоге отец семейства выбрал выпуск новостей. Обычная программа с говорящими головами, бегущими строками и кучей пёстрой графики. Ведущие с улыбкой зачитывали новости, перемежая тагальские и английские слова, а потом вдруг начали петь – в помощь им заиграла гитара. И пели они, судя по интершуму и видеоряду, о сельском хозяйстве, о недавнем пожаре в Маниле, из-за которого обрушилась эстакада. Смотрелось это дико и вместе с тем забавно. Когда дело дошло до сообщений о новых

жертвах коронавируса, ведущие заговорили нормальными голосами. Отчитавшись о возможном дефиците китайских товаров на рынках Манилы, вновь заголосили под бодренькую гитару.

Перед сном Дима сам позвонил Максиму и восторженно рассказал другу о несостоявшемся ограблении. Позволил себе отчасти преувеличить угрозу. Упомянул блеск ножей, хриплые угрозы, да и семилетнего мальчишку перекроил в тридцатилетнего мужика. Напрасно. Максим к его словам отнёсся серьёзно.

– Ты же снял копию с дела Альтенберга? – спросил он.

– Да, кое-что распечатал.

– Копия у тебя с собой?

– С собой. – Дима посмотрел на жёлтую папку, лежавшую перед ним на покрывале. – Ты думаешь... О господи, Макс! Обычный воришка!

– «Со сломанными ушами и шрамом через всё лицо»?

– Да не было шрама. И уши целые. Грязные, но целые. Я преувеличил, хорошо? Говорю тебе, ничего страшного. Если бы кто-то хотел добраться до материалов, давно прижал бы меня в подворотне. Зачем нападать на прогулочной набережной?

– Ясно... – устало выдохнул Максим. – Будь осторожен. Никуда не лезь. Дождись меня. А лучше вообще возвращайся в Москву. Ещё немного, и Филиппины закроют границы.

– Не закроют. Это острова, сюда коронавирус не доберётся. В общем, я буду осторожен, а ты заканчивай там и прилетай.

О билете на завтрашний паром Дима не упомянул. Не собирался отсиживать в Маниле и дышать местным зловонием. Хотел подобраться поближе к месту, указанному в скрытом послании августинцев, – спокойно, без назиданий и понуканий осмотреться, сделать натурные зарисовки. Дима ничем не рисковал, он отправится туда как обычный турист. Предостережения Максима – обычный психоз, паранойя. После пережитого в перуанской экспедиции Шустов-младший чересчур осторожничал, невесть в чём подозревал даже захудалого уличного воришку.

– Звони, если заметишь что-нибудь подозрительное.

– Например?

– Узнай на ресепшене, вдруг тобой кто-то интересовался. А когда опять выйдешь из отеля, убедись, что за тобой нет слежки.

– А лучше вообще не выходи. Сиди в номере и не дёргайся, – передразнил его Дима.

– Как вариант.

После разговора с Максимом Дима долго лежал на кровати, почти уснул, но, ворча, заставил себя подняться – на всякий случай подпёр стулом входную дверь, а папку с материалами спрятал в наволочку второй подушки.

– Паранойя...

Завтра в семь вечера его ждал паром на четвёртом причале Северной гавани, и Дима не собирался опаздывать.

Глава шестая

Северная гавань

Пересадка в Гонконге показалась бесконечной. Папа порывался выйти в город, но мама его отговорила. Боялась опоздать на рейс до Манилы. В итоге Рита пять часов слушала воспоминания об Оптической ярмарке – в две тысячи седьмом году папа вывел на неё «Мир оптики». Он в деталях помнил каждый из дней, проведённых в Центре конференций на северном побережье острова Гонконг. «Мир оптики» тогда заключил несколько сделок на прямые поставки оправ.

– Окупаемость достигала девятисот процентов!

Оправы мало интересовали Риту, однако ей было приятно видеть папино оживление, и она не мешала ему говорить.

– Я привёз в Иркутск первые вайфареры. Как у Тома Круза в «Рискованном бизнесе». Он даже висел у нас на растяжке перед Домом быта.

– Том Круз висел?

– Ну да. И рей-бен клабмастер, как у Ферриса Бьюллера. Можешь представить?

– С трудом, – честно ответила Рита, не совсем понимая, о ком идёт речь.

Мама не хуже папы знала историю с вайфарерами, поэтому занималась своими делами – перепроверяла дорожную аптечку с «Опатанолом», «Офтальмофероном», «Цетрином» и прочими лекарствами Риты. Там же лежали антибиотики широкого спектра действия – по десять таблеток на каждого из Самоедовых.

Когда объявили посадку, папа пообещал Рите однажды свозить её в Гонконг. Здесь он был по-настоящему счастлив. После ярмарки тринадцатилетней давности дела в «Мире оптики» пошли хорошо. Самоедовы купили дачу, а мама ушла с работы: занялась выращиванием кабачков и воспитанием четырёхлетней дочери.

Рита выпила аспирин, и всё же ей стало плохо. Папа с мамой весь полёт подсовывали ей то салфетки с нашатырным спиртом, то рвотные пакетики. Через два с половиной часа самолёт приземлился в аэропорту Манилы. Рита так вымоталась, что в ожидании багажа задремала на тележке. Самоедовым следовало, как и прочим пассажирам, взять официальное такси до гостиницы, но папа заявил, что вызовет машину по приложению.

– Так дешевле.

Это было невыносимо! Полчаса в очереди за местными симками для каждого из Самоедовых. Ещё полчаса в очереди к обменнику. Затем выяснилось, что для регистрации в приложении нужно сделать селфи, и папа с мамой носились по стоянке в поисках места с хорошим освещением. Наконец камера зафиксировала папино лицо, попросила его поводить головой, и – о чудо! – всё заработало. Но первому водителю папа с мамой не смогли объяснить, где именно их искать. Сбросили его. Затем сбросили второго – маме не понравилось его лицо на фотографии в профиле. В итоге приложение на сутки заблокировало папу. Пришлось регистрироваться маме. Повторились поиски освещённого места и долгие переговоры с филиппинским таксистом...

В гостиницу, расположенную неподалёку от Легаспи Вилледж, приехали поздно вечером. Мама достала из чемодана заварку и овсяные хлебцы. Сказала, что после дороги нужно перекусить. Чайник, стоявший в номере, оказался с накипью. Мама разругалась с папой, но вытащила его на улицу. В ближайшем супермаркете они купили лимонную кислоту. Счистили накипь. Приготовили бутерброды с плавленым сыром и сели ужинать. Мучения закончились к часу ночи, а следующий день их полностью искупил: Манила была прекрасной!

После завтрака мама провела *семейную перекличку*:

– «Назонекс»?

- Со мной, – предвкушая знакомство с Филиппинами, кивнула Рита.
- «Мезим»?
- Со мной.
- «Найз»?
- Со мной.
- Наколенник?
- Мам...
- Если у тебя разболится колено, мы вернёмся в гостиницу.
- Хорошо. – Рита достала из чемодана наколенник и переложила его себе в рюкзачок. –

Со мной.

- Все в сборе! – подытожила мама. – Можно выходить.

Папа договорился со вчерашним водителем, и тот весь день возил Самоедовых по Маниле. Рита подмечала каждую мелочь незнакомого мира. Хватала маму за руку и показывала ей на регулировщика, размахивавшего белоснежной полуснятой перчаткой, на открытую столовую, где сразу четыре хозяйки варили лапшу в глубоких сковородках-вок: они пели что-то неслышное за стеклом машины, а поднимавшийся пар окутывал их сказочной дымкой. Под стенами домов горделиво разгуливали петухи, за лапку привязанные к деревянным колышкам. Дети во дворах играли в классики, но вместо обычного камешка бросали резиновый тапок. И всюду вздымались красочные вывески фастфудов: от узнаваемых «Макдоналдсов» до диковинных «Джוליби», «Чокинг» и «Кукуруку».

В такси играли филиппинские «Ти-Эн-Ти Бойз» – они девчачьими голосами заунывно призывали взмахнуть крыльями, улететь в тёмное небо и покорить облака, запертые дождём. «Я сделаю это, я сделаю это вместе с тобой». Когда же Самоедовы вышли из машины, их оглушило многоголосие пёстрой улицы. Дорога пульсировала гулом разнотоновых клаксонов, напоминая оркестровую яму перед концертом: единая какофония тянулась сотнями протяжных голосов, вдруг обрывалась произвольной тишиной, в которую просачивались разрозненные и слабые гудки, затем накатывала вновь с прежней бурливой мощью.

Рита была в восторге от местных маршруток – джипни. Папа вычитал в путеводителе, что они появились здесь в сорок пятом году. Брошенные американцами военные джипы превратились в первые филиппинские маршрутные такси, ставшие традиционными. С хромированными рейками, обклеенные цветастыми картинками и объявлениями, они будто выехали с клоунского парада. На крыше у них красовался золотистый кокошник с развесёлым Иисусом, на капоте задорно покачивались соцветия усиков-антенн, а вдоль кузова трепыхались бутафорские крылышки. К тому же джипни смотрелись непропорционально длинными, под стать автобусу, и массивный бампер у них выпирал так, что на нём могли бы разместиться сразу три или четыре пассажира. Впрочем, пассажиры предпочитали ехать в салоне; на ходу, стоило джипни притормозить, заскакивали в задние, всегда открытые двери.

После обеда Самоедовы прогулялись по зелёным газонам парка Рисаля. Сам памятник поэту Хосе Рисалю с выставленной за ним стелой отдалённо напоминал Александра III на иркутской набережной, и папа заставил всех сфотографироваться на его фоне. Следом фотографировались филиппинцы – на фоне Самоедовых. Они будто невзначай садились рядышком и начинали позировать. Один из наиболее настырных манильцев познакомился с папой и обменялся с ним визитками. На прощание заинтересовался чехлом Ритиногo смартфона и пришёл в восторг, узнав, что она сама сшила его из рыбьей кожи. В позапрошлом году Рита ездила в этнолагерь от Хабаровского краевого музея: месяц жила на берегу Амура, изучала нанайское декоративно-прикладное искусство и вернулась в Иркутск с ворохом поделок, большая часть которых теперь пылилась в коробках первомайской квартиры.

Вспоминать заснеженный Иркутск не хотелось. К счастью, мама не донимала папу разговорами о кредитах и больше не сравнивала поездку на Филиппины с побегом.

Прогулявшись по бульвару Рохаса и съев по мороженому на берегу Манильской бухты, Самоедовы перебрались в Интрамурос – старинный «город внутри стен», окружённый белыми цветными стволами калачучи и россыпью фиолетовых бутонов традесканций. Рита, затаившись, шла по тенистым улочкам между кирпичными колониальными домами, осматривала каменные лестницы, скаты черепичных крыш. Папа на ходу зачитывал выдержки из путеводителя, и под взглядом Риты оживали затейливые дворики, уставленные горшками с драценой и некогда принимавшие испанских грандов и облачённых в рясу монахов. Рита восхищалась внутренними помещениями домов, открытыми для туристов в «Каса Манила». Стоявший на входе охранник в широкополой шляпе напоминал американского бойскаута. Улыбнувшись, он попросил Риту расстегнуть рюкзачок, пошурудил в нём затёртым до черноты бамбуковым прутиком, после чего измерил ей температуру пистолетом бесконтактного термометра.

– Всё чудесно. Проходите.

Ботинки на охраннике были новенькие, лакированные, а вот задник оказался примят – пятки торчали наружу. Рита, шепнув об этом маме, рассмеялась. Филиппинцы нравились ей степенностью и тем, что даже в музее относились к иностранцам с уважением, но без подобострастия.

В следующие два часа Самоедовы обошли главные музеи Интрамуроса, а перед тем как вернуться в такси, зашли в магазин жемчуга, и продавец сообщил папе о его невероятном везении:

– Сегодня скидка пятьдесят процентов!

Мама, заскучавшая в музейных комнатах, оживилась и шёпотом напомнила папе, что жемчужины перед покупкой нужно потереть друг о друга – должна появиться жемчужная пыль, которой не бывает у синтетических подделок. Рита, поджидая, пока родители разберутся с подарками для бабушки и маминой подруги, опустилась на мягкий стул, взяла журнал с папой римским на обложке и только сейчас поняла, до чего устала. Колено побаливало, однако надевать наколенник и говорить о боли вслух Рита не собиралась – мама не даст покоя своими мазями и таблетками. Не верилось, что ещё вчера Рита за тысячи километров отсюда возвращалась из школы по заметённой снегом улице, как не верилось и в то, что уже послезавтра вечером она наденет новенькую маску и сможет плавать над коралловыми рифами, высматривать пёструю морскую живность, о которой знала лишь по фильмам и фотографиям.

Перед возвращением в гостиницу Самоедовы заглянули в кафедральный собор Манилы – угодили в шумную толчею туристов и не сразу поняли, что в соборе шла свадьба. Невеста с женихом слушали усиленное динамиками наставление священника, затем присоединились к общей молитве – её слова высвечивались на развешанных по колоннам экранам. Следом торжественно заиграл орган, кажется, в записи, и Самоедовы смогли пройти на экскурсию: полчаса выслушивали монотонное перечисление катастроф, восемь раз уничтожавших собор и вынуждавших возводить его заново: от тайфуна в шестнадцатом веке до бомбардировок в годы Второй мировой.

Вечером, вконец утомлённые, Самоедовы прогулялись по Макати, деловому центру Манилы. Мама удивилась монументальности синеющих высоток, красоте подземных переходов со сводчатым потолком, раскрашенным под тропический аквариум, а папа заставил семью зайти в один из приглянувшихся ему салонов оптики. Затем повёл в гипермаркет, где Рита набила рюкзачок двумя дюжинами паучей с влажным кормом – надеялась побаловать уличных котиков: их немало ошивалось возле гостиницы, все как один узкомордые, худые и с куцыми закрученными хвостами.

Полужинали на фуд-корте торгового центра и к полуночи вернулись в номер. Выспаться не удалось – на рассвете папа поднял всех, чтобы в последний раз прогуляться по Маниле, а к вечеру Самоедовы сидели в зале ожидания четвёртого причала Северной гавани, ждали паром до острова Бусуанга.

Сам порт, запруженный сухогрузами, траулерами и готовыми под загрузку лихтерами, Рита увидела мельком. Восхитилась покачивавшейся на рейде флотилией и с ужасом представила, какая здесь поднимается кутерьма в сезон тайфунов, способных единым порывом столкнуть сотни громадных судов.

Папа с мамой, устроившись на пластиковых стульях, вновь просматривали туристические проспекты – решали, каким из туров пренебречь из-за недостатка времени, а Рита сонно следила за прочими пассажирами, игравшими в маджонг, щёлкавшими арбузные семечки или аппетитно макавшими в соль кусочки зелёного манго. Среди иностранцев Рита обнаружила одетого в клетчатую рубашку и короткие шорты парня из России. Или не из России. Ну, по телефону он говорил по-русски. Риту позабавили его взъерошенные кудри и трость с головой дракона. Когда он, закончив разговор, отправился к закуской, Рита заметила, что сандалии на нём разные: левая подошва выше правой. Смотрелось это жутковато и впечатлило не только Риту – филиппинец, сидевший в пяти рядах за русским парнем, тоже не сводил с него глаз. Будто никогда не видел калек.

Парень между тем привлекательный. С приятным лицом и полными губами. Интересно, ему трудно ухаживать за кудрями? Тёмно-русые волосы Риты вились вниз, от шеи до лопаток, но возни с ними хватало. Кондиционеры и бальзамы не помогали. Мама по десять минут расчёсывала дочь, и до шеи расчёска шла легко, потом увязала – вести приходилось с усилием, а Рита, запрокинув голову, морщась от боли, угрожала маме, что купит утюжок, и бог с ним, что волосы превратятся в солому. Мало радости, когда тебя так дерут, к тому же коса вечно пушилась, ничего красивого.

За час до отправления портовые служащие попросили пассажиров выставить рюкзаки и чемоданы в один ряд. Ряд получился длинный и змейкой обогнул зал ожидания. Вдоль вещей провели двух собак К9: дворнягу, отдалённо похожую на овчарку, и милого джек-рассела с жёлтеньким поводком. Иностранцы, посмеиваясь, снимали собачью инспекцию на телефон, а потом по команде двинулись к выходу.

Рита представляла, что паром будет небольшой, вроде парома, ходившего от байкальской МРС к Ольхону, но вскоре увидела, что их с родителями ведут к многопалубному судну. Плавание предстояло дальнее, остров Бусуанга появится лишь в полдень следующего дня, но Рита не возражала. Никогда прежде по морю не ходила, если не считать Малого моря.

– Скоро будем купаться с дюгонями, – подбодрил всех папа и зашагал к спущенным для пассажиров сходням.

Глава седьмая „Амок Лайт“

Поднявшись по сходням на палубу, Дима обернулся. В свете фонарей заметил, как на него поглядывает девушка с русой косой, продёрнутой над ремешком кепки. Максим со своей паранойей назвал бы её подозрительной. Ему бы везде мерещились соглядатаи. Он и того филиппинца в камуфляжных штанах, не в пример прочим пассажирам явившегося на паром без багажа, заподозрил бы в слежке. Сказал бы, что видел филиппинца в манильском отеле.

Кругом толкались туристы с дорожными сумками и пузатыми чемоданами на колёсиках. Беляев называл таких путешественников жвачными двуногими с Бэдэкером вместо хвоста. «Они изжевали глазами все красоты природы». Перезнакомились в зале ожидания и теперь, проходя по шатким сходням, спрашивали:

– Вы уже бывали на Филиппинах?

Незамедлительно следовал ответ:

– Нет, но... – тут непременно звучало бахвальное «но», – я побывал на Гавайях, на острове Пасхи, на всех Маркизских островах сразу и бог знает где ещё, хотя, конечно, вы меня об этом не спрашивали, но вот я сказал, уж так получилось. А вы?

Далее следовал поиск географических пересечений и взрыв энтузиазма, если вдруг выяснялось: «Ваша двоюродная тётя по бабушкиной линии провела детство в Толедо? Невероятно! Именно там летом семьдесят первого отдыхал мой троюродный дядя по прадедушкиной линии! Или не в семьдесят первом... Или не там... Но как тесен мир!»

Дима поторопился к лестнице на первую палубу – хотел сбросить вещи и проследить за работой докеров. «Амок Лайт» был обычным сорокатрёхметровым ролкером с откидной кормой: рампа опускалась на причал, и по ней на палубу трюма вкатывались автомобили, тележки, а следом суетливые докеры заносили прочий груз, наравне с пассажирами назначенный к отправке в порт Корон. Второй помощник капитана и трюмные матросы следили за размещением груза, сверялись с многостраничными списками и, поругиваясь, делали соответствующие отметки в распечатанных описях. Все торопились и подгоняли друг друга, надеясь отчалить по расписанию.

Паром построили в восемьдесят третьем году в японской гавани Саики. С тех пор он немало поизносился, сменил нескольких владельцев, пока пять лет назад не приписался к одному из филиппинских портов, где очередной владелец подлатал корму, подновил краску, заодно демонтировал места для пассажиров на палубе трюма и под второй палубой – паром теперь принимал не больше ста сорока двух пассажиров и считался скорее грузовым. Не самый удобный транспорт для туристов, но дешёвый. Иностранцы, конечно, выкупали спальные места, а места сидячие доставались филиппинцам.

Дима не отходил от второго помощника и в своём любопытстве был не одинок. Второй помощник, надо полагать, привычный к подобной суете, не обращал внимания на столпившихся над кормовыми воротами зевак. Дима хотел сделать запись в путевом блокноте и тут обнаружил, что впопыхах бросил рюкзак вместе с чемоданом. А в рюкзаке лежала жёлтая папка с материалами по делу Альтенберга.

Дима рванул назад, в глубь первой палубы, заставленной пронумерованными двухъярусными койками. Койки стояли квадратами по четыре штуки, образуя самостоятельные островки, и проходы между ними получились узкие, пришлось толкаться и протискиваться: Димино место располагалось ближе к прогулочной палубе, возле пассажирской столовой.

Рюкзак лежал нетронутый. Папка на месте.

– Параноя... – выдохнул Дима.

Никто не следил за ним и не помышлял добраться до материалов «Изиды», иначе воспользовался бы шансом. Тем временем докеры, сгрузив в трюм последние тюки, суетились возле массивных кнехтов на причале. Тяжёлые швартовые концы полетели в зеленоватую воду и потянулись по ней к клюзам парома. Второй помощник включил подъём кормовой ramпы, сообщил о чём-то по радиации и, расслабившись, отправился к рулевой рубке. Представление завершилось. Зеваки разошлись по койкам, но Дима и ещё два пассажира задержались, глядя на отдаляющийся порт. Вечерняя темнота была разбавлена светом от портовых фонарей и фонарей стоявших на рейде судов, однако с каждой минутой крепла, пока часом позже не сомкнулась окончательно. Лишь на горизонте угадывалось жемчужное свечение Манилы, но вскоре растворилось и оно.

Дима отправился бродить по парому. Вышел на верхнюю прогулочную палубу и заглянул в ветровое стекло рубки; капитан и его помощники сверяли записи, о чём-то переговаривались, и Дима без помех осмотрел вывешенные документы. Ничего любопытного не приметил, только прочитал докладную записку на капитанском столе: «Я, Рамон Б. Тандаан, младший палубный кадет смены В, запрашиваю возможность уйти с поста в связи с тем, что моя дочь заболела, а моя жена нуждается в помощи по уходу за ребёнком. Надеюсь на ваше любезное рассмотрение моего запроса». Размыслив, Дима переписал записку себе в молескин – пригодится для книги – и отправился дальше.

Паром шёл в безлунной ветреной ночи, и море простиралось выеденное, чёрное, одновременно делало мир вокруг беспредельным и сокращало его до тесных границ кильватерного шума. Гул машинного отделения был едва различим с прогулочной палубы, казался отдалённым эхом крутящихся вертолётных лопастей. Привлечённый мачтой с антеннами и сигнальными огнями, Дима попробовал забраться на навигационный мостик – надеялся оттуда проскользнуть на верхнюю, шлюпочную палубу, но его предостерёг палубный кадет. Судя по нашивке на груди, филиппинца звали Габриэль. Он объяснил, что туристам подход к мачте заказан.

Лестница на навигационный мостик всё равно была слишком крутой, и Дима, подождав, пока Габриэль уйдёт, быстро, насколько позволяла трость, спустился на бак. Обогнув чёрные грибы кнехтов и махину брашпиля с накрученными на него швартовыми канатами, выбрался на самый нос судна и обнаружил, что там, облокотившись на узенькое носовое ограждение, стоит девушка. Дима встал рядом, и они обменялись сдержанными улыбками. Хорошенькая. Кажется, из группы французов. Дима приметил её в порту и уже тогда решил, что красота у француженки особенная – сиюминутная, проявленная здесь и сейчас. Ещё лет десять, и её красота обветрится: вены на руках не будут смотреться нежно-зелёными жилками на мраморной коже, светлые волосы покажутся соломой, а жизнерадостное лицо приобретёт мужскую угловатость. Но разве это имело значение, пока в ней сохранялась юношеская свежесть? Старость к ней наверняка придёт естественная и потому отталкивающая. Увядание должно отталкивать.

Дима не сводил глаз с француженки, судя по всему, успевшей позабыть о его присутствии. Подавшись вперёд, навстречу морскому ветру, она нависла над ограждением, и Дима представил, как неверный ход дрогнувшего парома кидает её вниз. Ну что ж, придётся героически спасать! Дима увидел, как срывает рюкзак и широким жестом отшвыривает трость... Нет, трость лучше приставить к фальшборту и, разумеется, подальше от клюзов, а то вывалится в воду. И рюкзак не хочется бросать без присмотра. Но прыгать с ним в море глупо. М-да... Пока Дима носился по баку в поисках безопасного места для любимой трости и рюкзака с жёлтой папкой, француженка нашла себе другого героя. Или утонула. До фантазий об искусственном дыхании и счастливом пробуждении обмякшей француженки Дима не дошёл – помешал его любимец, кадет Габриэль. Он прогнал докучливых пассажиров с бака и проводил их до прохода возле рулевой рубки, убедился, что они не заблудятся в пути и не отправятся «искать туалет» где-нибудь между дымовыми трубами на шлюпочной палубе.

Француженка вернулась к койкам, а Дима спустился на вторую палубу, расположенную прямым под прогулочной и равную ей по размерам; за выгородками тут начиналось открытое пространство трюма. Койки на второй палубе стояли такие же, двухъярусные и металлические, с голыми матрасами, а скамейки были пластиковыми и хлипкими – мало радости провести на них всё плавание. В углу навалкой лежали туристические рюкзаки в гермомешках, над смотровыми окнами покачивались скрутки брезента – его опускали в дождь и сильную качку. Но Диму больше заинтересовали развешанные по стенам плакаты: от призывов мыть руки до президентского указа с перечнем наказаний за заведомо ложное сообщение о минировании.

На внушительном баннере, метра три на четыре, крупными буквами значилось: «Будьте честны, даже если другие не таковы, даже если другие не будут таковыми, даже если другие не могут быть таковыми». Мелкая приписка сообщала, что цитата взята из «Новой международной версии Библии», а её распространение профинансировано Братством христианских бизнесменов острова Палаван.

– Чудненко, – шёпотом прокомментировал Дима.

Следующий плакат обращался к родственникам повстанцев, воевавших на стороне Новой народной армии. Тем, кто сдастся и выйдет из горных убежищ, президент Филиппин обещал амнистию. Отдельным списком указывались преимущества капитуляции: от воссоединения с близкими до возвращения к цивилизованной жизни. «Сдай оружие и получи оплату. За пистолет 45 калибра – 16 тысяч песо. За дробовик – 13 тысяч песо. За американскую автоматическую винтовку „Армалайт“ – 45 тысяч песо». Снизу приводились номера телефонов, на которые рекомендовалось отправить эсэмэску о собственной капитуляции.

Дима старательно переписал текст плаката, решив, что вооружённым повстанцам место в его книге найдётся. Они выныривают из джунглей, наводят на «охотников за сокровищами» американские винтовки и начинают выкрикивать что-нибудь грозное и... повстанческое. Затем тащат героев в подземные тоннели времён Второй мировой. Нет, колониальных времён! А нижние горизонты тоннелей, конечно, забаррикадированы. Повстанцы боятся туда заглядывать, уверенные, что там обитают неупокоенные души августинцев-отщепенцев...

– Чушь какая-то, – буркнул Дима и зачеркнул последнюю запись.

Просмотрев остальные плакаты, он вернулся к лестнице и спустился к дверям кают-кампании, камбуза и кубрика, оттуда перебрался в коридор, ведущий к общим туалетам. Возле туалетов стояли полутораметровые газовые баллоны с крупными оранжевыми вентилями, а за ними прятался проход в трюм, куда Дима и проскользнул, поглядывая, нет ли поблизости вездесущего Габриэля.

Палуба трюма открылась до отказа набитой мешками с рисом, коробками с куриными яйцами, стальными бочками горячего, вязанками лука, каких-то стручков, корзинами, кипами рулонной стали и прочими товарами. Закреплённые отдельно, стояли две легковые машины и ржавый вилочный погрузчик «Далиан». По крыше погрузчика уверенно разгуливала курица. Там же, положив морду на лапы, дремал палевый пёс-аскал.

Удовлетворённый разведкой, Дима возвратился на первую палубу. Наскоро перекусил двумя купленными в Маниле питайями, «фруктами дракона». С разочарованием обнаружил, что внутри они красные и по вкусу чересчур сладкие. Затем Дима пристроился на пластиковом стуле у леерного ограждения, подальше от коек с шумными туристами, и уже взялся за молескин, когда к нему приблизилась француженка. Поначалу она стояла рядом, не давая сосредоточиться на блокноте – Дима исподтишка поглядывал на её оголённые запястья, – потом вовсе заговорила:

– Что делаешь?

Голос девушки был грубоватым, но полностью гармонировал с её внешним видом и казался приятным.

– Пишу.

– Ты писатель?

– Писатель, – согласился Дима.

– Я думала, все писатели старые. А ты настоящий писатель?

Французское «р» в английском «писатель» прозвучало очаровательно, однако не оно заставило Диму разволноваться. Он был готов немедленно влюбиться в француженку, если она действительно понимала, какую сценку они разыгрывают.

– А что значит – настоящий? – спросил Дима.

– Ну, кто-нибудь покупает то, что ты пишешь?

Никаких сомнений: француженка знала «Завтрак у Тиффани» не хуже Димы.

– Нет ещё.

– Хотела бы я помочь.

– Эй! – возмутился Дима. – Там другие слова!

Француженка не ответила, но посмотрела на Диму с одобрением. Сказала, что её зовут Клэр, а потом слепо обратилась к морской ночи за леерными тросами. Могла бы с большим вниманием отнестись к человеку, который спас ей жизнь!

Дима решил соответствовать статусу и погрузился в блокнот. Писать в молчаливом присутствии Клэр было приятно, но Дима быстро управился с заметками; не желая отрываться от молескина, продолжил наигранно хмуриться и водить по странице защёлкнутой ручкой. Едва сдерживал смех от собственного ребячества.

Когда Клэр ушла, Дима наконец закрыл блокнот и вернулся на койку. Набрал на телефоне коротенькое письмо родителям, отобрал наиболее жуткие фотографии гниющих улочек Манилы – улыбнулся, представив, как охнет мама, – затем взялся за жёлтую папку. Убедился, что за ним никто не подглядывает, прежде чем в свете подвальных ламп вновь пролистать дело Альтенберга.

Пробежав по истории затонувшего в Красном море «Альмасена де ла Фе» и погибшего монаха-августинца, Дима перешёл к самим августинцам. Они сопровождали конкистадоров Мигеля Легаспи, в семнадцатом веке высадившегося на Филиппинах, и в награду получили немало земель на Лусоне, Себу, Панае и других островах. Ни золота, ни специй на Филиппинах не обнаружилось – по крайней мере в объёмах, на которые рассчитывала испанская корона. Колония изначально была убыточной, и её отдали на откуп монашеским орденам. Вслед за августинцами здесь высадились францисканцы, иезуиты, доминиканцы. История семи тысяч островов превратилась в запутанное противостояние белого и чёрного духовенства, генерал-губернаторов и архиепископов.

Монашеские ордена успешно пополняли свою независимую казну. Францисканцы изготавливали на продажу манильскую пеньку, доминиканцы разводили кофе. Августинцы добывали индиго, выращивали табак и даже привезли из Мексики прессы для отжима сахарного тростника. Кроме того, они отливали колокола и пушки. Но основной доход орденам приносили взносы от обращённых в христианство филиппинцев – церкви туземцы отдавали куда больше, чем метрополии. За три века колониальной власти августинцы скопили немалые богатства. Сундуки их защищённых монастырей наполнились золотом, серебром и добытым тут же, на Филиппинах, жемчугом. К тому же их, в отличие от иезуитов, никогда не изгоняли с островов – иезуиты в восемнадцатом веке поддержали Великобританию, за что поплатились вековым изгнанием и частичным разграблением. Августинцы действовали более осмотрительно. Осмотрительность не помогла им уберечься от толпы – из века в век поднимались крестьянские восстания, в итоге окончившиеся революцией. Правда, на смену испанцам пришли американцы, и революция оказалась напрасной, но августинцам легче от этого не стало.

Впервые о вывозе с Филиппин накопленных богатств заговорил епископ Мариано Куартеро, однако он был занят противоборством с филиппинским духовенством и не успел исполнить собственную задумку. Августинцы не вспоминали его слова вплоть до тысяча восемь-

сот семьдесят второго года, когда под крики «Смерть монахам!» началось восстание в Кавите, неподалёку от Манилы. Восстание было подавлено, но августинцы наконец признали, что их власть, как и власть прочих орденов на Филиппинах, утратила прежнюю полноту. На помощь от метрополии монахи не надеялись – в Испании одновременно с бунтом в Кавите проходила своя, уже пятая за девятнадцатый век революция.

Шустову-старшему удалось найти выпуск мадридской газеты «Эль Эко Филипино». В одной из заметок упоминалось о подготовке судна, способного вывести с острова Лусон наиболее ценные предметы искусства из августинской сокровищницы. Возможно, заметка привлекла внимание местных пиратов, и августинцы не захотели рисковать, отправляя незащищённое судно через опасные воды. Возможно, их смутило что-то ещё, но задумка осталась невоплощённой, и слухи о «золотом корабле» угасли.

В последующие годы августинцы гонялись за призраком масонского заговора на островах, втянулись в усилившееся противостояние с прочими монашеским орденами, а следом американцы объявили войну Испании, разбили их флот и, чтобы не утруждать себя дальнейшей борьбой, тайне от самих филиппинцев выкупили их страну и несколько других испанских колоний за двадцать миллионов долларов. Официально считалось, что августинцы проспали смену власти и потеряли монастыри, а с ними – сокровища. Однако в донесении Бернардино де Эрреры сообщалось иное. Неудивительно, что оно заинтересовало Шустова-старшего. Внучка Альтенберга продешевила, уверенная, что продаёт обычную антикварную шкатулку. В действительности она продала «Изиде» карту сокровищ. Впрочем, карта была не столь однозначной.

Получив перевод донесения, Дима дважды спускался в подвал «Изиды»: включал волшебный фонарь и, зачарованный, рассматривал бледноватую проекцию, словно между строками мог найти упущенную другими подсказку. Не находил. Главным оставалось одно – в тысяча восемьсот девяносто третьем году августинцы загрузили часть богатств на борт винтового фрегата «Нуэва Эспанья».

Фрегат отбывал из порта Манилы в полнейшей секретности. Сундуки в трюм заносили ночью, об их содержимом не знал даже капитан. Указание точного маршрута он получил лишь в открытом море. По официальным документам, выдержки из которых Шустов-старший привёл в отчёте, «Нуэва Эспанья» отправилась привычным для испанских судов курсом на мексиканский Акапулько, запланировав двухдневную остановку на острове Гуам, где фрегат должен был пополнить запасы воды и продовольствия. Из Акапулько планировался сухопутный переход на вьючных мулах до атлантического порта в Веракрусе и пересадка на другое судно. Далее из Мексиканского залива открывался прямой путь в Испанию. Но в действительности «Нуэва Эспанья» устремилась к Суэцкому каналу, правда, путь выбрала необычный – вместо того чтобы сразу идти через Южно-Китайское море, спустилась в море Сулу, намереваясь обогнуть Борнео с юга, проскочить Яванское море и лишь затем взять курс на северо-запад. Обогнуть Борнео фрегату не пришлось. Он затонул в Миндорском проливе, разделяющем остров Миндоро и остров Бусуанга.

В случае с корветом «Альмасен де ла Фе» причина крушения очевидна – ошибка лоцмана. В случае с «Нуэва Эспаньей» она осталась неизвестной. В донесении Бернардино де Эрреры сообщалось, что для прикрытия августинцы выбрали старый фрегат, а его трюм они заполнили сверх меры. Перегрузка могла привести к течи, с которой не справились ручные помпы. Устранить течь на ходу не удалось, а заходить в какой-либо попутный порт капитану запретили. В итоге «Нуэва Эспанья» пошла на дно. Никто не выжил, и это, пожалуй, удивляло больше, чем само крушение фрегата, ведь море Сулу не отличается коварством, затеряться в нём трудно, и спасательные шлюпки без труда достигли бы берега.

Диму восхищала ирония в деле Альтенберга. С разницей в десять месяцев затонули два корабля, оба отправленные с секретным поручением. Бернардино де Эррера спешил расска-

зять об одном кораблекрушении, но угодил в другое – оказался единственным погибшим на «Альмасен де ла Фе».

– Феноменально... – прошептал Дима и, отвлёкшись от жёлтой папки, посмотрел по сторонам.

Несмотря на поздний час, паром наполняла суeta. Иностранцы сбились в разрозненные кучки и продолжали меряться Бэдэкерами, точнее Лонли Плэнитами. Монотонно гудели механизмы машинного отделения. Где-то внизу, на второй палубе, кричал петух. Лежавший на соседней койке американец самозабвенно тыкал в экран айфона, и по раздававшимся звукам Дима догадался, что тот играет в «Руины Авендилла». Не самая плохая игра. Возле столовой стояли двое русских. Кажется, единственные русские на весь паром. Дима их сразу вычислил, слишком уж громко говорила женщина: просила мужа раздобыть мандарины. Их дочь – ту девушку с косой – укачало. Женщина верила, что запах мандариновой кожуры снимет тошноту лучше любых таблеток. Мужчина растерянно смотрел на выставленные для продажи чипсы, дошираки, орехи и сухофрукты. Мандаринов в столовой не нашлось.

От лестницы к койкам выскочил пёс-аскал, прежде спавший на палубе трюма. Вилля хвостом, он ко всем проявил радушие и только на русского мужчину почему-то гавкнул, словно не сдержал возмущения его серым пиджаком, совершенно неуместным здесь, на пароме, в тропическом рейсе. Женщина, испугавшись, забыла про дочь и мандарины, но пёс быстро оставил их и побежал дальше по своим собачьим делам.

Клэр нигде не было. Наверное, опять прокралась на бак дышать встречным морским ветром. Дима подумал провести её, но поленился слезать со второго яруса койки, потом опустил взгляд на жёлтую папку и вскоре вновь погрузился в материалы Шустова-старшего.

В донесении из шкатулки Альтенберга приводился список утерянных августинцами сокровищ. Дима столько раз его перечитывал, что, кажется, выучил наизусть. Каждый пункт звучал волшебю – будоражил не ценностью, исключительной даже для привычных к подобным делам сотрудников «Изиды», а самим флёрю каперской старины, с которой в приключенческих книгах сталкиваешься чаще, чем в жизни. Сундуки «Нуэва Эспанья» были запол-

нены золотыми и серебряными монетами, по большей части – старыми монетами достоинством в восемь реалов. Там же лежали серебряные кубки, ковчежницы, кадила и реликварий с мощами Пресвятой Девы Антипольской. Отдельно хранились золотые канделябры и подсвечники, инкрустированные топазами, два колокола и окованная серебром статуя апостола Петра. Фрегат августинцев перевозил и византийское распятие – одно из тех, с которыми солдаты Мигеля Легаспи шли в бой с местными племенами. С ним лежали и два десятка менее значимых, но украшенных изумрудами и рубинами распятий, в том числе три бриллиантовых креста. Общий список дополняло бесчисленное множество серебряной утвари, всевозможные золотые ладанки и сосуды, не говоря уже о книгах и произведениях станковой живописи.

Шустов-старший отметил важность ксилографического издания «Христианской доктрины» тысяча пятьсот девяносто третьего года со вложенной в её переплёт бамбуковой планкой – от первой бамбуковой церкви, построенной августинцами на Филиппинах. Шустов-старший сделал пространную пометку о том, что «Христианскую доктрину» нужно поместить в герметичный бокс с морской водой и так поднимать на поверхность, иначе страницы, соприкоснувшись с воздухом, рассыплются.

Августинцы пошли на многое, чтобы сохранить предполагаемое место затопления «Нуэва Эспаньи» в тайне, – надеялись самостоятельно поднять сокровища с морского дна и, конечно, опасались, что их опередят, если фрегат вообще можно будет отыскать. Собственно, точных координат в донесении Бернардино де Эрреры не приводилось. Их никто не знал. Было лишь обозначено, что фрегат пропал в Миндорском проливе, в поисковом треугольнике между рифом Камбаль, банкой Саррасено и банкой Леонидос.

Глубина в центре треугольника оставалась по тем временам недоступной – достигала семисот метров, но августинцы разумно предположили, что «Нуэва Эспанья» угодила на рифы или просторные отмели банки Леонидос, где глубина в среднем держалась от двенадцати до тридцати четырёх метров, что делало подъём сокровищ вполне осуществимым.

К моменту, когда шкатулка Альтенберга попала в «Изиду», фрегат «Нуэва Эспанья» пролежал на дне дольше века. Его сундуками могли поживиться другие охотники за сокровищами, однако Шустов-старший надеялся, что указание на поисковый треугольник было сделано в единственном экземпляре, а продублировать его августинцы не успели. Даже если саму гибель фрегата и содержимое его трюма скрыть не удалось, то искать «Нуэва Эспанью» по официальным документам пришлось бы на пути в Акапулько. Случайно наткнуться на него в Миндорском проливе трудно – море Сулу, в отличие от того же Испанского моря, не знало золотой лихорадки. «Непобедимая армада» и «Серебряный флот» здесь не ходили, пираты не грабили богатые галеоны, и бороздить дно в надежде наткнуться на их остовы никто бы не стал. Поэтому Шустов-старший, а восемнадцать лет спустя и его сын, взялись за дело Альтенберга с необоримым рвением. Получить пятьдесят процентов от общей стоимости поднятых драгоценностей – чем плохо? Разумеется, добычу Максиму предстояло в первую очередь передать Комиссии национального наследия, она оценит культурную и историческую значимость каждого предмета в отдельности, и часть сокровищ наверняка перетечёт в Национальный музей Филиппин, но даже за эту часть «Изида» получит компенсацию.

В своём отчёте Шустов-старший предлагал начать поиски с банки Леонидос, её отмель представлялась отцу Максима наиболее вероятным местом затопления «Нуэва Эспаньи», однако он опасался, что за прошедший век подводные течения сместили обломки фрегата ближе к центру поискового треугольника – для работы на такой глубине пришлось бы арендовать батискаф. Тут стояла приписка от Покачалова: «Будем надеяться, что фрегат застрял в кораллах и никакие течения его оттуда не вырвали. Но тогда придётся взрывать». На приписку напарника Шустов-старший коротко ответил: «Взорвём». Диму забавлял их письменный обмен репликами.

Миндорский пролив открывает путь для судов из Индийского океана в Тихий. Войдя в него, они следуют по одному из двух проходов, разделённых громадиной коралловой гряды, – восточному или западному. Банка Леонидос примыкает к восточной оконечности этой гряды, и ещё в Москве Дима узнал, что неподалёку от поискового треугольника сейчас ходит немало кораблей, в том числе паром «Амок Лайт», следующий из Манилы в Корон. План Димы был прост: воспользоваться услугами парома и хотя бы издали осмотреть место, куда Максим приведёт испанских водолазов и где в дальнейшем начнутся погружения. Дима не рассчитывал увидеть ничего исключительного, понимал, что, вероятнее всего, обнаружит нетронутую гладь моря, в лучшем случае – несколько выступающих рифов, однако хотел «прочувствовать атмосферу» поискового треугольника.

Далее Дима планировал осмотреться на острове Бусуанга и расспросить местных жителей. Осторожные наводящие вопросы. Вдруг припомнят легенду или предание, связанные с сокровищем августинцев. Максим предпочитал пыльные страницы архивов, официальные отчёты и, в отличие от Шустова-старшего, никогда бы не стал вслушиваться в весёлую болтовню филиппинских рыбаков. Напрасно. Немножко везения, и она принесёт не меньше пользы, чем любой из изученных Максимом документов. В конце концов, само дело Альтенберга началось с бедного рыбака, раздобывшего на вид заурядную шкатулку. Почему бы и здесь не отыскаться праправнуку, чей пращур незадолго до испано-американской войны рассекал сетями Миндорский пролив и вместо привычной трески вытянул обломок с различной надписью «Tolle! Lege!»? Было бы чудесно. Дима видел, как забредает в рыбацкую хижину, как дрожащими руками берёт наполовину истлевшую щепку от «Нуэва Эспаньи» и как ему безропотно указывают точку на карте, где эту щепку удалось выловить. Убаюканный подобными мыслями и плавным ходом парома, Дима уснул.

На рассвете всех разбудило невнятное объявление по палубному громкоговорителю. Сognaв сонливость, Дима догадался, что повар пассажирской столовой объявил начало раннего завтрака. Есть не хотелось, но Дима заставил себя подняться. Сверился с «Гугл-картами» – увидел, что «Амок Лайт» вблизи от поискового треугольника пройдёт не раньше чем через сорок минут. Значит, можно и перекусить.

Нацепив сандалии и захватив рюкзак, ночью заменявший ему подушку, Дима спустился на вторую палубу, оттуда – к туалетам. На повороте столкнулся с бежавшим вверх по лестнице филиппинцем в камуфляжных штанах – надо полагать, тому не терпелось занять очередь к завтраку. А на обратном пути Дима чуть не столкнулся с мужчиной из России – надо полагать, тот успел отведать филиппинской стряпни и торопился от неё избавиться. Усмехнувшись и в целом почувствовав себя прекрасно, Дима вернулся на первую палубу.

В очереди к обеденному закутку, расположенному между рулевой рубкой и первыми рядами сидячих мест, собралось человек двадцать. Дима сразу заметил Клэр. С ней говорила женщина из России – довольно громко спрашивала, нет ли у Клэр тампонов с аппликатором: у дочери раньше времени начались месячные, а тампоны она забыла в гостинице. Дочь стояла рядом и смущённой не выглядела. Привыкла к неделикатности своей матери или же, окончательно измученная морской болезнью, ничего вокруг не замечала.

Филиппинец перед Димой задумчиво листал на телефоне фотографии петухов. Дальше стояли красивая филиппинка лет двадцати и вальяжно обнимавший её за талию американец лет пятидесяти. Было что-то неприятное в их показной близости, да и сам американец в расстёгнутой гавайке, с густой порослью седых волос на груди Диме не понравился.

Дима приподнялся на здоровой ноге, надеясь разглядеть, с чем именно выходят из столовой – каждый получал на вынос одноразовую тарелку с какой-то бурой кашней, – и вспомнил, что в порту ему выдали талончик на завтрак. Дима растерялся. Совсем забыл, где тот лежит. Уже снял рюкзак, чтобы заглянуть в конверт с путевыми документами, когда в кормовой утробе парома что-то громохнуло.

Палуба ощутимо вздрогнула.

С коек повалились рюкзаки и чемоданы, в столовой лязгнули кастрюли.

Американец растерянно оглянулся. Филиппинец отвлёкся от фотографий петухов и недоумённо посмотрел на Диму, будто тот мог объяснить ему случившееся.

Мгновением позже гроыхнуло сильнее. Почувствовав, как палуба уходит из-под ног, Дима уже не сомневался, что это был взрыв.

Глава восьмая

Майкл

Майкл ждал сигнала тревоги. Когда в родной Оконтто-Фолс пришёл буран Эвелин, сирены выли по всему городу. Буран принёс двадцать четыре дюйма снега. С отцовского коровника сорвало крышу. Новенький боксовый коровник. Сирены были слышны даже на ферме. А паром молчал. Ни капитана, ни экипажа. И пассажиры растерянно переглядывались. Чуть шеи себе не свернули, пока крутили головами, словно кто-то из соседей мог объяснить им, что происходит.

Опять гроыхнуло.

Теперь палуба не просто вздрогнула. Она буквально пошатнулась.

Разом заголосили женщины. Майкл хотел ладонями прикрыть уши, чтобы спрятаться от визга, как он прятался от визга свиней, когда их забивал дедушка, но рук у Майкла не стало. Он растерянно опустил глаза. Увидел, что тарелка с недоеденным завтраком опрокинулась. Тщедушное куриное крылышко упало на зелёные найки. Майкл брезгливо дёрнул ногой. А руки по-прежнему не слушались. Они вцепились в металлический трос леерного ограждения, и Майкл смотрел на побелевшие косточки пальцев.

За ограждением простиралось молчаливое море. Рябые волны тянулись в свободную даль: ни тумана, ни разводов жаркого воздуха, ни островков суши. Горизонт лежал прямой, прочерченный до одури ровно и чётко. Солнце едва поднялось и было болезненно-жёлтым, не распространяло настоящего света. Его мертвенный блеск не отражался даже на поверхности хромированных леерных стоек.

Палуба накренилась. Ход парома замедлился. Женщины продолжали кричать, но их голоса слились с общим фоном паники. Пассажиры метались между койками. Сталкивались, бросали извинения или огрызались и торопились... Куда? Майкл не понимал. Так суетились муравьи в муравейнике за отцовским амбаром, когда Майкл обдавал их огнём. Бесцельно, беспорядочно. Потом каждый муравей поднял по белоснежной личинке, похожей на гладкое зёрнышко риса, и устремился во влажную чащобу лиственного леса. А пассажиры схватили чемоданы, сумки и рюкзаки, провозились с ними, защёлкивая замки, вытягивая ручки, после чего замерли в нерешительности. С парома бежать некуда. Но пассажирам была важна сама цель – найти свои вещи. Лишь бы не стоять на месте. И Майкл с радостью растворился бы в общей истерии. Руки его подвели. Они и сейчас не хотели отпускать трос – гладкий, но с мелкими заусенцами, которые наверняка расцарапали кожу. Отними ладонь, и увидишь, что она в кровавых порезах, а с видом крови придёт и боль.

Возле рулевой рубки – оживление. Кто-то нёсся по лестнице между палубами, перекрикивался, прислушивался к шипению рации. Сирены по-прежнему молчали, и в одно мгновение истерика прекратилась. Майкл обнаружил, что женщины не визжат, с чемоданами никто не толкается, а руки сами отцепились от троса. На ладонях действительно остались царапины, но крови не было. Взгляд вновь опустился на кроссовки. Тёмное жирное пятно от курицы. Попробуй отстирать. Придётся сдать в химчистку. Если в Корон есть химчистка. Сколько им ещё плыть? Часа четыре. Или больше? Майкл смотрел на часы, вывешенные над столовой, и никак не мог посчитать.

Паром, покачиваясь, стоял на месте. Вода безмятежно шлёпала под его бортом. Ветер солонил лицо, задувал под козырёк бордовой бейсболки с надписью «Вперёд, „Пантеры“!». Обтёртая, с бахромой распушённых нитей. Майкл носил её лет пятнадцать. Не каждый день, конечно, но из года в год. В память о старших классах средней школы Оконтто-Фолс. Школы, которую ненавидел. Как ненавидел «Пантер». Ни разу не выступил за них. Но ходил с отцом

смотреть их игры и кричал обжигавшее рот «Вперёд, „Пантеры“!». А теперь ездил в их кепке по Филиппинам и почти месяц не разговаривал с отцом.

Майкл не верил, что с паромом всё хорошо. Только кретин поверит, что угроза миновала.

Минутное спокойствие сменилось оживлением. Пассажиры смеялись над собой и друг над другом. Смеялись и фотографировались. От чемоданов не отходили, но хотя бы выпустили их из рук. Кто-то снимал видео и вслух комментировал случившееся, будто вёл репортаж. Забрался на верхнюю койку и водил мобильником из стороны в сторону, надеясь охватить палубу. Потом выложит на «Ютьюб».

Запахло гарью.

Одна девушка умудрилась разбить голову. Майкл заметил, как у неё по лбу стекает до тошноты красная кровь, и тут же вновь посмотрел на свои ладони. Царапины. Даже не порезы. И никакой крови. А у девушки залило глаза. Она молчала. Не плакала. Сидела себе на полу и покачивалась. А когда её заметили, гурьбой бросились на помощь. Десятки рук протянулись к ней с бутылками, платками, бинтами, бутылёчками и шоколадными батончиками, и протянулись так жадно, будто хотели что-то взять, а не вручить. Женщины запричитали. Экая бедняжка. Неприятно разбить голову. Их причитания не могли перекрыть смех, доносившийся от кормы. Там собрались фотографы и операторы. Если такие любопытные, почему не спустились в глубь паромы? Никто им не мешал, возле рулевой рубки вообще не осталось людей, но они только свешивались через задранную рампу, пытались разглядеть, что происходит внизу, и протягивали телескопические усы моноподов с айфонами.

Запах гари усилился.

Многоголосая, многоязыкая суeta. Никто не хотел оставаться один. Всех тянуло поговорить, позаботиться о ком-нибудь или принять чью-нибудь заботу. Каждый занялся поиском ссадин у себя и соседей.

Неподалёку от Майкла кудахтала женщина – подсовывала дочери салфетку с нашатырным спиртом. Дочь отмахивалась, а самой женщине салфетку подсовывал её муж. Майкла развеселила эта сцена. Он был не прочь в свою очередь подсунуть салфетку мужчине, если бы знал, где такую раздобыть.

Майкл наклонился и пальцем коснулся маслянистого пятна на кроссовке. Потом услышал стук на прогулочной палубе. Отошёл в сторону и разглядел, как парень в клетчатой рубашке тростью стучит в дверь рулевой рубки. Ему не открывали. На что он надеялся? И зачем... Майкл обернулся к корме. Не сразу понял, что именно видит. Чёрная волнистая завеса. Будто кормовую часть палубы с первыми рядами коек отгородили портьерой, сшитой из плавленных покрышек.

Дым. Майкл видел чёрный дым.

Только что смотрел на семейку с нашатырными салфетками, на парня с тростью, и вдруг волна палёного мрака накрыла половину палубы – в одно мгновение поглотила весельчаков с моноподами. И никто из них не вышел обратно. Никто. Они остались там навсегда.

Во рту – привкус жжёной резины.

Майклу стало жарко. Пот, щекоча, бежал из-под мышек, стекал по лбу. Защищало глаза.

Из-под раскалённого пола донёсся клокочущий шум.

Майкл подумал, что нужно бежать к носу паромы, когда чей-то локоть больно упёрся ему в поясницу. Майкл не глядя отмахнулся. Ударился. Или ударил. Палуба накренилась – Майкла опрокинуло в лабиринт коек, в свал подготовленных к побегу сумок.

Теперь никто не кричал. Люди падали молча. Испуганные. Растерянные. Их будто предали. Пообещали им, что всё обойдётся, и не сдержали обещания.

Палуба накренилась сильнее, и по спине Майкла скользнул чемодан, следом скользнул старик – их несло дальше, к дыму. Старик ухватился за ножку койки, но второй чемодан хлопнул его в лицо, и старика утянуло под чёрную портьеру.

Протяжный скрежет. Громкий алюминиевый свист и хлопки лопающейся пластмассы. Тонкие вскрики стальных болтов.

Люди и сумки продолжали падать, лупцевать Майкла, придавливать его к раскалённой сковороде пола. Чья-то нога в рваной штанине, и в прорези мелькнула слишком белая кожа. Чей-то шёпот и оборвавшийся всхлип. Грязная подошва чужого ботинка.

Майкл держался за койку, а когда палуба дала обратный крен, на карачках заторопился в сторону. Не разбирал направления. Твердил себе, что должен увидеть море. Не надо было разжимать кулаки и отходить от спасительного борта. Пусть бы леерный трос изорвал ладони, пусть бы вспорол их до костей и начал бы елозить по ним так, что полетела бы костяная пыль. Но Майкл был заперт в лабиринте, а дымовую завесу прорвало, и чернота затягивала пространство над головой. Если встанешь, захлебнёшься в гущине грозовой тучи. Ниже, на уровне первого яруса коек, стелился кисель белого дыма. От него саднило горло, слезились глаза.

Майкл не сдерживал стоны. Перебирался через сумки, сворачивал налево и направо. Испугался, что бродит кругами. Чёрные клубы опустились, и он задохнулся, лёг плашмя. Дальше полз через белёсый просвет над полом.

Из носа текло. Майкл отплёвывался.

Зацепился рукавом. Рванул. Порвал рубашку, но высвободился.

Из-под коек тянулись покрытые копотью руки. Майкл хватался за них, тянул на себя. Не мог вытянуть и продолжал ползти, а если руки не отпускали, бил по ним, бил изо всех сил, вскрикивая.

Чёрный дым над головой стал гигантской подошвой с волнистым рисунком протектора, занесённой, чтобы раздавить Майкла. Но подошва приподнялась, а впереди мелькнул просвет. Майкл добрался до леерных ограждений. Не понимал, вернулся к прежнему борту или очутился возле противоположного. Неважно. Главное, что дышать легче. Тут были люди. Много людей. Десятки. Все лежали и тянулись к борту, наседали друг на друга, с трудом делили тесноту. И стонали.

Майкл, не поднимаясь, пробовал толкаться. Протиснуться к ограждению не мог и тогда полез по извивавшимся, отбрыкивавшимся телам. Его лягнули в лицо – чья-то голая пятка скользнула по лбу и ударила по губам. Майкл почувствовал привкус грязной ороговевшей кожи. Его чуть не вывернуло. Опять лягнули – сбили бейсболку. Майкл удивился, что она вообще всё это время держалась у него на голове. Судорожно бросил руку вслед за бейсболкой и перехватил её прежде, чем она затерялась в чертополохе человеческих тел.

«Вперёд, „Пантеры“!»

Что бы сказал отец, увидев его здесь, на охваченной огнём посудине, которой следовало давно издохнуть на портовой свалке и развалиться там под шипение ацетиленовых горелок? «Куда ты собрался?» – «На Филиппины, пап». – «Ты ополоумел?» – «Я должен, пап». – «Что должен?» – «Я здесь больше не могу...» – «И что, чёрт возьми, ты будешь делать?» – «Я...» – «Не знаешь, верно? Ты никогда ни черта не знаешь и прыгаешь с места на место. А если не прыгаешь, то просиживаешь зад в моём доме и ломаешь голову, куда бы прыгнуть ещё, да так, чтобы мать удар хватил. Стой, когда с тобой говорят! Майкл Эндрю Гордон-Смит, а ну вернись! Сара, останови этого кретина! Вернись сейчас же!»

Майкл замер, и кто-то уже карабкался по его спине – впивался пальцами ему в спину, хватал за плечи. Рассвирепев, Майкл начал брыкаться, привстал и на четвереньках рванул вперёд, давя коленями поясницы и шеи других людей. В кратком броске дотянулся правой рукой до стального троса.

Паром задрожал в конвульсиях. Общий скрежет разделился на отдельные дребезжащие звуки: они обрывались глухим хлопком и возобновлялись, переплетались, путались. Палуба приподнялась, утягивая назад, в лабиринт коек, и люди цеплялись за Майкла и других счастливых, пробившихся к тросу.

Сверху, на шлюпочной палубе, слышались крики и удаляющиеся гулкие удары, будто там катились валуны. Майкл прислушался, и тогда в спину ему пахнуло открытым жаром.

Огонь вырвался на первую палубу.

Вокруг все закричали. Из последних сил, задохнувшись в дыме. Криком выблёвывая горечь страха и предчувствия скорой смерти. Майкл не заметил, как высвободился из чужих рук, как перебрался через ограждение наружу. Только увидел, что в море летят парализованные тела живых людей. Они падали манекенами, в нелепых позах: с вытянутыми руками и вразнобой подогнутыми ногами. На лету безропотно заваливались на бок или опрокидывались навзничь, ударяясь головой или спиной о вывернутый из воды борт ниже ватерлинии и покорно соскальзывая в волны.

Ярко и просторно. И ветер слишком свежий. Скользкий металл под кроссовками. Чей-то крик над ухом. И Майкл тоже полетел вниз. Наверное, он так же безропотно переворачивался в воздухе и так же глухо ударился о борт, однако не почувствовал этого. Небо почему-то окзалось под ногами, и в небе вздымался чёрный гриб, изнутри подсвеченный красным заревом, а потом звуки оборвались и всё погрузилось в зелёную муть.

Майкл принялся разгребать упругую морскую воду. Она наполнилась серебристыми пузырьками, и они обволакивали, не давали подняться. А лёгкие горели. Майкл больше дёргался, чем плыл. Понял, что устремляется вглубь. Замер, напуганный тёмной бездной. Заставил себя выждать мгновение, прежде чем уловил, куда тянет естественная плавучесть тела, и в несколько широких гребков, выкрикивая из себя пустой воздух, с брызгами вырвался на поверхность.

Вдохнул. С режущим хрипом. Чересчур порывисто. Захлебнувшись. Задрал голову и поторопился откашляться. Отчаянно работал ногами, удерживая себя на плаву, а руками шарил по сторонам, надеясь найти опору. Нашёл бейсболку. Ошалело уставился на неё. Нервный смешок свёл судорогой живот, и с ним окончился приступ отчаянной пляски. Майкл, вымотавшись, успокоился. Нацепил на голову бейсболку и убедился, что паромы поблизости нет. Он исчез. Место его крушения было отмечено циклопическими завитками грязного дыма.

Они поднимались выше, сворачивались грозovým волоком и расходились тёмными лохмами. Небо постепенно растворяло их черноту. Майкл не знал, сколько времени прошло, прежде чем они исчезли. Удивлялся тому, что рядом нет ни обломков, ни тел. Долго балансировал на месте, высматривал, не появится ли спасательный плот. Пробовал кричать. Не дождавшись ответа, решил, что его волнами или течением отнесло слишком далеко. Хотел вернуться, но не знал, какое направление выбрать.

Майкл за свою недолгую жизнь тонул дважды. Оба раза в детстве.

В пять лет они с отцом пошли на озеро Балком рыбачить синежаберников. Озеро – в шести милях от фермы. «Семейной фермы Гордон-Смитов, предлагающей самых упитанных коров-хайферов на северо-востоке штата Висконсин». Ну конечно упитанных! Кто бы спорил... Шесть миль показались изматывающе утомительными, а рыба никак не ловилась. Майкл упал в воду, и отец его откачал – всё это помнилось смутно. Долгая дорога и затрещина от отца, когда маленький Майкл упустил синежаберника, запомнились ему лучше. А в пятнадцать он чуть не утонул в реке Оконтто. Стоял тёплый август. Они с отцом и матерью поехали отдыхать на речной берег под Стайлсом. Течение в Оконтто слабое, но Майкла всё равно унесло. Его бы выбросило в Грин-Бэй; безжизненное тело потом затянуло бы в Мичиган. Но Майкл выжил. И запомнил, как по берегу бежали деревья, как открывались и тут же исчезали поляны жёлтой калужницы и тёмно-розовых триллиумов, вблизи похожих на мотыльков, а издали ни на что толком не похожих – так, цветастое пятно, и только. Майкл захлёбывался, норовил ухватиться за что-нибудь, однако его несло ровнёхонько посреди русла, и хвататься было не за что. Пришло время смириться и утонуть, но его выбросило в заводь, и он оклемался. Подняться не сумел – не держали ноги. Едва выполз на берег. Майкл замёрз. Никогда так не замерзал, даже в

самые скверные зимы. Он продрог до мелкой дрожи. Прележал неделю в Мемориальной больнице Сент-Клэр и на больничной койке обещал себе, что больше тонуть не будет.

И вот ему тридцать три. И он один посреди равнодушного моря.

Солнце припекало через бейсболку. Боже, как же хорошо, что он сохранил бейсболку! Он молодец! И он выберется. А вместо того чтобы разглядывать пятно от курицы на кроссовках, надо было сразу бежать на прогулочную палубу. Там висело два спасательных круга. Ведь Майкл заприметил их вчера вечером. Оранжевые, опоясанные верёвкой, с белой потрескавшейся надписью «Амок Лайт». Бесплезная мысль. Но приставучая, не дающая покоя.

– Хватит! – Майкл приказал себе забыть про круги.

Ему понравилось говорить с собой вслух. Им будто командовал кто-то старший.

– Ищи спасательный плот.

Майкл погрёб сажёнками туда, где, как ему казалось, затонул паром.

Волны катились мелкие, и не волны – обычная морская рябь, но плыть они мешали. Вода перекатывалась через голову, и тогда начинало жечь глаза.

Нет никакого плота с выжившими. Майкла давно заметили бы. И подали бы ему сигнал. Они ведь должны подавать сигналы. А если добраться до места крушения, там будут обломки. И тела. Обожжённые, раздутые тела мёртвых людей. Майкл перестал грести. Голова раскалывалась. Не удавалось принять решение. Потом Майкл почувствовал в воде привкус топлива и погрёб обратно, правда, долго крутился на месте, в результате не был уверен, что сменил направление. Главное – плыть. И кричать. Что кричать? «Помогите»? Глупо как-то.

– Выкрикивай своё имя.

Да, так лучше. И Майкл начал выкрикивать своё имя. Считал до ста и выкрикивал опять. Когда надоело считать, просто ждал. Ноги устали. Невозможно ими баландать. Ещё чуть-чуть, и сведёт икры. Майкл откинулся на спину. Как же сильно припекало солнце! Рябь не позволяла лежать расслабленно, но Майкл сумел отчасти расслабиться, и тут по телу поползла боль. Заболело всё, что было ненароком ушиблено, расцарапано. Щипало ладони, слезились глаза, хотя Майкл прикрыл их козырьком бейсболки. Но больше всего почему-то саднило левое бедро. Оно стянулось одной гематомой и надрывно пульсировало.

Майкл пробовал по солнцу определить время, но путался. Солнце поднималось в зенит? Или, перевалив за полдень, опускалось к горизонту? Майкл тихонько пел. Разговаривал с собой, вспоминая дни, проведённые в больнице Сент-Клэр. Странно, та неделя на больничной койке выдалась чуть ли не лучшей за всё детство. Мать приносила сладкую картошку и колу, заглядывали друзья, а Патрик притащил охапку комиксов. Майкл не любил комиксы, но листал их, и ему было хорошо. А миссис Грант в школе задала написать письмо Майклу, и писем ему принесли много, и некоторые, кажется, получились настоящими.

На отцовской ферме сейчас проверяли технику и латали коровник. Отец планировал в феврале наконец починить крышу. Эвелин прошла два года назад, а коровы до сих пор томились в старом амбаре и уж точно не выглядели самыми упитанными хайферами на северо-востоке штата Висконсин. Два месяца отец и рабочие провозятся с техникой, а в мае завезут навоз и подготовят поля к посадке. Ферма провоняет машинным маслом и навозом. Отец зараннее наметит чересполосицу кукурузы и люцерны. А когда начнут косить люцерну, всюду проникнет её сладковатый запах. Им пропитается даже подушка в мансарде, где спал Майкл.

Зря он уехал. Лучше бы остался.

«И что, чёрт возьми, ты будешь делать?»

«Тонуть, папа. Я опять буду тонуть. Но тебя не будет рядом, чтобы спасти меня, как тогда на озере. И как потом на реке».

Майкл выпрямился в воде. Захотел писать. Только что не хотел, а тут вдруг начались спазмы, будто он терпел целые сутки. Решил приспустить джинсы и вспомнил, что моча при-

влекает акул. Кровь, моча и рвота. Майкл видел по «Дискавери». Но терпеть невозможно... Майкл поплыл. Пробовал писать на ходу. Не получалось.

В итоге останавливался, выпускал маленькие порции мочи прямо в джинсы и тут же отчаянно лупил руками, стараясь уплыть подальше. Прежде чем закончил, вымотался. Сердце колотилось, разрывая грудь, и не успокаивалось, как бы долго Майкл ни лежал на спине.

Ветер остался прежним, а волны усилились. Они поднимали на свой покатый гребень, опускали в ложбину и поднимали опять. Майкла укачало. Лежать неподвижно не удавалось, и Майкл поплыл. Выбрасывал онемевшие руки, и они безвольно шлёпались в воду. Он плакал и кусал губы. Опять тихонько пел, сбиваясь со слов на обычный вой. Отцу не понравилось бы, что его сын скулит. Майкл никогда не плакал при отце. Даже в день, когда похоронили тётю Харпер. Плакал позже – в подушку, пропахшую сладкой люцерной.

Почему он не на ферме? Что он забыл на Филиппинах?

«Останови этого крестина! Вернись сейчас же!»

Во рту пересохло. Кажется, обгорела шея. Её натёрли наждачкой. Но ссадины и царапины больше не зудели по отдельности. Саднило всё тело сразу. Только ушиб на бедре напоминал о себе и заставлял держать левую ногу согнутой.

Между волнами мелькнуло тёмное пятно.

Акула.

Майкла обдало холодом, и на мгновение боль отступила.

Нет, не акула. Человек.

Там был человек. Живой. И он боролся за жизнь.

Испуг прошёл, а холод остался. Солнце выжигало узоры на открытых участках тела, в несколько минут высушивало просоленную бейсболку, и приходилось окунать её, чтобы не напекло голову, а по телу шла морозная дрожь. Совсем как в реке Оконто.

Майкл не знал, как поступить. Там человек. Вдвоём, наверное, проще. Он давно не выкрикивал своё имя. Двоих быстрее обнаружат с вертолёт. Ведь скоро тут начнут кружить спасательные вертолёты и... Там, между волнами, – женщина. Она едва держалась. Так разбрасывала руки, будто к ногам у неё привязаны пятидесятифунтовые гири и нужно рваться вверх, чтобы не опуститься вниз.

Майкл... он бы позвал на помощь, дотащил бы до берега. Но звать некого, и берега поблизости нет. Всё без толку. Какой от него прок? Женщина с гирями на ногах утянет его на дно... Никаких шансов... Нужно отплыть подальше от неё. Она вцепится в Майкла, как в оранжевый спасательный круг с белыми буквами «Амок Лайт». Вместе они обречены. Но нельзя же... Можно!

Майкл заторопился прочь. Не оглядывался, не задумывался. А когда услышал женщину, поплыл быстрее. Она его заметила. И теперь умоляла вернуться. Вслед Майклу нёсся сухой крик обезумевшего человека. Дальше, дальше. Или зажать уши, чтобы не слышать. Ноги отказывали. Резиновые руки безвольно подгибались – уходили в воду раньше, чем удавалось забросить их вперёд. Майкл остановился, и перед взором, мельтеша, побежали разноцветные точки. Его накрыло пёстрым покрывалом, из которого не получалось вывернуться, как ни отмахивайся, как ни крути головой.

В глазах – синеющая пустота. И банка яблочного джема. Подсвеченная снизу банка. То ли огромная, как затонувший паром, то ли обычная, но поставленная перед носом. В её стекле вспыхивали улыбки и вывешенные на бельевой верёвке маски застывших эмоций. Потом банка лопнула, и Майкл очнулся. Понял, что потерял сознание. В испуге задёргал окаменевшими ногами. Догадывался, что обморок был кратким. Нельзя так напрягаться. Если обморок повторится, он утонет.

Окунулся, чтобы смочить бейсболку. Ладонью стёр с лица струйки солёной воды – увидел посиневшие ногти и сморщенные подушечки пальцев. Майкл покачивался на волнах и думал о женщине. Вслушивался в морскую тишь; человеческого голоса не различал.

– Ты её убил.

– Нет, она... Что я мог? Что?!

– Убийца.

– Нет... Не надо.

Майкл опять плакал. Изводил себя, проклинал.

– Что я мог...

Волна поднимала его бесчувственное тело, и Майкл оказывался над остроконечными листьями кукурузы. Скатывался в ложбину между волнами и попадал на полосу люцерны, уютно спрятанной и такой мягкой, ароматной. Нет! Рванул назад. Туда, где была женщина. Тело трясло от холода, и сердце по-прежнему надрывалось, однако он плыл. И кричал. Звал женщину. Останавливался оглядеться: не мелькнёт ли тёмное пятно. Бросался из стороны в сторону. Ловил волну и выдёргивался из воды, но едва приподнимался над её поверхностью, потому что ноги не слушались.

Майкл не сдавался. Сказал себе, что смирится лишь в ту секунду, когда опять потеряет сознание или умрёт от истощения, а пока будет искать. Должен найти... Обязан!

Вымотался и почувствовал подступающую дурноту. Едва шевелил руками, замыкался в неподвижности. Насилю делал слабый гребок. И звал – вместо крика просачивался шёпот. Обещал помочь. Но женщина пропала. Её нигде не было. Майкл остался один. А солнце уже не припекало. По небу скользнули краткие сумерки, и день оборвался гнетущей темнотой.

Майкл едва держался на поверхности. Опускался под воду. Чувствовал приятную лёгкость морской глубины. Она убаюкивала. Майкл упрямо выныривал и делал предательский вдох, словно издевался над собой, нарочно продлевая агонию. Хотел жить. Согласился бы заплатить любую цену: отдать разум, но сохранить тело, пусть его малую часть, но такую, чтобы в ней теплилась человеческая жизнь. Майкл забыл, как вообще очутился в море, и спрашивал себя, почему не лежит в своей кровати на отцовской ферме. Почему мать не зовёт его ужинать. Пытался вспомнить, но память ограничивалась вспышками огня, разбросанными чемоданами пассажиров и жирным пятном на зелёном мыске кроссовка.

Майкл в очередной раз очнулся от страшной рези в животе. Открыв глаза, ничего не увидел и испугался. Забыл, что на море опустилась ночь. Боль рассекла мертвенно-холодное тело, поднялась к горлу. Майкла вырвало. И продолжало рвать. Вновь и вновь.

Нельзя! Акулы... Он не должен сдаваться! Отплыть Майкл не сумел бы, поэтому начал глотать собственную рвоту. В темноте не различал её. Наглотался солёной воды, и его вновь вывернуло. Следом пришло отрешение.

Майкла теперь не пугали ни акулы, ни глубина таившейся под ним бездны. Он смотрел на ледяные крапинки звёзд и думал об утонувшей женщине. Видел, как приближается к ней, как обхватывает её сзади. Слышал голос незнакомки – он доносился отовсюду, разделённый на множество самостоятельных голосов: матери, тёти Харпер, миссис Грант...

Сердце стихло. Майкл не чувствовал его биения. Ни в груди, ни в расшибленном бедре. Руки не гнулись. Майкл не мог поднести их к лицу. Потерявшись в ночном мраке, не понимал, утонул или держится на плаву. И только непрекращавшаяся качка говорила ему, что он жив. Перед глазами проскальзывали цветочки калужницы. Их сменял логотип отцовской фермы: люцерна с чёрными коровьими пятнами на листьях и с коровьим хвостом вместо стебля. Майкл всегда говорил, что люцерна логотипа похожа на скрещённые кости пиратского флага. Его это забавляло. Он бы и сейчас улыбнулся. Но как? Его лишили губ. Нет лица, нет головы. Лишь шёпоты и вздохи воды. А Майкл летит, спокоен и недвижим. И над ним крышкой гроба висит белоснежное пятно плаката. Отец выдвигался на пост главы окружного совета и заказал пла-

кат в Оконто, и они с Майклом вместе крепили его к полипропиленовым стойкам на дороге у поворота к ферме. Использовать лежавшие без дела стойки придумал Майкл, и отец его похвалил. «Голосуйте за Джеймса А. Гордон-Смита. Дистрикт 21». Чёрные буквы на белом. И мелкая приписка: «Одобрено и оплачено Джеймсом А. Гордон-Смитом».

– Голосуйте... Голосуйте... – бормотали волны.

– Голосуйте... – вторил им ночной ветер.

А звёзды молчали. Они не хотели голосовать за отца, и напрасно. Им не понять. Они далеко. Какое им дело до главы окружного совета из крохотного Оконто-Фолс?

– Вперёд, «Пантеры»!

– Вперёд!

Майкла щекотали листья кукурузы. Они пытались обвить его, утянуть на заросшее люцерной дно. Но женщина продолжала кричать. Майкл не хотел её слушать. Беззвучно просил утопленницу замолчать. Она упорствовала, а потом звёзды опустились и ослепили. Женщина склонилась над Майклом. Его оглушили голоса людей. Он повёл головой. Обождённая, занемевшая шея не слушалась.

Майклу показалось, что он лежит на песке.

Его выволокли на берег. При свете фонаря Майкл видел, как его тащат за руки, и удивлялся тому, что тело раскачивается, будто до сих пор блуждает по волнам.

– Ещё один! – крикнул кто-то по-английски.

Радости не было. Майкл безучастно принял спасение. Знал, сейчас его закутают в плед и отвезут в больницу Сент-Клэр. Майкла ждали тёплые дни на мягком матрасе, охапки комиксов и письма с неказистыми пожеланиями скорейшего выздоровления. Он сделал всё, что мог. Имел право расслабиться. Фонарь отвернулся, унося луч рассеянного света, и Майкл потерял себя в темноте вибрирующего сна.

Глава девятая

Бухта спасения

Рита с жалостью смотрела на Кларису, филиппинку лет двадцати пяти, ходившую по берегу и повторяющую:

– У вас есть телефон? Мне нужно позвонить мужу.

Её игнорировали. Устали повторять, что смартфон выпал на пароме или уцелел, но не включался, а если включался, то сеть всё равно не ловил.

Прошло больше суток после крушения «Амок Лайта» и многочасовой болтанки в открытом море. Рита успела познакомиться со многими выжившими. Знакомство было кратким, порой недружелюбным, но Рита теперь развлекала маму, указывая на соседей и шёпотом называя их имена. Иногда добавляла, кем они работали и где находились, когда прогремел взрыв. Аналин плыла в Корон к началу туристического сезона – работала массажисткой неподалёку от порта. Самоедовы увидели бы вывеску её спа-салона, если бы взяли трицикл от порта до центра. Клариса была ветеринарным врачом-терапевтом, работала в Маниле, в новеньком здании возле речки Эстеро-де-Пако. Правда, клиника открылась в прошлом году, и животных к ним чаще водили на груминг, чем на лечение.

– Видишь парня в оранжевых штанах? Это Лоран. С ним сидит Клэр. Они из Франции. Только я забыла, из какого города. Что-то-там-ля-Мер.

Мама кивала, но едва ли слушала Риту. Ушла в отрешение, а если выскальзывала из него, то принималась заботиться о муже и дочке.

Настойчиво осматривала их, опасаясь заметить ранее упущенные царапины и синяки, напоминала Рите о таблетках – боялась, что у неё начнётся аллергия. Папа вовсе замкнулся. Не противился заботам жены и невидящим взглядом смотрел на свои руки. Корил себя за поездку на Филиппины. Рита на всякий случай шептала папе, что он не виноват.

Вчера Самоедовы задолго до темноты первыми выбрались на берег. Рита тогда стояла одна, с трепетом глядя на зелень незнакомых растений и вслушиваясь в шелест прибоя; откашлялась, прошла по песку, оставляя на нём глубокие отпечатки кроссовок, затем помогла родителям выйти из воды. Сейчас, опускаясь в краткую дрему, возвращалась к той минуте на удивление приятного одиночества. Рита не расстроилась бы, оставшись с семьёй, но безропотно приняла «гостей» – остальных выживших.

Они появлялись по одному или по двое, с воспалёнными до красноты глазами, дрожащие от холода. Кто-то ликовал и начинал танцевать, но быстро выдыхался, а запыхавшись от радостного порыва, без чувств заваливался на спину. Другие плакали и надолго застревали в пенистой кромке прибоя – отказывались выходить на берег и смотрели в море, надеясь увидеть тех, кого в сутолоке потеряли на палубе. Звали друзей и родных по именам, ходили из стороны в сторону, будто на привязи: вернуться в воду боялись, а подняться на сушу считали предательством – знали, что усталость их одолеет и они вынужденно лягут на белоснежный песок, уснут. А как можно спать, когда твои близкие гибнут за границами рифовой ограды? И если появлялся новый выживший, они изводились на месте. Ждали, пока человек приблизится. Наконец бросались ему навстречу. И видели чужака. Помогали ему, шептали что-то ободряющее, но не скрывали разочарования. Вытащив незнакомца, сами опускались рядом. В слезах молились или ругались, а вскоре действительно забывались сном. Во сне дрожали, раскачивались в такт волнам.

Последним глубокой ночью спасли Майкла. Его вытащила Роуз. Рита думала, что Роуз парень. Лет тридцати, одного роста с Ритой, она была коротко стриженной, одетой в армейские брюки с десятком карманов и хлопчатобумажной стропой под ремнём сбоку, к тому же вела себя и говорила так, будто нарочно старалась походить на парня. Ей это удавалось, но, стоило

понять, что Роуз женщина, её поведение начинало казаться забавным. Крепкая Роуз. Крепкая, как дерево молаве. Обычная филиппинская учительница из Калоокана. Ночью продолжала искать выживших. Коротко вздремнув, возвращалась к воде и подсвечивала волны карманным фонариком. Если бы не она, Майкл захлебнулся бы в десятке метров от спасительного берега. Роуз выволокла его на песок. Взялась делать Майклу искусственное дыхание. Он вроде бы и сам дышал, но Роуз упорствовала. Ждала, что незнакомец выплюнет морскую воду. Убедившись, что вода из лёгких не выходит, обыскала его карманы, нашла кошелек с водительскими правами и узнала имя.

– Имя многое значит. Оно привязывает нас к жизни.

Рита смотрела на Роуз с восхищением. Расплакалась, видя, с каким рвением та помогает другим. Бедняжка Майкл дрожал. Так и не оклемался. Следовало разжечь костёр, чтобы отогнать от него ночную прохладу, но спичек или зажигалок ни у кого не нашлось. Рита и сама мёрзла после часов, проведённых в море. У Майкла даже утром, когда его обожгло филиппинское солнце, ногти оставались синими. Он бредил. Обеими руками обхватывал бейсболку с надписью «Вперёд, „Пантеры“!», словно она была спасательным кругом, способным вытащить его из пучины безумия. Тихонько бормотал, а потом начинал дёргаться, извиваться и кричал:

– Замолчи! Замолчи!

Крик сменялся стонами и просьбами не прогонять его. Майкл не утихал. Иногда выворачивался лицом в песок, и приходилось вновь откидывать его на спину. Аналин заботилась о нём. Вливала ему в рот кокосовую водичку. Жажда мучила всех выживших. Каждый, добравшись до берега, в первую очередь просил воды: пальцами трогал обожжённые солью губы и показывал воображаемую бутылку – опасался, что его не поняли и только поэтому не торопятся напоить. Ведь на пароме, в столовой, стояли ряды бутылок.

Десятки, сотни. Почему же тут нет ни одной! О жажде удалось забыть, когда Габриэль, палубный кадет с «Амок Лайта», нашёл кокосовую рощицу.

Песчаная полоса, отделявшая берег от моря, протянулась дугой метров на пятьсот, и по всей длине её окаймляли колючие заросли – в такие не протиснешься и на шаг. За ними начинался подъём, он уводил ввысь, пока не оканчивался клубами разноуровневой растительности и выступами серого камня. На севере песчаная дуга становилась совсем узкой, метров двадцать шла извитой полоской вдоль прибрежных глыб, затем вовсе пропадала. На юге дуга обрывалась резко – песок упирался в покатую грудь валуна, изъеденного выщерблинами и сверху обложенного неизменными зарослями кустов. Вода протесала под валуном углубление – он будто приподнял каменный подол, пуская под себя волны, и те даже в штиль гулко шлёпались в его изножье.

Габриэль попробовал вскарабкаться на валун и тогда разглядел, что неподалёку за пригорком открывается проход, который на десяток метров уводит в глубь острова. Там и обнаружилась рощица кокосовых пальм. Их безлистые стволы вздымались над прочим лесом, но от моря были незаметны, так как терялись на фоне зеленеющего за ними скального подъёма. Перистые кроны пальм клонились, обвешанные кокосовыми гроздьями, в каждой – по дюжине зелёных и коричневых орехов. Не меньше орехов лежало внизу, на окружавшей пальмы сети из тонких, с виду иссушенных корней. Габриэль вернулся на берег довольный, позвал остальных следовать за ним. Многие расстроились – ждали, что он приведёт их к туристическим домикам или хотя бы к дороге, но вскоре набросились на кокосы.

Ножа ни у кого не было. Адриан, второй механик с «Амок Лайта», извлёк из рабочего комбинезона коротенькую отвёртку, но кожа и волокнистый слой зелёных кокосов оказались настолько мягкими, податливыми, что с ними без труда справлялось и каменное рубило – главное, бить им вдоль едва намеченных волокон, а не поперёк. Каждый подыскал себе подходящее рубило под прибрежным валуном и смог напиться прозрачной, чуть сладковатой водички.

Рита заметила, что Габриэль, вытряхнув последние капли в рот, торопился расширить проделанное отверстие – пальцами выскребал маслянистую мякоть. Вскоре так начали делать все остальные. Мякоть лопалась, будто сгустки мёртвой медузы, и Рита брезгливо морщилась, но затем признала, что та вполне съедобна, а по вкусу отдалённо напоминает белый слой дынной корки, из которого делают цукаты.

Адриан, орудовавший отвёрткой, выпил воду сразу из четырёх кокосов. Его стошнило. Послышалось недовольное ворчание вокруг. Никто не помог упавшему на колени филиппинцу. Даже Роуз осталась безучастной к его слабости. Впрочем, Адриан быстро пришёл в себя и взялся бы за пятый кокос, если бы Габриэль его не остановил.

Утолив жажду, филиппинцы, а их среди выживших было большинство, вернулись на берег. Роуз и Аналин захватили два кокоса для Майкла, по-прежнему лежавшего без чувств на том месте, куда его вынесли ночью. Иностранцы остались под пальмами, среди них два француза, Клэр и Лоран, четверо русских, Самоедовы и кудрявый парень, оставшийся без трости, и один американец – Тёрнер, везде ходивший в сопровождении юной филиппинки.

Маме Тёрнер не понравился, и она старалась держаться от него подальше. В полноте американца, в его ярко-жёлтой гавайке, коротких шортах, открывавших массивные колени и кучерявую поросль крупных ног, да и в самом поведении угадывалось нечто надменное, скабрёзное. Когда рядом проходил кто-то из мужчин, он непременно клал тяжёлую руку на плечо Дианы, своей подруги, будто обозначал власть над её юностью. Диана прикосновения Тёрнера принимала спокойно, иногда ластилась к нему, в остальном нежности не выказывала. Рита не отводила взгляда от этой разновозрастной парочки. Ей было приятно смотреть на американца – приземлённого, житейски удовлетворённого человека. Хорошо просто знать, что он существует. В меру патриотичный, уверенный в себе и во всём, что очевидно. Спокойно толстеющий по вечерам на диване перед телевизором с ведром крылышек из «Кей-Эф-Си». Воспринимающий жизнь как прямое, проходящее сквозь время шоссе с заранее отмеченными вехами заправочных, мотелей, кинотеатров и завершающим поездку кладбищем. И страшно будет, если подобный человек сломается. Не хотела бы Рита увидеть в глазах Тёрнера отчаяние.

Сейчас американец сидел под пальмой с видом туриста, который приехал в гостиницу слишком рано – до того, как успели подготовить номер, и теперь вынужден коротать время на пляже, ожидая, пока горничные стелют ему белоснежное бельё и набивают мини-бар шоколадками. Рита обрадовалась, когда он достал из рюкзака Дианы упаковку чипсов. Своего рюкзака у Тёрнера не нашлось. Он бы не стал ничего носить. Только поясную сумку с документами и деньгами – средоточие его спокойствия. Дешёвые «Джек эн Джилл» со вкусом сметаны и лука. Как же волшебны они хрустели! Клэр и Лоран с завистью поглядывали на Тёрнера. Рита не завидовала. Просто наслаждалась тем, с каким привычным довольством ест Тёрнер. Каждый хруст, вырывавшийся из его по-бабичевски полных, плотоядных губ, говорил:

– Всё будет хорошо.

На пароме многие тщились спасти чемоданы, за борт вываливались в обнимку с вещами, но среди выживших мало кому удалось сохранить хотя бы маленькую сумку. И если в ней было что-то съедобное, вроде батончика или яблока, управлялись с ними украдкой, стараясь не привлекать внимания. Рита выбралась на берег с зелёньким «Дойтером», подаренным ей на шестнадцатилетие – тогда папа положил в него пятитомник «Хроник Амбера» с дополнительным шестым томом. Хмурые и суровые книги, целиком Рите не поддавшиеся, томились на угловой полке в Первомайском. Каким же далёким сейчас казался Иркутск... Когда на пароме прогремел второй взрыв, мама сама накинула Рите рюкзачок, и тот чудом продержался на плечах. Теперь у Самоедовых под рукой лежали крем от загара, разбухшая от воды тетрадка, дорожная аптечка и дюжина кошачьих паучей. Будет чем угостить котов в ближайшем поселении.

Роуз говорила, что выживших вынесло на крупный остров вроде Миндоро или на один из островков у его побережья. Если бы не чащоба, отрезавшая берег от прочей суши, кто-нибудь отправился бы за помощью. Уставшие и напуганные, все предпочитали ждать спасательный катер или вертолёт.

– Что? – Роуз заметила недоумение Риты. – Думала, мы на необитаемом острове? Надеюсь на приключение, вроде как в фильме, и будет весело? Так вот ничего весёлого! Тут люди погибли.

Рита не обиделась. Видела, что филиппинка хорошая, а грубостью подбадривает саму себя. И грубит только сильным. Значит, и Риту считает сильной. О слабых Роуз заботилась. В отличие от Тёрнера и Лорана, не ругалась на Кларису, когда та спрашивала про телефон. И ухаживала за хрупкой Аналин – вскрывала для неё кокосы, а ведь они не были подругами, познакомились утром на пароме.

Выжившие искали утешения в обыденных заботах: лечь, прогуляться, перекинуться с соседом ничего не значащими словами, попить кокосовой воды, – однако спрятаться от случившейся катастрофы никому не удавалось. Задремав, многие стонали, принуждённые вновь переживать крушение парома, и пробуждение даже от мимолётного сна оказывалось новым спасением на берегу – таких спасений за день накапливалось с десятков, и они не радовали, а лишь выматывали.

Аналин, проснувшись, начинала трясти головой. Ей чудилось, что в уши натекла вода. Она прыгала на месте, зажимала нос пальцами и раздувала щёки. Это не помогало, и от обиды Аналин плакала. Пряталась в объятиях Роуз. Лоран с утра прощупывал карманы. Доставал кошелёк, разряженный смартфон, несколько карамелек и подсохший комок спрессованных бумажек. Каждый раз один и тот же набор. Но Лоран не унывал. Надеялся, подобно фокуснику, чудесным образом извлечь нечто ценное. Его примеру последовала Клэр. Даже Роуз на всякий случай ощупала брюки и лёгкую кофту с капюшоном. Затем и мама перехватила у Риты рюкзачок – пересмотрела его содержимое. Папа тем временем плутал в забвении. Лишь после полудня достал из пиджака пачку сигарет. Разложил промокшие сигареты под солнцем. Следил, чтобы их не задуло песком, – нашёл себе занятие и весь отдался ему. Курить начал, когда оптику выгнали из Дома быта. Мама морщилась от табачного запаха, а на прошлый Новый год подарила папе красивую зажигалку «Зиппо» с выгравированным на корпусе слоганом «Просто сделай это». Зажигалку папа потерял в море. Но сигареты решил высушить.

Напившись кокосовой воды, иностранцы отдыхали в пальмовой роще, пока их не напугал тяжёлый шлепок упавшего кокоса. Поворчав, они перебрались на берег, постепенно разошлись по песчаной дуге. Выжившие держались по одному или собирались небольшими группами. Сидели поближе к растительности, укрываясь в рябой тени, молча и безучастно, как пассажиры в ожидании задержавшегося парома. Их взгляды устремлялись к ребрившемуся морскому горизонту. В глубь острова никто не смотрел.

Открытое море от бухты Спасения, как её назвала Рита, отделяла барьерная гряда. Она поднималась над водой угловатыми надолбами, в отлив соединёнными в полноценную стену, а в прилив накрытыми кипенью разбивающихся волн. На рифе оседали разноцветные пятна – вещи с парома, выброшенные морем вслед полуживым пассажирам. Рита различила футболку или кусок изорванного матраса, заметила белый пластиковый стул, бившийся в барьерной пене. Потом стул исчез, как исчезали и другие пятна вещей. Ими никто не интересовался, пока Рамон Альварес, сорокасемилетний помощник капитана по хозяйственной части, один из шести выживших членов экипажа, не заявил, что нужно поглядывать, не мелькнёт ли полуметровый оранжевый поплавок.

– САРТ, – пояснил он, поправив очки. – Радиолокационный спасательный ответчик. Он висел в рулевой рубке и... Ему никакой шторм не страшен. Работает на частоте девять гигагерц. Это надёжно. С ним нас найдут быстрее.

Вокруг помощника собралось человек пятнадцать. Он расписывал устройство поплавка-ответчика, словно наставлял палубных кадетов, а потом, невпопад пожав плечами, опустился на песок и замолчал. Люди не разошлись. Сели неподалёку от Альвареса и других членов экипажа. Долго томились в тишине, затем, начав с отрывочных вопросов и замечаний, разговорились. На звуки голосов подтянулись остальные выжившие. В стороне остались лежавший без чувств Майкл, родители Риты, несколько филиппинцев, имён которых Рита не знала, и русский кудрявый паренёк, подыскавший толстую ветку взамен утерянной трости.

Людей прорвало. Каждый стремился вслух вспомнить, где его застал пожар и как он боролся с волнами, о чём думал и сколько часов прошло, прежде чем он увидел зеленеющие склоны бухты. Наконец Альварес, раззадоренный, взялся рассказывать о пароме. Заявил, что тот был старенький, изношенный многолетними плаваниями, но в целом хорошо защищённый от невзгод, в том числе от пожаров.

– Сто двадцать спасательных жилетов на бридждеке, пятьдесят три – на второй палубе и двадцать пять – на палубе трюма. Шесть порошковых огнетушителей и один углекислотный. Шесть пожарных гидрантов, пять пожарных шлангов с форсункой, а главное, четыре спасательных плота, каждый – на шестьдесят пять человек!

Слушатели кивали. Будто собрались на прогулочной палубе и готовились к плановой эвакуации. Будто пожар лишь дал о себе знать звоном пожарных извещателей, а первые завитки дыма едва распространились по парому. Слова Альвареса успокаивали.

– Плоты у нас открытые, реверсивные, – продолжал он, и сам уверовав в надёжность своих слов. – Если такой не перевернуть вовремя, то не страшно. Он потом сам откроется в воде, нужно только подождать. На глубине четырёх метров сработает гидростатическое спусковое устройство, и плот выскочит на поверхность уже надутый. Останется забраться в него и... Там всё предусмотрено. Дымовые шашки, аварийный передатчик, фонари, свистки...

– И где они? – Роуз оборвала общую мечтательность. – Где твои передатчики и фонари? Альварес не нашёлся с ответом. Снял очки и, пальцами массируя веки, промолвил:

– Загорелось слишком быстро. Мы не успели...

– Не успели, – отозвалось несколько голосов.

Люди не торопились разбредаться. Ещё звучали отрывистые вопросы и неуверенные или раздражённые ответы.

– Почему нас выкинуло в одном месте?

– Значит, берег был рядом. Нас подхватило течением.

– Я в море никого не видел.

– И я.

– И что?

– Просто спрашиваю.

– Тут вообще не должно быть островов! Если атолл...

– А ты оглянись. Мы на атолле?!

– Не кипятись, я...

– А я не понимаю, зачем такое городить!

Дружное удовлетворение от мнимой надёжности парома и его реверсивных плотов сменилось обменом колкостями и придирами. Когда же все умолкли, помощник капитана заявил, что пожар на «Амок Лайте» произошёл не случайно.

В настороженной тишине Альварес, надев очки, продолжил:

– Я давно хожу. Всякое бывало. И сигарета в камбузе, и замыкание в машинном отделении. Как-то у нас самовоспламенились джутовые кипы. С джутом всегда так. Нужно следить, чтобы он оставался сухим, не дай бог намокнет, а если намокнет и если его положили неплотно, жди беды. Будет елозить, разогреется и вспыхнет, как сено от спички. Так вот на пароме, я

думаю, взорвались газовые баллоны. Они стояли у туалетов. А сами по себе баллоны не взрываются. Я за ними следил. Не дурак, такие вещи знаю.

На Альвареса смотрели недоумённо. О причинах пожара никто не успел задуматься.

Поднявшийся ветер обдавал песком – налетал тяжёлой пылью, колот крохотными иголочками обожжённую на солнце кожу, иногда набрасывался вперемежку с солёными морскими брызгами. Кожа быстро белела от песчаного налёта. В зарослях тревожно поскрипывали деревья. Люди сидели онемевшие и растерянные.

– Поглядывайте, может, увидите ответчик, – тихо напомнил Альварес. – Он оранжевый. И вообще, хорошо бы посмотреть, что там принесло море. Если повезёт, найдём что-нибудь полезное.

Напоминание помощника приободрило, обозначило доступную цель, и люди разошлись. Впрочем, поиски ограничились бессмысленным разглядыванием барьерного рифа и горизонта. О том, чтобы окунуться в воду и сплывать до пенистой гряды, не было и речи. Рита, вопреки маминому недовольству, ушла к северной оконечности песчаной дуги. Добралась до места, где пляж переходил в узенькую полоску. Понадеявшись обогнуть скальные выступы и обнаружить за ними вторую бухту, закатала джинсы и сняла кроссовки. Оглянулась. Поблизости никого не было. Мама осталась возле папы и не могла остановить дочь.

Рита вошла в прибой и зашагала дальше. Представила, как найдёт брошенные или заселённые туристические домики. Предпочла бы брошенные, со следами утраченной роскоши: душевыми комнатами, бильярдными залами и крытыми террасами вдоль кафетериев, в которых до сих пор висят грифельные доски с выписанным на них меню напитков и закусок.

– Глупо... – прошептала Рита.

Роуз права. «Ничего весёлого! Тут люди погибли». Поразмыслив, Рита согласилась на компромисс: пусть там стоят свайные домики, пустующие перед началом сезона. Она за пару дней обследует их, воображая себя в мире тропического постапокалипсиса, а потом увидит, как к бухте плывут лодки с филиппинцами, нанятыми подготовить курортный посёлок к первым туристам. Развлекая себя подобными мыслями, Рита медленно продвигалась вперёд. Старалась идти по хорошо различимым в воде участкам песка и огибать темнеющие участки камня. Несколько раз укололась о мелкие осколки кораллов. Видела чёрные иглы морских ежей. Подумывала надеть кроссовки, но побоялась, что мама станет ругаться, когда увидит мокрую обувь, – сразу поймёт, что Рита ходила за пределы пляжа.

Песчаная дуга бухты Спасения осталась далеко позади, а новая бухта не объявлялась. Никаких домиков, брошенных или населённых.

Даже захудалой беседки не обнаружилось. Вода обмочила закатанные брючины, и с каждым шагом ноги опускались глубже, а скалы впереди становились круче и отвеснее. Рита поняла, что дальше не пройдёт. Вдохнув, развернулась и тогда увидела мужчину – метрах в десяти от берега, на валуне, приподнятом над водой и обложенном водорослями.

Рита побоялась, что нашла утопленника. Никогда прежде не видела мёртвого человека. Дедушку хоронили в закрытом гробу, а на отпевание, на котором настояла бабушка, Риту не взяли. Ей тогда было три годика. Она бы всё равно ничего не запомнила...

Рита крикнула, надеясь, что её услышат. Крикнула громче. Наконец решила вернуться к остальным и привести сюда хотя бы Роуз, но вместо этого смело, не рассуждая, натянула кроссовки и зашагала к валуну. Оступалась в воде, едва не провалилась в донную ложбину между камнями, но добралась до незнакомца. Помедлила, не зная, что делать. Поднялась к нему на валун и в неуверенности застыла.

Незнакомец лежал лицом вниз, свесив руки к воде, облизывавшей ему пальцы. Рита долго всматривалась в его спину, прежде чем уловила мерное движение. Жив! Дышит! Наверное, из последних сил вскарабкался сюда, а до берега доплыть не смог. Потерял сознание. Сколько он тут пролежал? Неужели со вчерашнего дня? Или, подобно Майклу, всю ночь боролся с морем?

Мужчина молодой, лет тридцати. Рита видела его на пароме – сейчас узнала по камуфляжным брюкам и армейским ботинкам. Сбоку лицо у незнакомца оказалось ободрано в кровь и обожжено. Нужно было скорее вынести его на песок и напоить кокосовой водой! Прежде чем бежать за подмогой, Рита взялась обшарить карманы филиппинца. Нашла бумажник. Деньги, разбухшая визитка с неразличимой надписью, ламинированные карточки, похожие на водительские права, и две цветные фотографии. На первой – парень с чуть сгорбленным, будто ломаным носом и каштановыми волосами, среди которых затерялась седая прядь. На второй – ещё один парень, с пучками чёрной щетины и тёмными кудрявыми волосами. На фотографии Рита посмотрела мельком, хотя второй парень ей показался знакомым. Ламинированные карточки её заинтересовали больше. Среди них нашлась заполненная на английском языке.

– Ибаско Мануэль Роке, – вслух прочитала Рита. – Мануэль! Ты меня слышишь? Я пойду за помощью. Мы тебя спасём. Не сдавайся!

Рита трижды произнесла имя незнакомца ему на ухо, и он приоткрыл покрасневший глаз. Рита в испуге отшатнулась, но следом опять сказала:

– Мануэль. Ты подожди. Всё будет хорошо.

Глава десятая

Капитан Алистер

Говард Тёрнер знал, что бояться нужно живых. Мертвец не обманет, не ударит исподтишка. Эбигейл Тёрнер, мать Говарда, сутки пролежала на втором этаже, прежде чем он нашёл её бездыханной и до того спокойно сообщил о находке отцу, что тот не поверил. Мать, поругавшись с отцом, часто запиралась в комнате, даже завела себе отдельный холодильник у кровати. Никто не думал, что её хватит удар. Говард любил мать, но оплакивать не стал. Зачем мёртвым твои слёзы?

Когда на четвёртый день после крушения «Амок Лайта» русская девчонка разглядела на рифах ещё одного человека, Говард сразу понял, что надежды на его спасение нет. Упрямые филиппинцы полезли в воду. Впятером добрались до рифов. Потом с дрожью рассказывали, как узнали в незнакомце Алистера Самортина, капитана затонувшего парома. Им показалось, что он шевелится. Они бросились ему на помощь. Приподняв его, увидели обезображенное, изъеденное морской живностью лицо. То, что капитан якобы шевелился, – так это крабы возились в штанинах и рукавах, праздновали добычу. Закопать капитана или хотя бы сбросить тело с камней никто не догадался. Теперь филиппинцы придумали ходить на валун, откуда русская заметила Алистера, и подолгу стоять там, издали всматриваясь в мертвеца. Дошло до того, что на берегу начали говорить о нём как о живом: спрашивать друг друга о настроении капитана, не беспокоит ли его ветер и не слишком ли щекочит крабы.

Говард отпускал Диану к другим выжившим. Она приносила слухи и страхи, после вчерашнего ограниченные болтовней об Алистере, и называла имена. Пребывание в дикости затягивалось, и Говард должен был точно знать, кого тут опасаться, а кому продать Бруклинский мост.

Пять дней – немалый срок. Паром затонул на водной магистрали, в Миндорском проливе, а не посреди Тихого океана. Да тут с утра до ночи должны проплывать десятки рыбацких и туристических посудин. Говард не мог объяснить, почему спасатели до сих пор не обнаружили выживших, но предпочитал рассуждать о том, что было ему понятно и подвластно. Пока остальные судачили о капитане Алистере, якобы изменившем положение на рифе – мертвец ворочался, отлежав бок, – Говард направился к французу Лорану. Парень засматривался на Диану, пробовал с ней шутить, намекал на возможность более близкого знакомства. Романтик, куда деваться. Говарда подобное внимание к его филиппинской жене не настораживало, и к Лорану он пошёл не закатывать сцены ревности, а выкупить «Сникерс». Сторговались на ста долларов. Оба остались довольны. Говард, как и все, питался одними кокосами, а на кокосах долго не продержишься. Но батончик, подтаявший и мятый, он приберёт. Пусть ждёт своей очереди.

– Игуаны добрались до Галапагосских островов, – вчера рассказывал русский парень Дмитрий, – и обнаружили, что есть там нечего. Пришлось приспособливаться. Они научились переваривать кактусы. Давились колючками, мучились, но умирать с голоду отказывались. Кактусы растут медленно, и вскоре игуаны съели последний из них. Тогда они научились переваривать выброшенные на берег водоросли, а следом наловчились есть их непосредственно в море. Солёная вода игуан не остановила. Они выжили и расплодились.

Говард любил такие истории. Знал, что должен уподобиться игуане и выжить. Голод напоминал о себе. И проклятушки чайки дразнили устроенным пиром – второй день подряд кружили вдалеке, словно делили крупную добычу. Нашли тушу косатки, если косатки вообще водятся в здешних водах. Или тела погибших пассажиров «Амок Лайта». От этой мысли даже Говарду стало не по себе.

Именно голод спровоцировал первую стычку в бухте. Всё началось с Адриана, механика с «Амок Лайта», которого на днях стошнило после четырёх выпитых кокосов. Адриан стал разговорчивым, трещал без умолку. Вслух вспоминал любимые блюда. Обещал, вернувшись в город, заглянуть в «Кукуруку» и заказать лечон – молодого поросёнка, начинённого рисом и зажаренного на бамбуковом вертеле. Следом закусить бычьими хвостами в арахисовом соусе и балутом – насиженными утиными яйцами с зародышем. Все молча слушали Адриана, и только сорокалетний Мактангол попросил его остановиться. Сдержанно попросил, без угроз. Адриан развеселился ещё больше. И чем злее становился Мактангол, тем громче механик живописал воображаемые блюда. Когда он дошёл до поджаренных в уксусном соусе свиных ушей и чудесного аромата илокоского чеснока, Мактангол не выдержал. Схватил Адриана за грудки, приподнял над песком и швырнул в кустарник. Никто из членов экипажа не вступился за механика. Помощник Альварес, бывший у них за главного, тоже промолчал. Глядя на их испуганные лица, Говард подумал, что старина Кинг прав. «С такими людьми приходится иметь дело. Толпа. Грёбанные отбросы. Что им нужно? Им нужна еда, шоу Опри, музыка кантри и тёплая кровать, чтобы заниматься этим делом после того, как зайдёт солнце. И воспроизводить таких же, как они».

В следующий раз Мактангол проявил себя, когда к нему и остальным филиппинцам начал приставать Лоран. Француз заявил, что они виноваты в крушении парома и должны заботиться об иностранцах. Трудно сказать, чего конкретно добивался Лоран. Возможно, надеялся, что филиппинцы забегают на цыпочках и начнут носить ему вскрытые кокосы, раздобудут лягушачьих лапок. Мактангол ткнул его кулаком в плечо. Истерика прекратилась. Лоран отправился искать утешения у Клэр, кажется, меньше остальных ожидавшей подобной сцены от друга.

Говард Тёрнер разбирался в людях. Иначе не поднялся бы так высоко, до сих пор торговал бы пуговицами в отцовской лавке. Он с первых дней поверил в Линду, свою жену. Видел её хватку. Поэтому женился на ней, несмотря на протесты отца. В девяносто пятом Линда осталась без работы. Говард её поддержал. Запертая в доме с тремя детьми, она сходилась с ума. Чтобы выпустить пар, взялась печь вупи-пай – мягкие печенья-сэндвичи с прослойкой из ванильного крема и кремowego маршмеллоу – по рецепту, который её мать вырезала из «Сиэтл Уикли» в конце семидесятых. Невинная забава перешла в одержимость. Линда пекла в разы больше, чем могла съесть семья Тёрнеров. Оставляла печенье на пороге соседей. Угощала их за счёт Говарда, и Говард терпел. Среди соседей нашлась владелица закусочной, чьи дети пришли в восторг от домашних вупи-пай, и владелица заказала Линде печенье для мороженого в своей закусочной. А в следующем году Говард уволился из брокерской конторы, снял накопления и деньги, отложенные детям на учёбу, оформил кредит и открыл семейное кафе «Вупи Прайд» на восточной стороне Капитолийского холма. Прошло два года, и «Вупи Прайд» получил награду «Лучшего классического вупи-пай». Следом были другие награды, публикации в «Сиэтл Мэгэзин» и участие в довер-фоксскрофтовском фестивале. Да, в людях Говард разбирался. И Мактангол ему понравился.

Диана узнала, что филиппинец работал администратором магазина 7-Eleven в Кесон-Сити и направлялся на отдых с семьёй: женой и детьми-близнецами. В последний раз Мактангол видел их перед пожаром на пароме. Надеялся, что они уцелели и прибились к соседней бухте или к другому острову неподалёку. Среди выживших никто не верил в смерть близких. Когда все ломанулись помогать Мануэлю, Говард сразу сообразил, что к северной оконечности бухты людей гнали не сострадание, не забота о ближнем, а надежда встретить знакомое лицо. Пусть разбитое, обожжённое, но знакомое. Увидев, что спасся никому не нужный чужак, многие с разочарованием отходили в сторону, а вечером опять тешили себя надеждой: если уцелел Мануэль, мог уцелеть кто-то ещё.

Ироничным ответом на их молитвы стал изъеденный крабами капитан Алистер. Вот участь ваших родных. Вот участь семьи Мактангола. Говард не стал говорить об этом филипп-

пинцу, но подошёл лично познакомиться с ним и тишком разделить драгоценный «Сникерс». Смешно, что на пятый день выживания захудалый батончик стал драгоценным.

У Говарда оставалось много наличных, песо и долларов. Хватило бы нанять яхту и вывезти всех обратно в Манилу. Сам Говард никогда бы не взял билеты на паром, предпочёл бы добираться до Корон на самолёте. Морская прогулка была блажью Дианы. Ей хотелось непременно побывать на судне, на котором в начале нулевых боцманом ходил её отец. Говард не винил Диану – разделил с ней ответственность за крушение в ту секунду, когда поддался её уговорам. В следующий раз не поддастся. Уж лучше в самом деле арендовать прогулочный катер. А сейчас от денег толку мало. Новых «Сникерсов» никто не припрятал, и Говард решил выкупить сигареты у Михаила Самоедова.

Сам Говард не курил – помнил, как отец годами выхаркивал лёгкие, – но понимал, что рано или поздно курить захотят другие. Сигареты пожелтели и пахли довольно мерзко, но русский, как ни странно, продавать их отказался. Говард предложил тысячу долларов – немислимая цена, но Михаил сказал, что деньги ему не нужны. Впрочем, выяснилось, что зажигалки он лишился и прикуривать всё равно нечем.

Самоедов первые дни пробыл в сонном забвении. Говард вообще не сразу его заметил. Когда же Рита спасла Мануэля, Михаил оживился. Наблюдал, как стриженная под парня Роуз, её подруга Аналин и горстка других филиппинцев нахваливают Риту, затем сам подошёл похвалить дочь и разделить её успех. Грамотный ход. Затем русский вдруг справился о самочувствии полуживого Майкла, расспросил помощника Алистера о месте, куда их выбросило море. Вот и сейчас, едва солнце перевалило за полдень пятого дня, Самоедов развернул шумную деятельность. Обошёл мужчин с призывом обследовать риф. Среди вещей с парома могло найтись что-нибудь полезное; не хотелось отказываться и от надежды обнаружить радиолокационный ответчик. По-английски Самоедов говорил неуверенно и переводчиком таскал жену Ладу.

На призыв Михаила откликнулись немногие. Одни боялись наткнуться на утопленников, вторые были так истощены, что не проплыли бы и десяти метров, а третьи отказывались понапрасну жариться под солнцем, говорили, что ничего толкового не найдут. В итоге Самоедов собрал группу из пяти филиппинцев и отправил их на рифы, а сам остался следить за ними с берега. Вскоре к новой забаве присоединились ещё шесть человек, в том числе французенка Клэр, Роуз и дочь Самоедова, предварительно на виду у всех поругавшаяся с матерью – та не хотела её отпускать.

В следующие два часа на песке собралась горка бесполезной всячины. Нырятьщики тащили всё, что удавалось снять с рифа, и поднимали то, что затонуло на небольшой глубине. Первой ценной добычей стал пылесос с пластиковым контейнером для сбора пыли и турбиной «антитэнгл».

– «Трать время на любые занятия, а не на пыль, – прочитал Дмитрий на размокшей коробке. – Лёгкая уборка. Мощный результат». Отлично! Теперь не придётся чистить контейнер вручную.

С таким же успехом можно было раздобыть фарфоровый сервиз с анютиными глазками на чашечках, но пылесос поднял всем настроение. В воду полезли даже те, кто утром помирал от бессилия и соглашался сдвинуться с места лишь вслед за ускользавшей тенью деревьев. Кажется, Самоедов при желании загнал бы на риф и спасённого его дочерью Мануэля – тот, в отличие от Майкла, пришёл в себя, стоило ему напиться кокосовой воды. Но Мануэль держался в стороне и добычей ныряльщиков не интересовался. На свою спасительницу поглядывал с озлоблением. От Говарда не укрылся его воспалённый взгляд. Странный малый.

Вслед за пылесосом на песок перекечевали тюки со шлёпками. Ещё одна великолепная находка... Резиновые тапки с литым креплением на подъёме и открытым носом. Чёрные и синие, на все размеры. Филиппинцы могли ликовать. Они в городах поголовно разгуливали в

шлёпках, даже дети, которые и ходить-то едва научились, а женщины подбирали себе шлёпки, отороченные искусственным мехом, и носили их с подследниками. В отличие от пылесоса, тюки с тапками не залежались – каждый натаскал себе по несколько пар. Теперь безучастных к поисковой экспедиции Самоедова не осталось. Кто не плавал сам, ждал на берегу и торопливо осматривал выловленное. Некоторые ныряльщики, не задерживаясь у общего свала, относили добычу друзьям или прятали под кустами в своём закутке. Из-за этого порой вспыхивали краткие перебранки.

Набор шлёпок пополнился тюками с белыми футболками, полотенцами и халатами, отмеченными жёлтой коронованной эмблемой «Корон Резорт». Говард попросил Диану принести им по халату. Понимал, что будет смотреться нелепо, но обгоревшие ноги не оставили ему выбора. Кроме того, в халате приятнее спать. О нелепости своего вида Говард позабыл, когда увидел, что половина бухты разгуливает в одинаковых футболках, словно отряд волонтеров, призванных нести медицину, или слово Божье, или что они там обычно несут диким филиппинским племенам. В халате разгуливала и самая юная из выживших – одиннадцатилетняя Малайя. На пароме она потеряла родителей и родную тётю. Ей было не до веселья, но подол длинного халата стелился за Малайей королевской мантией, и девочка, пожалуй, впервые за пять дней улыбнулась.

Палубный кадет Габриэль и трюмный матрос Макисиг разыскали светло-жёлтый пластиковый футляр с сигнальными ракетами. Закрытый на защёлки, он вызвал общее ликование. Когда футляр открыли, оказалось, что он полон песка. Здешние воды обладали чувством юмора. Добрались до сигнальных ракет, вывалили их на морское дно, затем до отказа наполнили футляр песком, защёлкнули его и, дразня, выбросили поближе к людям. Габриэль и Макисиг молча снесли издёвку, но возвращаться в воду отказались; ушли копать в свале футболок «Корон Резорт» и подбирать себе шлёпки.

До вечера на берег удалось вытащить две упаковки пластмассовых игрушек, пачку туристических календарей с перечнем ресторанов Корон, коробку с мелкой канцелярией, разбухшей и пришедшей в негодность, и прочую безделицу вроде обрывков ткани и нераспознаваемых деревянных обломков. Достойными внимания Говард счёл лишь мешок с рулонами кофейных пакетиков белого «Грейт тейст», мешок с пакетиками растворимого напитка «Танг», катушку капроновой верёвки и внушительный ПВХ-баннер с цитатой из «Новой международной версии Библии». Баннер, разумеется, был примечателен не призывом к честности, а размерами. Метра три на четыре, невредимый. Говард смекнул, что из баннера нетрудно сделать опознавательный знак для спасательной команды.

Наконец, ключевую находку сделали Роуз и Аналин. Отплыв на юг от бухты, они разглядели среди прибрежных скал покачивавшийся на волнах туристический рюкзак – один из десятка подобных, лежавших на второй палубе парома. Запечатанный в гермомешок, он выдержал пять дней плавания и не промок. В лучах заходящего солнца почти тридцать человек наблюдали, как Роуз и Аналин неторопливо, с преувеличенной торжественностью вынимают из пятидесятилитрового рюкзака чьи-то вещи – возможно, вещи утонувшего и в эти секунды кормившего рыб человека, – оценивающе кивали, если видели что-нибудь толковое, и ворчали, обнаружив бесполезное. Пять дней, а они уже превращались в дикарей.

– *Толпа. Грёбанные отбросы*, – прошептал Говард.

– Просто дети, – так же шёпотом ответила Диана.

В рюкзаке лежали одноместная палатка, тонкий спальник, сухие синтетические вещи, кое-какая дребедень вроде купальника в зелёный горошек, путеводителя «Лонли Плэнит» и растрёпанного романа на немецком. Наиболее ценными оказались топорик, мультитул, нож, кружка, маска с трубкой и сразу три зажигалки «Бик». Из еды в рюкзаке были только две пачки крекеров, которые Роуз тут же разделила между выжившими. До полуночи все копались в найденных вещах. Палатку и спальник, не споря, отдали Майклу и согласились в дальнейшем при-

берегать для тех, кто больше других нуждался в отдыхе. Спать легли перед костром, довольные и радостные, будто добились невесть каких результатов. Лишь на утро шестого дня пустой живот напомнил выжившим об ужасе их положения. Футболки и шлёпки голод не утолят.

До обеда ныряльщики продолжали рыскать в бухте. Осмелев, заплывли в прежде запретную сторону – к разлагавшемуся и не желавшему уплыть капитану Алистеру, однако ничего важного не нашли. Вымотавшись, вернулись на берег и с отвращением принялись жевать кокосовую кашу. Между тем Самоедов не унывал. Придумал возвести шалаши из веток и пальмовых листьев. Выбрал единственно доступное место – травянистую проплешину между кокосовой рощей и южной оконечностью пляжа. Подговорил нескольких филиппинцев помочь ему и отправился с ними собирать строительный материал. Говард, узнав об их планах, решил вмешаться.

– Ты хочешь торчать здесь? – обратился он к Мактанголу. – Или выбраться?

Мактангол нахмурился, не понимая, к чему клонит американец. Говард не торопил его.

В итоге филиппинец сказал:

– Хочу выбраться.

– Тогда иди за мной.

Говард пошёл в сторону кокосовой рощи. Решительность его шага привлекла внимание, и следом вытянулся хвост любопытствующих. О, людям нравятся представления! Они их чувствуют. И если под рукой нет пульта, чтобы включить шоу Элен, шоу Джона Стюарта или какое шоу тут, на Филиппинах, популярно, довольствуются мелкими соседскими разборками.

Одолев пригорок и увидев первые заготовки будущих шалашей, Говард с ходу принялся их разбрасывать. Мактангол, помедлив, присоединился к нему и даже сломал несколько крупных ветвей, воткнувших в землю наподобие стропил. Вопросов он не задавал – верил, что Говард в нужное время объяснит своё поведение, и не ошибся. Самоедов и его люди стояли рядом. Молча наблюдали за происходящим, как и прочие зеваки на пригорке.

– Зачем? – спросил Самоедов, когда Говард, удовлетворённый сделанным, остановился.

– Затем, что мы не собираемся тут жить, – громко и отчётливо ответил Говард. – Твоя дочь накормила нас кошачьим кормом. Не пожадничай. И мы ей признательны. Но вряд ли у неё найдётся другая заначка, верно? Мы должны выбраться с чёртова пляжа, а не торчать тут, пока не перемрём с голоду.

– Это не мешает сделать укрытие от дождя.

– Что-то я не заметил туч.

– Однажды они появятся.

– *Однажды?* К этому времени мы должны отсюда убраться.

– Не понимаю. – Самоедов качнул головой.

– Послушай, – более доверительно обратился к нему Говард. – Ты мужчина неглупый, я вижу. К тебе вопросов нет, но там, – Говард неопределённо махнул рукой в сторону пляжа, – там полно долбанных хиппи, которым наше приключение кажется вполне увлекательным. Построй им хижину, научи их рыбачить и собирать кокосы. И думаешь, они задумаются о спасении? Или будут загорать себе на пляже? Обживутся, начнут ловить кайф от тропического безделья. Зачем напрягаться? Рано или поздно спасатели приплывут сами. Нет! Не приплывут. Прошло шесть дней! Нам пора бросить все силы на спасение и не отвлекаться на организацию лагеря. Поверь мне, Михаил, ты поставишь шалаши, а завтра кто-нибудь из хиппарей начнёт плести фенечки и петь песни. В отличие от нас с тобой, им возвращаться некуда. Разве что в духоту своих офисов. Не давай им шанса расслабиться. Как сказал один умный человек, «тратя усилия на временное устройство неприятной тебе жизни, упускаешь шанс на скорое избавление от неё».

Выговорившись, Говард замолчал и мельком огляделся. Большая часть зрителей выглядела напуганной и в то же время довольной. В их глазах угадывалось ожидание. Говард хорошо

знал этот взгляд. Они ждали, чья возьмёт. Им важно понять, кто здесь способен стать лидером. Первое поражение или первая победа в противостоянии Говарда с Михаилом заложит основу того, как к ним в дальнейшем отнесутся другие. «У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление». Ведь так пелось в рекламе зубной пасты из «КаслРока»? Или в рекламе шампуня от перхоти?..

Впрочем, Говард согласился бы окончить противостояние дружеским похлопыванием по плечу. Он пришёл сюда не самоутверждаться.

– И что ты предлагаешь? – спросил Михаил после того, как жена перевела ему слова Говарда. – Отправить бутылку с криком о помощи?

– Не держи меня за идиота. Нет. Я предлагаю из этого, – Говард повёл рукой, указывая на обломки несостоявшегося лагеря, – собрать сигнальное костровище. Расписать вахту. И запалить его, когда появится поисковый катер, самолёт, вертолёт, да хоть парашютист. Хватит ковыряться в песке. Пора браться за дело.

– Я уже выбрал место для костра. Планировал поставить его ближе к вечеру.

Говард растерялся. Да, Михаил неглуп. Тем лучше.

– Вот и славно! Но поставим сейчас. Зачем терять время?

Филиппинцы под руководством Говарда и Михаила расчистили проход к скальному выступу, ранее присмотренному Самоедовым. Обнаружить его помогли молодые музыканты, плывшие играть в ресторанах Корон: Мигель и Киану. В их группе было ещё четыре участника, и Мигель не смирился с их исчезновением. Они с Киану единственные провели первые дни в кратких вылазках: пробовали плыть вдоль берега, но быстро уставали и возвращались, пробовали продраться через кусты и подняться на вершину отграничивавших бухту скал, но изодрали одежду и позавчера окончательно выдохлись. Однако нашли лазейку в зарослях и протиснулись к скальному выступу – этим оправдали своё упорство.

К Самоедову и Тёрнеру присоединился Альварес с членами экипажа. Вооружённые топором, ножом и камнями, они прорубили узенькую тропу, затем вычистили выступ от лишней растительности. К вечеру костровище из сгруженных вигвамом сухих веток и пальмовых листьев было готово, дежурство распределено, и Говард, довольный своим вмешательством, вернулся к Диане. Она порадовала мужа двумя пойманными и зажаренными на общем костре крабиками. Мелочь, конечно, мяса в них было на глоток, но сам вкус крабового мяса приободрил.

Получив в своё распоряжение огонь, Говард вспомнил про сигареты Самоедова и вновь явился к нему с деньгами. Выяснилось, что Михаил попробовал закурить и убедился, что после морской воды сигареты отвратительны. Расстроившись, бросил их в костёр.

Утром восьмого дня Самоедов предложил похоронить капитана Алистера. Михаила не меньше Говарда утомил страх филиппинцев перед телом капитана. Многих мучили кошмары, в которых тот, полуразложившийся, выбирался на берег преследовать выживших – утягивал их на морское дно в наказание за то, что они не нашли его раньше, в первый же день после катастрофы, когда капитан ещё дышал. Говард не возражал против похорон. Ему понравилось, что некоторые из филиппинцев, выслушав предложение Самоедова, первым делом посмотрели на него, на Говарда, проверяя, будет он возражать или нет.

– У нас тут есть врач или хотя бы медсестра? – громко спросил Тёрнер.

– Капитан мёртв, – испуганно ответили ему сразу три филиппинца.

– Господи, я не собираюсь его лечить.

Говард не переставал удивляться глупости людей.

– Зачем тогда врач? – серьёзно спросил Альварес.

– Затем, что он имел дело с трупами. Логично поручить похороны ему. Остальные и так напуганы сверх меры.

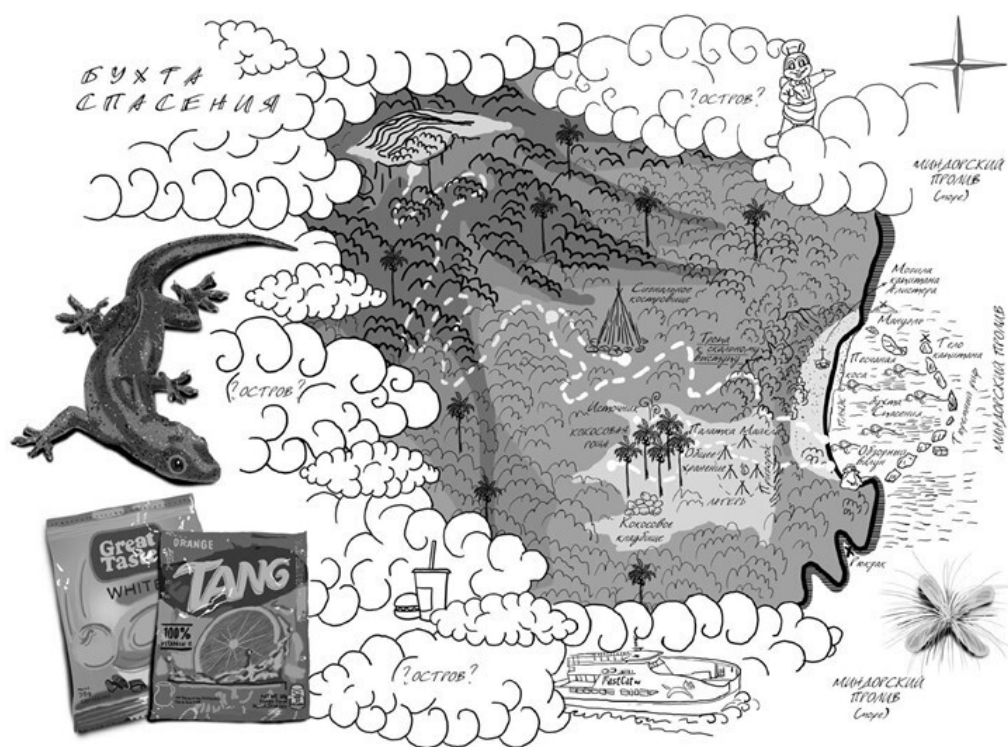
– Есть ветеринар, – вспомнила Диана и указала на Кларису – безумную женщину, в первые дни донимавшую всех просьбами позвонить её мужу.

– Хорошо, – кивнул Говард.

Общими уговорами доведённая до слёз, Клариса согласилась с отведённой ей ролью. Вместе с Мактанголом, Габриэлем и ещё двумя членами экипажа она вплавь отправилась к рифу. Там закутала капитана в три халата, перевязала халатными поясами и обрывками капронового шнура, затем столкнула мертвеца на расстеленный по воде баннер с библейской цитатой. На берегу, под кустами северной оконечности пляжа, капитана ждала глубокая яма. Помощник Альварес положил в могилу халат, две белоснежные футболки и связку трёх кокосов. Говард даже в мыслях отказался шутить по этому поводу. Пусть поступают как знают.

Закопать тело поглубже придумал Самоедов. Чтобы до него не добрались крабы или дикие животные. Говард в свою очередь догадался завалить могилу камнями. Чтобы филиппинцы не вздумали воображать, как покойник поднимается. Камней в итоге принесли столько, что собрался настоящий курган.

Говард Тёрнер не знал, долго ли протянут выжившие, смогут ли уберечь себя от истощения и безумия, однако чувствовал, что в людях теплится надежда, и её символом стало сигнальное костровище, готовое вспыхнуть и привлечь внимание любого проходящего поблизости судна. Их мир сузился до тесных и физически ощутимых границ между костровищем и могилой капитана Алистера.

Глава одиннадцатая

Таинственный незнакомец

Черета затонувших кораблей в деле Альтенберга прежде забавляла Диму. Разделив судьбу их экипажей, он поначалу растерялся, затем сумел отстраниться – повторял себе, что оказался сторонним наблюдателем, призванным собрать живой материал для будущей книги, и в конце концов поверил своим словам: начал изучать поведение людей, выпрашивать их мысли, а собственные мысли и тревоги до времени заглушил. Но даже на десятый день после катастрофы фантазия Димы рисовала неприятные сцены. Мама, прочитав сообщение о гибели пароме, падает без чувств. Папа, нахмурившись, корит сына за горе в семье Шмелёвых. Сестра плачет и умоляет Максима отправиться на поиски брата. Да, оборудование, подготовленное для поисков «Нуэва Эспаньи» и похороненных с ней церковных сокровищ, теперь пригодится для изучения останков «Амок Лайта».

Выброшенный в море, Дима не сразу вспомнил о трости – она, надо полагать, осталась на пароме, а вот рюкзак он держал крепко. Не выпускал его и спрятанную в нём жёлтую папку, пока не выбрался на песчаный берег. Втайне от других бережно сушил подшивки по делу Альтенберга. Глупо. Подшивки не накормят, не отправят сигнал спасателям, однако они были лучшим лекарством – ощутив близость отчаяния, Дима брался за покоробившиеся листы: читал и без того заученные строки и напоминал себе, что угодил в обычную рутину приключенческого сюжета.

Записи Шустова-младшего о запланированных погружениях возле банки Леонидос успокаивали больше всего. В них чувствовалась заразительная уверенность «охотника за сокровищами». Навигационные таблицы, лоции пролива, опреснитель воды на случай затяжных работ и ещё сто сорок три позиции – приобретены. Буксир с декомпрессионной камерой и подъёмной лебёдкой – арендован. Тестирование трёх эхолотов и сверка их результатов с маркированным лотом – запланировано. Гидрографическая съёмка с координатной привязкой и гидромагнитная разведка буксируемым магнитометром с датчиком Оверхаузера на самых многообещающих участках поискового треугольника – внесены в график. Закладка будущих раскопов и предварительная шурфовка дна в местах выявленных аномалий – расписана. Максим нашёл бы «Нуэва Эспанию», будь она двухметровой музейной моделькой, а уж махине винтового фрегата точно не спрятаться от лучей его эхолота.

Когда же Максим вычислит положение фрегата, отметит плавучими вехами остов судна, останется выпотрошить трюм, избавить его от драгоценной ноши. В случае, если не хватит подъёмной лебёдки буксира, Максим рассчитывал действовать по старинке: поднять тяжести с помощью малых погружаемых понтонов. Достаточно притопить несколько соединённых в единую платформу понтонов, нагрузить их обломками, затем сжатым воздухом продуть балластные цистерны – и платформа всплывёт на поверхность сама, останется лишь следить за плавностью её всплытия.

Дима до того увлекался чтением материалов, так живо видел этапы запланированных Максимом работ, что страх перед голодной смертью сменялся обидой. Шустов-младший найдёт утраченные больше века назад сокровища августинцев, а Димы не будет рядом, чтобы разделить его успех. Эта мысль терзала сильнее физических лишений. Она изводила до бессонницы, но при этом делала главное – не позволяла унывать.

Дима набил желудок кокосовой кашицей и кокосовой водой – сделай ещё глоток, и начнёшь, как Адриан, выплёвывать съеденное и выпитое обратно, – а голод не ослаб. Но Дима знал, что обречёт героев своей книги на подобные мучения, а значит, сейчас должен анализировать и запоминать собственные чувства.

За десять дней выжившие подъели все свободно лежавшие кокосы. Возле рощи собралось настоящее кладбище опустошённых кокосовых орехов. Запаса наверху, в кронах, хватило бы на пару недель, но первая же попытка Габриэля вскарабкаться по стволу показала, что филиппинец, в сущности, рискует жизнью. Утомлённый, Габриэль застрял на высоте четырёх метров – подняться дальше не хватало сил, а сползти обратно мешали острые края колец, опоясывавших пальму. В итоге Габриэль прыгнул, и чудо, что он ничего себе не сломал.

Филиппинцы долго упражнялись, прежде чем самый лёгкий и проворный из них – Багвис, смазчик с «Амок Лайта», – не подобрал наиболее удобный способ. Он обхватил ствол скрученной в жгут футболкой, натянул её руками, затем упёрся в ствол голыми стопами и так, согнувшись в спине, буквально побежал вверх, только успевая перекидывать футболку выше по пальме. Замешкавшись, он непременно свалился бы вниз и разбился. Обошлось без травм, и вскоре Багвис орудовал топориком в кроне, правда, поначалу никак не мог срубить гроздь или хотя бы отдельный кокос – не получалось удобно устроиться среди перистых листьев, да и гроздь держалась прочно. Прошло несколько минут, прежде чем вниз полетели первые орехи. Наблюдавшие за Багвисом люди заблаговременно отошли в сторону и слушали Тёрнера, вспоминавшего статью из «Гардиан», в которой якобы сообщалось, что перед приездом Обамы в мумбайском музее Ганди служба безопасности срезала кокосы – побоялась, что они упадут на голову американскому президенту.

– Ещё в «Гардиан» писали про городок в Папуа – Новой Гвинее, где почти три процента травм местные жители получают именно от свалившихся на них кокосов. Неудивительно! Это ж четырёхкилограммовое ядро, пущенное тебе в голову с высоты пятого этажа!

Тёрнер, довольный рассказанным, рассмеялся. Он, пожалуй, и дальше перечислял бы всё когда-либо прочитанное в «Гардиан» или любой другой газете, но слушателей больше заинтересовала добыча Багвиса – они поторопились её разделить, не дожидаясь, пока филиппинец спустится с пальмы.

Со вчерашнего дня удалось разнообразить кокосовую диету. Помог старик Баньяга, самый пожилой из выживших. Ему было за шестьдесят, и первую неделю он почти не поднимался на ноги. Непонятно, как он вообще уцелел после крушения парома. Баньяга был рыбаком и научил остальных выстрегивать простейшую острогу – бить рыбу, застрявшую на отмели в часы послеобеденного отлива. Утренний отлив, начинавшийся до восхода солнца, случался не таким сильным и для рыбалки не годился, к тому же в темноте всё равно разглядеть ничего не удавалось. Старик предупредил, что среди рифовых рыб много ядовитых. Улов новоявленные рыбаки сносили ему на проверку – разочарованно следили, как он порой отбрасывает наиболее мясистые тушки.

С подачи Баньяги выжившие начали собирать морских ежей и морской салат. Ежами пробаивались исключительно филиппинцы, остальные даже в голод не прельщались выскребенной из них комковатой жижицей, а морским салатом лакомились все без исключения. Достаточно было промыть пластинчатые водоросли, просушить их под солнцем, а затем подкоптить на огне, и они начинали приятно хрустеть на зубах.

– Думаешь, мы долго продержимся? – спросила Клэр.

Дима, вырванный из дрёмы, не сразу нашёлся с ответом. Филиппинское солнце, чистое, будто лишённое обычных фильтров, смягчавших его жар в городе, размаривало даже в тени. Клэр лежала на подстеленном халате, смело выставив себя солнцу и прикрыв лицо белой футболкой «Корон Резорт». Дима сидел рядом, под пологом высоких кустарников.

– Так что? – не снимая с лица футболку, вновь спросила Клэр. – Долго мы продержимся?

– Думаю, не меньше месяца. Потом начнётся истощение. И кокосы не помогут.

– Грустно.

– Знаешь, – оживился Дима, – когда тонет подводная лодка...

– Подводная лодка?

– Ну да. Есть два варианта. Она опустится на такую глубину, что её корпус не выдержит давления и лодку сплющит. Весь экипаж сразу погибнет.

– А второй вариант?

– Лодка застрянет на допустимой глубине. Экипаж затаится, ожидая спасения. Но их не всегда спасают. И есть вероятность, что они будут томиться в тесноте, пока не иссякнет кислород. Медленная смерть. А под конец, когда дышать совсем тяжело, люди сходят с ума. У них начинаются видения, они... Ну, теряют человеческий облик.

– И что?

– Ты бы какой вариант выбрала?

– Сразу расплющиться или мучительно ждать смерти?

Клэр приподнялась на локтях – футболка соскользнула ей на грудь – и посмотрела прямо на Диму. При свете солнца её глаза казались песочными.

– Я предпочту ждать. И надеяться. До последнего вдоха.

– Знал, что ты так ответишь.

– Да? – Клэр задорно улыбнулась.

– Боишься смерти? – спросил Дима.

– Нет. Просто хочу жить.

– Для кого-то тут нет особой разницы.

– У нас лучше, чем на подлодке. – Клэр легла спиной к солнцу.

– Да. Воздуха достаточно. Теперь и питьевая вода появилась.

На днях филиппинцы обнаружили, что возле южной оконечности пляжа, почти напротив кокосовой рощи, вода не такая солёная, как в остальной бухте. Наверное, каждый из выживших успел пригубить её, прежде чем признал верность сделанного открытия. Старик Баньяга предположил, что в этом месте в бухту выходит подземная река. Самоедов указал, что здесь же намечено заглубление пляжа, на север и юг расходившегося приметным подъёмом. Филиппинцы принялись раскапывать песок. Затем перешли к заградительной растительности, расчистили в ней проход и сделали пробные подкопы, однако ничего не нашли. Размыслив, сделали крюк через кокосовую рощу и вновь углубились в заросли напротив предполагаемого выхода подземной реки. Продирались через них, пока не отыскивали пересохшее каменистое русло. Возможно, старица наполнялась в сезон дождей. Дальше начинался скальный подъём, но помощник Альварес продолжил поиски и вскоре наткнулся на ручеёк, вытекавший из-под глыбы шербатого туфа.

– Пресная! – прокричал он.

Ликование Альвареса передалось остальным. Находка в самом деле важная. Несмотря на запас кокосовых орехов, напиться вдосталь никому не удавалось – кокосовая вода не могла полностью заменить простую пресную воду, и многих мучила затяжная жажда. Найденный источник вдохновил более внимательно обследовать заросли; в них, помимо главной тропы, выведшей к сигнальному костровищу, пролегло с десяток тупиковых стёжек. Тем не менее найти выход из бухты к основной части острова исследователям по-прежнему не удавалось. Малые экспедиции неизменно упирались в гущу непроходимого кустарника или скальные уступы, карабкаться на которые не решалась даже Рита.

К удивлению Димы, дочь Самоедова стала едва ли не главным исследователем, каждый день норовила то устроить заплыв вдоль каменистых утёсов, то проскользнуть за выступ с сигнальным костровищем. Именно Рита позавчера привела на берег пса – палевого аскала, которого Дима впервые заметил дремавшим в трюме «Амок Лайта». Пёс уцелел после крушения, выбрался на остров и умудрился отыскать выживших. Его близость одновременно подняла настроение людям и огорчила их. С одной стороны, сама живость пса была в радость любому, кто успевал его погладить или угостить рыбьими объедками. С другой стороны, появление аскала в одиночестве настораживало. Если бы рядом нашлись другие люди или поселение, пёс

наверняка привёл бы подмогу или вовсе не пришёл бы в бухту – зачем? Разве что проведать могилу хозяина, капитана Алистера.

Пёс исчезал по своему усмотрению, словно вынужденный отвлекаться на более насущные дела, чем праздное общение с людьми, однако неизменно появлялся вновь. И многие в надежде выбраться из бухты тщились проследить его путь. Помощник Альварес в конце концов признал появление пса хорошим знаком, ведь в тот же день очнулся Майкл. С недавних пор перенесённый в единственную палатку, он выглядел отощавшим и бледным, если не считать загрубевших солнечных ожогов. Майкл сжимал бейсболку, ничего толком не говорил, а в его рассеянном взгляде читалось пугающее безумие.

Следующей новостью стала очередная находка Риты. Дочь Самоедова присвоила маску с трубкой из выловленного рюкзака и плавала за пределы рифа. Именно там она разглядела прибитый течением деревянный ящик. К сожалению, он лежал слишком глубоко – обсыпанный коралловыми обломками, намертво застрял в десятке метров под поверхностью воды. Если кто-то и мог донырнуть до ящика, то поднять его не было никакой надежды. Арендованного Максимом буксира с кабестаном поблизости не оказалось. Никто не сомневался, что ящик выпал с парома, однако даже члены экипажа, среди них – единственный выживший трюмный матрос, Макисиг, не знали, что скрыто под крышкой. Ни надписей, ни этикеток. Только опознавательный номер, ничего не говоривший без соответствующей накладной. Содержимое ящика превратилось в идеального барашка Экзюпери, и каждый воображал то, о чём больше всего тосковал последнюю неделю. Воображение ограничивалось лишь размерами ящика. Ночью Клэр, Лоран и Дима делились предположениями, и Лоран неизменно веселил остальных нелепостью выбора. Его наиболее адекватным барашком, пожалуй, стал бритвенный станок.

Лорана сейчас поблизости не было, и Дима наслаждался уединением с Клэр. Француз, как он сам выразился, «гулял с женщинами», то есть пытался приударить за избранными счастливицами. Позавчера Роуз обругала Лорана до того громко и напористо, что её из списка счастливиц пришлось вычеркнуть. Обхаживать Клэр Лоран отчаялся ещё в детском саду их родного города, с тех пор обходился дружескими признаниями в любви и ежегодными обещаниями жениться на ней в старости.

– Ты как писатель должен знать, чем заканчиваются подобные истории, – промолвила Клэр, вновь повернувшись к солнцу лицом.

– Истории с кораблекрушениями?

– Ну да.

– Как правило, они заканчиваются прибытием спасательного корабля. Герои, примирившись с участью изгнанников, спустя двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней видят, как к их острову приближается английский баркас с треугольным парусом.

– *Двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней...* – задумчиво повторила Клэр. – Долгий срок.

– Это в лучшем случае.

– А в худшем?

– В худшем герои осознают, что давно погибли. Утонули. Даже не успели сбросить тяжёлые сапоги. И висят себе на спасательном поясе в конце галечной косы, возле разбитых ящиков из-под апельсинов и жестянок, а северо-западный ветер прибывает к ним водоросли.

– Опять спросишь, какой я выберу вариант?

– Нет, – Дима мягко усмехнулся. – Тут ответ очевиден.

– Ну да. Очевиден.

Клэр встала, чтобы искупаться и смыть маслянистость долгого загара. Белый песок, успевший обсыпать её кожу, заструился вниз, а в сторону бросилась дюжина крохотных, почти прозрачных крабиков. Они до того стремительно улепётывали от неожиданно восставшего человека, что казались песочными водомерками.

– Пойдёшь? – позвала Клэр.

– Нет. Я ещё посижу.

Диме нравилось, что Клэр любой отказ слышит с первого раза, не пытаясь вникнуть, отказали ей искренне или под влиянием неуместной стеснительности. Нет так нет. Каждый волен жить как ему удобно. Когда их спасут, Клэр, наверное, за пару дней, если не быстрее, забудет Диму. И не потому, что Дима ей не нравился. Она забудет любого, кто уйдёт в прошлое. Зачем оглядываться, когда впереди столько интересного?

Дима прикинул, как бы Макс отнёсся к француженке. Решил, что Шустову-младшему Клэр была бы не по зубам. Они слишком разные. К тому же у него есть Аня. Дима рассмеялся ревливости собственных мыслей, не зная в точности, кого и к кому тут ревновать. Подумал, что «не по зубам» – выражение из лексикона Лорана, хотя и не был уверен, что во французском языке есть подобная идиома.

Дима, прищурившись от разоблачённого в небе солнца, следил за купавшейся у прибоя Клэр, затем взялся камнем прочерчивать на своей новенькой трости зарубки прожитых после кораблекрушения одиннадцати дней. Сломал две неудачно выбранные палки, а вчера Рита принесла ему эту – крепкую и прямую. Должна прослужить дольше.

– Одна зарубка на каждый день. Седьмая, воскресная, подлиннее. – прошептал Дима. Вздохнул, прежде чем с грустью добавить: – «Зарубки, обозначающие первое число каждого месяца, я делал ещё длиннее. Таким образом я вёл мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы».

– *Месяцы и годы*, – эхом пронеслось в шелесте накатившего ветра.

Со стороны кокосовой рощи донеслись голоса. Говорили на английском, однако на расстоянии неразборчиво. Голоса не стихали, и Дима подал знак Клэр. Вместе они отправились посмотреть, что там случилось. Оказалось, что Самоедов в привычном сопровождении жены, проныры Багвиса и Адриана, которого Лоран прозвал блевуном, взялись обойти выживших и собрать у них вещи, выловленные из бухты. Михаил Аркадьевич заручился поддержкой Альвареса и заявлял каждому, что вещи с парома принадлежат судовладельцам «Амок Лайта» или тем, кто оплатил их перевозку, а сейчас ответственным за сохранность груза считался старший из уцелевших членов экипажа, то есть помощник капитана по хозяйственной части Рамон Карлос Печа Альварес. Официальность заявления принуждала многих безропотно расстаться с уловом, но находились и те, кто поначалу сопротивлялся. Михаил Аркадьевич терпеливо объяснял, что Альварес поступает так для общего блага, а вещи будут использованы для «наилучшей выгоды всей группы выживших». Альварес многозначительно кивал и ухмылялся казённой улыбкой, наслаждаясь силой собственного авторитета. Самоедов подчёркнуто играл роль глашатая. За ним со стороны наблюдал Тёрнер.

– Халаты тоже возвращать? – спросила Клэр.

– Нет, если он у вас один, – приветливо ответил Самоедов. – Одна футболка, одно полотенце, один халат. Остальное – в общее хранение.

Местом под общее хранение была выбрана травянистая проплешина за пригорком – там, где стояла палатка Майкла и где Михаил Аркадьевич изначально планировал разместить пальмовые шалаши. Как бы ни сопротивлялся Тёрнер, Самоедов в итоге поставил укрытие, хоть и предназначалось оно для мешков с пакетиками кофе «Грейт тейст» и с пакетиками растворимого напитка «Танг», катушки капроновой верёвки, ПВХ-баннера, запаса футболок и прочего барахла.

Покончив со сбором найденных вещей и назвав травянистую проплешину лагерем, Самоедов выступил с речью. Попросил и впредь приносить ему всё, что удастся выловить в море, не ругаться по пустякам и помогать тем, кто нуждался в помощи. Михаил Аркадьевич наговорил кучу банальностей, но Дима почувствовал, что ему стало спокойнее. Далее последовал утомительный пересчёт пакетиков с кофе и растворимым напитком, после чего Самоедов, для види-

мости согласовав решение с Альваресом, объявил, что выжившие будут получать по одному пакетика каждые три дня. Кружка была одна на весь лагерь, и людям предстояло разбиться на две группы по десять человек и одну группу в одиннадцать человек.

– Кружка останется в вашем распоряжении примерно час. Разведите напиток, насладитесь его вкусом и передайте кружку следующему в очереди.

Дима, Клэр и Лоран попали в первую группу. Получив зелёные пакетики «Танг», они вернулись к северной оконечности пляжа, где жили в последние дни. Филиппинцы боялись приближаться к могиле капитана Альвареса и наведывались туда редко. Диме и французам нравилось уединение, близость к кургану их не смущала.

– «Для поддержания водного баланса наших тел нужно выпивать не меньше восьми стаканов воды каждый день. – Лоран зачитал рекламный текст с пакетика, и его слова в островной глуши звучали музыкой. – „Танг“ вам поможет. С „Тангом“ вода становится вкусной. Каждый стакан позволит вашему ребёнку получить сто процентов суточной нормы витамина С».

– Прекрасно, – кивнула Клэр.

Лоран уговорил Диму и Клэр отложить тангопитие до темноты, обещал к тому времени раздобыть рыбную закуску. До вечера они провалялись в беспокойной дреме. Сонливость с каждым днём усиливалась. Пройдёт ещё неделя или дней десять, прежде чем выжившие совсем ослабнут. Непонятно, кто тогда займётся сбором кокосов и обследованием бухты. В туманных сновидениях Дима попеременно видел университет, спальню родителей и жёлтую комнату «Изиды». Проснувшись незадолго до заката, обнаружил, что Лоран ушёл. Будить Клэр Дима не стал. В отрешении следил, как берег погружается в краткие тропические сумерки.

Небо долго оставалось пастельно-голубым и умиротворяюще просторным, по нему неспешно скользили полнотелые облака, а вот гористый подъём резко потемнел, слился в монолитную тёмнозелёную волну, гигантским гребнем вздыбившуюся над бухтой. В ней не удавалось разобрать ни силуэта кустов, ни абриса каменистых выступов – глухая бугристая завеса. Только на вершине прорисовывались очертания одиноких деревьев. Прошло с полчаса, и небо потускнело, утратило сумеречное очарование. Облака стали плоскими и серыми, скалы над бухтой почернели. Когда же прозрели звёзды и опрокинутый серп старой луны, небо окончательно выровнялось, а гористые накаты прояснились. Серебристый свет ночи выхватил отдельные верхушки и стрелки длинных ветвей – в их причудливом переплетении скалы предстали исполином, вроде сказочной лисы с мягкой шерстью и заострёнными ушами. Бухта почилла под её нерушимой защитой.

Дима успел вновь задремать. Его разбудил Лоран. Раздобыть рыбу француз не сумел, но вернулся с кружкой, и переносить ночное тангопитие никто не захотел. Втроём с Клэр они отправились вниз по пляжу. Перешёптываясь, смотрели на лунные блики в тихой воде и огибали белые куколки закутавшихся в халаты людей. Костёр в лагере давно потух. Тревожить Самоедова, Альвареса или Тёрнера с просьбой вручить им зажигалку Лоран не решился, поэтому предложил отправиться к сигнальному костровищу – там в обложенной камнями ямке всегда поддерживались угли, чтобы вахтенный при необходимости подпалил сухие пальмовые листья.

Долго провозились возле гермомешка с водой. Наполненный до отказа, он был слишком тяжёлым, чтобы тащить его на скальный выступ. В итоге наполнили кружку и несколько валявшихся неподалёку скорлупок. Подумав, захватили и парочку непчатых кокосов. Предвкушая ночное пиршество, заторопились к тропе.

Углубившись в чашу, Лоран принялся нараспев повторять:

– «Танг» вам поможет!

Клэр, смеясь, подпевала. Пляж остался позади, и можно было не опасаться, что их голоса кого-то разбудят, но Лоран вскоре смолк. Из темноты зарослей им навстречу вышел Самоедов.

Появления Михаила Аркадьевича никто не ожидал. В неловкой тишине Лоран поздоровался и обернулся к Диме, ожидая, что он заговорит с соотечественником.

– Не спится? – спросил Самоедов.

В его голосе прозвучала тревожность, да и в целом Михаил Аркадьевич выглядел озабоченно.

– Что-нибудь случилось? – по-русски спросил Дима.

– Случилось? Нет... Вроде бы нет.

Дима не потребовал объяснений. Мало ли чем тут занимался отец Риты. Он мог просто отходить в кусты, хотя место выбрал странное. Казалось, ещё мгновение, и путники разойдутся, но Самоедов, словно извиняясь, сказал:

– Решил проверить, как там Адриан. Сейчас его вахта.

– И как? – неуверенно спросил Дима и вышел из-за спин Клэр и Лорана, постарался в лунном свете лучше разглядеть лицо Михаила Аркадьевича.

– Уснул, паршивец. А нам... Сам понимаешь, нельзя упустить корабль. И вот что... Вы осторожнее. Здесь по ночам кто-то ходит. И мне это не нравится.

– Ну, мы тоже ходим и...

– Вы не таитесь. Вас, наверное, на весь пляж слышно. А тот, про кого я говорю, таится. Я пробовал за ним проследить. Он каждый раз растворяется.

– Надо на пляже посмотреть, кого не хватает.

– Да. Идея хорошая, – оживился Самоедов. – Наверное, я так и поступлю. Но не сейчас. Понимаешь, не хочется пугать людей. Мало ли что мне привиделось.

Дима обещал Михаилу Аркадьевичу поглядывать по сторонам. Пожелав друг другу спокойной ночи, они распрощались.

Рассказ о таинственном незнакомце Лорана не испугал. Француз больше не пел, но теперь изредка принимался завывать страшными голосами и хватать исподтишка Клэр. В ответ ему неизменно раздавался смех. Диму разговор с Самоедовым насторожил, однако портить тангопитие он не стал. Да и Михаил Аркадьевич прав: мало ли что ему привиделось.

Друзья обнаружили, что Адриан, минутами ранее разбуженный Самоедовым, умудрился опять заснуть. Клэр отговорила Лорана разыгрывать филиппинца и потрясла бедолагу за плечо. Раздув угли в малом костре, друзья уселись кипятить первую порцию воды. Костёр был устроен так, чтобы не ослеплять дозорного, не мешать ему всматриваться в море, и Лоран подбросил дров.

«Танг» оказался дешёвым химическим напитком, но здесь он втекал в горло мягчайшим нектаром. Одного пакетика хватало на две кружки, и тангопитие затянулось на несколько часов. Друзья угостили растревоженного собственной безответственностью Адриана – отходить от обзорной кромки он отказался, но кружку принял с благодарностью. До поздней ночи Клэр с Лораном наперебой шутили о шастающем по бухте призраке капитана Алистера, обменивались очередными догадками о содержимом деревянного ящика. Затихали, вспомнив кого-то из пропавших друзей – на пароме они плыли группой из пяти человек, – но затем неизменно отмахивались от грустных мыслей и вновь принимались веселиться.

Дима в разговоре участия почти не принимал. Клэр с Лораном, забывая о нём, часто переходили на французский. Дима не возражал. Ему было достаточно слышать их жизнерадостные голоса. Ночь прошла в удовольствие. Спать легли тут же, возле сигнального костровища, а наутро, спустившись в лагерь, Дима узнал, что тревожность Самоедова была небезосновательной. Пропал Мануэль – филиппинец, которого спасла Рита. Последний из тридцати одного выжившего. Он и раньше держался особняком, ни с кем не общался, а тут сбежал, прихватив катушку капроновой верёвки.

Побег Мануэля многих озадачил. Немало вопросов вызвало и то, как ему вообще удалось покинуть пределы бухты, если только он не решился на дальний заплыв и не утонул где-

нибудь поблизости, расшибленный прибойной волной. Возможная гибель Мануэля расстроила выживших меньше, чем пропажа капроновой верёвки. Самоедов, посоветовавшись с Альваресом, объявил, что в лагере теперь будут дежурить дозорные, а лагерный костёр станут поддерживать, как и малый костёр на скальном выступе.

– Если Мануэль вернётся, – добавил Михаил Аркадьевич, – сообщите Альваресу или мне. Никто не знает, чего ждать от такого человека.

Глава двенадцатая

Вторая экспедиция

Дима долго сидел возле могилы, смотрел на придавившие капитана Алистера камни. Представлял, как под ними, в глубине песка, разлагается изувеченное тело. Могила ясно указывала на участь тех, кто пятнадцать дней назад пропал в море. Из ста сорока двух пассажиров и двадцати девяти членов экипажа в бухту Спасения живыми выбросило лишь тридцать одного человека. Маюми сопровождала в Корон пятерых туристов – их поглотили клубы чёрного дыма. Мактангол плыл с женой и двумя детьми – они пропали в море. Музыканты Киану и Мигель лишились четырёх участников группы. Девочка Малайя осталась без родителей и тётки; теперь о ней заботился старик Баньяга, тётя Малайи была его давней знакомой. Тала Биналай потеряла трёхлетнюю дочку, а Маурисио и Кэй Биналай, соответственно, – племянницу. Клэр и Лоран в огне оставили троих друзей, приехавших с ними из Франции. Скорбный перечень утрат. Никто не чувствовал себя особенным в своей боли, здесь каждый был равен другому – мог оплакать если не погибших на пароме близких, то тех, кто остался в другом, обычном мире: готовил завтрак на электрической плите, принимал душ перед рабочим днём.

– Думаешь, есть причина? – спросила сидевшая рядом Клэр.

– Причина?

– Почему мы здесь, на острове.

– Крушение парома, – невесело отозвался загорававший на песке Лоран.

– Я о другом. О более глубокой, об истинной причине.

Риторический вопрос. Клэр удивилась бы, узнав, что Дима чуть ли не единственный из выживших способен на него ответить, только делать этого не собирается. По меньшей мере, не сейчас.

Сухой сезон окреп, принесся в бухту Спасения летний филиппинский жар. Северо-западные ветры сменились порывами юго-западных муссонов – слишком слабыми, чтобы по-настоящему тревожить море, и оно стыло рябым простором. На песчаных отмелях подрагивали шафрановые переплетения солнечных сетей. Воздух напитывался утомительным маревом: по вечерам отчасти свежел, давая людям передышку, а с рассветом неизменно окунал всех в пряное дыхание зноя.

Дима откинулся на спину. Лежал на утреннем солнцепёке и чувствовал, как, пульсируя и покалывая, затекает неудобно подложенная под голову рука. Закрыв глаза, и перед ним единым потоком закружились мириады песчинок, сливавшихся в колыхание мягкого упругого полотна. Диму затягивали зыбучие пески дрёмы. С каждым днём вялость одолевала всё больше. Из-за неё Дима не присоединился к первой экспедиции.

Дочь Самоедова отыскиала путь, по которому ранее сбежал Мануэль. Пробившись через кусты выше сигнального костровища, она петляла по уступам, пока не упёрлась в отвесную скалу. Скала вздымалась неодолимой стеной, однако её вершину венчали несколько косматых деревьев, пустивших вниз длинные плети корней. Рита вскарабкалась по ним и обнаружила наверху просторный карниз. От карниза открылся прямой путь к последней преграде – эоловому останцу. Словно наспех слепленный из цементных пластин, он напоминал луковицу с тонкими слоями. Один слой, обвалившись, обнажал другой, из-под него выглядывал третий. Местами останец просматривался вглубь на десяток подобных слоёв – его поверхность была изрезана множеством складок, в которых гнездились кусты и низкорослые деревца. В итоге образовалась естественная каменная лестница, то пологая, то отвесная, а то и нависавшая над лежавшим внизу карнизом.

Поднявшись по «лестнице», Рита убедилась, что дальше видимых преград нет, и потопилась вернуться в лагерь, сообщила остальным о сделанном открытии. К утру следующего

дня Самоедов и Альварес организовали первую разведывательную экспедицию, правда, сами к ней не присоединились: отобрали добровольцев и наказали им искать любые признаки цивилизации. Исследователей провожали до смешного торжественно. Лоран попросил Клэр купить пачку чипсов, если ей встретится магазин. Смеялся над глупостью своей просьбы, однако напоследок добавил, что с радостью примет снэк-бокс из «Макдоналдса», даже если картошка фри и стрипсы на обратном пути остынут. Филиппинцы выискивали обрывки листов и наспех корябали номера телефонов, по которым следовало позвонить. Слезно молили разузнать об участии других пассажиров парома. Проводы затягивались, и Альваресу пришлось подгонять исследователей.

Когда они ушли, оживление в бухте не прекратилось. Все прощались с временным пристанищем. Многие с показным небрежением сбрасывали в общую кучу халаты и футболки, отказывались, как бы их ни уговаривал старик Баньяга, заниматься рыбалкой и в нетерпении расхаживали по пляжу, будто из-за ближайшего мыса в любой момент мог выглянуть борт посланного им на выручку катера. О благоустройстве лагеря никто не хотел и слушать – Самоедов и Альварес утратили власть над людьми. Михаил Аркадьевич с женой в итоге отправились к сигнальному костровищу нести оставленную другими вахту.

К обеду оживление стихло. Выжившие рассредоточились по пляжу и упрямо смотрели в море, но больше не обменивались поздравлениями. К вечеру, вымотанные слишком уж яркой вспышкой надежды, начали украдкой собирать поспешно выброшенные халаты. На море они поглядывали без прежнего воодушевления, а к закату собрались у сигнального костровища.

Первая экспедиция возвратилась к обеду следующего дня. Выйдя к костровищу, они уселись напротив группы встречавших и долго не решались заговорить. Возможно, предпочли бы для начала отдохнуть, однако Михаил Аркадьевич заставил их рассказать об увиденном.

Выяснилось, что первая экспедиция без труда прошла по тропинке, намеченной дочерью Самоедова, и выбралась на пограничную грядку, отрезавшую бухту Спасения от прочего острова. Гряда, в сущности, была оконечностью юго-восточного отрога, приставленного к единому островному хребту. Одна из столовых вершин хребта вздымалась километрах в восьми на северо-западе. Впереди лежал гористый склон, поросший тёмно-зелёной растительностью, до того густой, что в её переплетении не удавалось рассмотреть ни прогалин, ни речного русла. Габриэль подметил, что низкие облака на северо-востоке подсвечены зеленоватыми бликами – отражённым от мелководья солнечным светом. Идти туда не было смысла, путники вновь уткнулись бы в морской берег, и они пошли на юго-запад, обходя заросшие лощины и предпочитая двигаться по низинным выступам мелких отрогов.

За экспедицией увязался пёс Стинки. Кличку ему дал Тёрнер. Мактангол понадеялся, что пёс выведет всех к какому-нибудь поселению, однако вскоре Стинки исчез, и проследить за ним никто не успел.

Шли тихо, без лишних разговоров. Опасались встретить беглеца Мануэля. Всем запомнились слова Самоедова: *никто не знает, чего ждать от такого человека*. Искали подходы к основному отрогу, но неизменно упирались в скальную стену или затянутый подлеском вулканический курумник – нагромождение базальтовых валунов. Пройдя несколько километров вдоль южного берега и не обнаружив следов цивилизации, повернули на север – там накаты главного отрога измельчали и одолеть их было значительно проще.

Перевалив холм, экспедиция добралась до зловонной долины, которую дочь Самоедова назвала Гиблой. Долина началась разливом выходившей из неё реки и была отдана мангровому лесу.

Путники, едва ступив на его порог, увязли в топком иле, но настойчиво шли вперёд, надеялись продвинуться вдоль русла к столовой вершине. Под ногами булькала красноватая жижа. Потревоженная, она испускала гнилостное зловоние. Стоячие озёрца кишели моски-

тами, они беззвучным облаком опускались на людей и заставляли их истово хлестать себя стеблями сорванной травы.

Чем выше поднимались путники, тем сложнее давался каждый новый шаг. Они перепачкались и выдохлись, вынужденные перебираться через туго сплетённую сеть мангровых корней. От влажного воздуха и общей затхлости кружилась голова. Кожистые, покрытые соляным налётом листья мангров липли к телу, с ветвей падали чёрные пиявки. Птицы брезговали пологом Гиблой долины, их не прельщало даже обилие крупных насекомых. Единственными звуками, наполнявшими округу, стали чавканье ила и шлепки по искусанной москитами коже.

Первой, доведённая до слёз, не выдержала Клэр. Нашупав за ухом очередной бугорок присосавшейся пиявки, она заявила, что возвращается к берегу. Следом сдались Габриэль и Маурисио. Наконец Мактангол признал, что подняться по болотистой реке к столовой вершине невозможно. Проще уж напрямую карабкаться по скалам южного отрога. Мактангол стоял на месте, всматривался в завесу узловатых корней – они свешивались из не успевших опасть плодов и деревянистыми щупальцами утыкались глубоко в ил, – затем побрёл обратно.

Вернувшись к устью реки, экспедиция попыталась пройти вдоль берега на север, но там уткнулась в простиравшийся на добрые три-четыре километра гребенчатый откос, целиком заваленный базальтовыми глыбами. Маурисио заявил Мактанголу, что лучше повеситься на ближайшем суку, чем продолжать путь по скользким камням. Участники экспедиции его поддерживали, и только Рита задорно перебиралась с одной глыбы на другую – выискивала проходы между зубцами гигантской гребёнки. Её живость никого не впечатлила, ведь дочь Самоедова единственная отказалась продираться по руслу Гиблой реки, будто наперёд знала ошибочность выбранного направления.

Путники повернули назад. Перебрались через южные накаты главного отрога и задержались на ночёвку. Пополнили запасы пресной воды – набрали её в захваченный из лагеря гермомешок, однако к ужину раздобыть ничего не сумели. Наутро они едва плелись, выискивая проторённую тропку от бухты Спасения и с трудом находя собственные следы. К сигнальному костровищу спустились грязные, со слипшимися от ила волосами. Ответив на докучные вопросы Самоедова и Тёрнера, ломанулись к пляжу – отмокать в морской воде и пить подготовленные для них кокосы.

Выжившие хотели в бытовой суете отвлечься от несчастий. Самоедов и Альварес только успевали распределять задания. Им удалось нарастить пальмовый навес над общим хранением в лагере, расширить тропу к скальному выступу, расчистить сам выступ от нависавших над ним кустов и, чему особенно радовался Михаил Аркадьевич, вдвое увеличить сигнальное костровище – когда оно полыхнёт, огонь взвоётся метров на шесть.

Желающих участвовать во второй экспедиции оказалось мало. В её успех никто не верил, а вновь блуждать по мангровому лесу не согласился бы даже исполнительный Габриэль. В итоге Самоедов отрядил в путь Багвиса и Маурисио, а Тёрнер – преданного ему Мактангола и свою филиппинскую жену Диану. Участие Риты не обсуждалось, все понимали, что ни мать, ни отец не удержат её в бухте Спасения. Состав экспедиции ограничился бы пятью участниками, но к ней присоединился Лоран. Француза соблазнила возможность сопровождать Диану – вдали от американца и в тягостной обстановке, где филиппинке «потребуется его мужская поддержка». К Лорану присоединилась Клэр, а вслед за ней на разведку вызвался идти и Дима.

К организации второй экспедиции Самоедов подошёл более основательно. Вчера весь улов скормил её будущим участникам. Старик Баньяга заготовил им впрок дюжину вяленых рыбёшек. Филиппинцы намесили кашу из кокосовой мякоти и внутренностей морских ежей – залили её во фляги из кокосовых скорлупок. Кроме того, второй экспедиции Михаил Аркадьевич выдал две дюжины пакетиков кофе «Грейт тейст» и доверил им единственную кружку. Путники рассчитывали отправиться сегодня утром, однако на рассвете выяснилось, что Адриан забыл с вечера наполнить гермомешок пресной водой. Выход отложили почти на

час, и Дима с французами уединились у могилы капитана Алистера. Там и задремали, пока их не разбудил Самоедов.

– Любопытно, – глядя на курган, промолвил Михаил Аркадьевич. – Можно сказать, нам повезло.

– О чём вы?

– Мы наблюдаем за тем, как тысячи лет назад в дикости зародилось земледелие.

– Не понимаю.

– Могила. Помнишь, в неё положили кокос? Древние поступали так же. Старались задобить мертвеца, давали ему в путь драгоценные плоды.

Дима с Михаилом Аркадьевичем говорили по-русски, и Клэр, сидевшая рядом, выглядела озадаченной.

– И они прорастали, – продолжал Самоедов. – Появление плодовых деревьев на могиле древний человек объяснял могуществом загробного мира, а потом сообразил, что дело в удобренной и вспаханной земле.

– Удобренной мертвецами?

– В том числе. А главное, за могилами следили. Очищали их от сорняков, отпугивали от них диких зверей. Идеальные садовые условия. Постепенно человек догадался вспахивать землю и ухаживать за ней без всяких погребений, хотя долгие века продолжал окроплять её кровью – в память о силе загробного мира.

– Получается, невежество и суеверия иногда помогают, – заключил Дима.

– Получается, что так...

Самоедов задумался. Прошло несколько минут, прежде чем он улыбнулся собственным мыслям и вспомнил о Диме.

– Вам пора. Экспедиция начинается. А этот... Лоран точно пойдёт?

– Да.

– Хорошо. Знаешь, афиняне содержали в городе парочку-другую распутных людей. Закрывали глаза на их распутство и даже потакали ему. Считали, что это удобно. Как думаешь, почему?

– Чтобы... грех распутников оттенял их благочестие? – удивлённый вопросом, выдал Дима.

– Не совсем. Когда приходили засуха, или эпидемия, или какоенибудь ещё бедствие, под рукой всегда находился тот, кого можно без сожалений принести в жертву богам. Распутники буквально становились козлами отпущения.

Дима, не сдержавшись, хохотнул, до того неуместно прозвучали слова Михаила Аркадьевича. Едва экспедиция покинула лагерь, он пересказал французам слова Самоедова, и они привели Клэр в восторг.

– Волшебное! – смеялась француженка. – Малыш Лоран превратился в развратного козла. Ну хоть уберёжет нас от чумы.

Лоран на слова Самоедова внимания не обратил, только спросил: «Значит, на могиле капитана прорастёт кокосовая пальма?» – чем вызвал новый приступ смеха у друзей.

Провожать вторую экспедицию никто не вышел.

Низкорослые узловатые деревья крепко сидели на скальном карнизе, и взобраться по их корням не составило труда. Так же легко Дима преодолел ступени останца. Изначально готовился помогать Клэр, но пока сам напрашивался на её помощь – француженка придерживала трость, когда Диме требовалось освободить руки.

Надеясь отыскать подъём на столовую вершину, исследователи на этот раз отправились напрямик на север. В сущности, они шли параллельно Гиблой долине, расстилавшейся по другую сторону отрога. От него к восточному берегу отходило несколько радиальных гребней, и за кратким спуском неизменно следовал утомительный подъём, однако, памятуя ужасы ман-

грового леса, никто не жаловался. Рита убегала от экспедиции, появлялась вновь то сзади, то сбоку, а то и вовсе поджидала путников на каменистой прогалине впереди. С такой же независимостью передвигался пёс Стинки; он настиг вторую экспедицию в конце первого часа и теперь её сопровождал.

Мактангол топором помечал тропу – каждые двадцать-тридцать шагов делал зарубки, поочерёдно выбирая дерево то слева, то справа. Ещё недавно обычный администратор круглосуточного 7-Eleven, он уподобился первопроходцам времён конкисты, даром что был филиппинцем, точнее индиос. Так местные испанцы нарекли аборигенов, а уж филиппинцами называли исключительно самих себя. Аборигены в свою очередь предпочитали называться каюмангами, то есть «коричневыми». Дима рассказал об этом Клэр и добавил, что испанцам на Филиппинах в колониальные времена было запрещено заниматься физическим трудом.

– Почему? – удивилась Клэр.

– Чтобы не подрывать престиж Испании. В худшем случае они устраивались сборщиками налогов. Что угодно, главное, не перетруждаться.

– Хорошо, что среди нас нет испанцев, – усмехнулась Клэр.

Одолев очередной гребень, исследователи вышли к травянистому изволоку. Их встретила довольная Рита. Она держала на вытянутой ладони мшистый камень, словно подзывала остальных оценить его красоту.

– Невероятно... – подойдя, выдохнули Багвис и Маурисио.

В руках у Риты лежал не камень, а спелый плод манго. Окраина изволока заросла невысокими красноватыми деревцами. В их перистых кронах на длинных, до полуметра, шнурках свисали крупные плоды. Манговая роща оказалась препятствием страшнее любых завалов. Путники застряли в ней часа на два. Мазались липким соком, смеялись, перекидывались косточками. Вели себя как дети, дорвавшиеся до родительского тайника с конфетами. Обьевши, падали на землю отдохнуть и напоминали остальным об участии Адриана, однако вскоре, восстановив дыхание, хватались за очередной плод. Даже Стинки, ко всеобщему смеху, не отказался от манго и с жадностью слизывал его мякоть с рук Дианы.

Лоран распушил хвост и выплясывал перед молодой филиппинкой. Ухаживал за ней, поднося наиболее зрелые плоды, рассказывал о своей вилле в Кост Шод, откуда открывался прекрасный вид на родной для Лорана и Клэр городок Ла-Сен-сюр-Мер. Говорил, что из гостевой комнаты видны острова Два Брата и суetyающиеся там поутру рыбацкие лодки. Едва ли Диану впечатляли его слова, но Лоран не унимался и только успевал отмахиваться от Клэр, напоминая другу, что вилла не его, а родителей и вообще-то арендованная, а в гостевой комнате у них пахнет канализацией.

Пиршество сменилось сном, которому не противились ни хмурый Мактангол, ни подвижная Рита. После сна Клэр прогулялась по роще и обнаружила, что деревья растут подозрительно ровными рядами. Подозвав Диму, указала ему на это.

– Думаешь, их тут посадили? – с сомнением спросил он.

– И где хозяин? Где плетень? Почему никто не стреляет в нас солью?

– Ну, роща может быть старой. Хозяин уехал или помер. Глядишь, ещё чуть-чуть, и мы найдём старые поля риса, овса и ржи. А там найдутся и одичавшие свиньи с курицами. Вот тогда заживём по-настоящему.

– Я бы предпочла заряд соли, – с погрузневшей улыбкой вздохнула Клэр.

– И злого старика-садовода?

– О да! Я готова сделать ему массаж пяток.

– Что?

– Да. Целый час массировать его старые растрескавшиеся пятки. И ногти ему подпилить. И повыщипывать волосы из ушей.

– Меня сейчас вырвет.

– Что угодно! Только бы добраться до интернета и написать родным.

Из манговой рощи путники выходили в приподнятом настроении, однако напоследок заметили, что два дальних дерева обобраны. На земле под ними валялись обветренные косточки.

– Мануэль, – догадался Дима.

– Как думаешь, почему он сбежал? – на ходу спросила Клэр.

– Чтобы не слушать, как ты рассказываешь про пятки стариков.

– Нет, я серьёзно.

– Крыша потекла, – предположил Дима. – Как у Майкла.

Вторая экспедиция приблизилась к изножью столовой вершины, и выяснилось, что перед ней лежит вершина пониже – сейчас к ней открылся прямой путь по скальной гряде, и Мактангол повёл всех напрямик на запад. Ничто здесь не напоминало об ужасах Гиблой долины: ни москитов, ни пиявок, ни лопающихся болотных пузырей. В островной чаще, словно в ботаническом саду, смешались сладкие и пресные запахи с отдушкой нежной горечи. Одни деревья зацветали, другие плодоносили, а третьи стояли по-осеннему оголённые и невзрачные. В переплетении густой растительности не всегда удавалось проследить, кому принадлежат те или иные ветви. В одном пучке порой одновременно встречались грубые листья с режущей кромкой и мягкие листья вроде пальмовых – толстые и плотные, будто лакированные. В разливы зелени вплетались накаты охряных и амарантовых оттенков. Взгляд, непривычный к подобной пестроте, терялся. Не верилось, что две недели назад он повсюду встречал пыльно-серые и чёрные полосы города.

Поднявшись по сыпучим уступам краснозёма, путники вышли на малую вершину хребта, которую называли Малым плато. Деревья на краю вершины стояли в юбках из распушённых листьев монстеры и напоминали раскорячившихся танцовщиц с иссушенным многоруким телом. Само плато покрывали низкорослые пальмы и разрозненные рощицы, но земля под ними, перемешанная с галькой, оставалась свободной от подлеска, лишь изредка выпускала к солнцу чахлые папоротники и отдельные цветки. Обзор отсюда открывался скупой, но хорошо просматривалась Восточная стена острова, её редкие утёсы и ложбины, под которыми белели узкие полосы пляжей. От пляжей море уходило пятнистое. Первыми шли зелёные, затем коричневые пятна, цветом обязанные разросшимся в них водорослям. Дальше начинался пегий коралловый лабиринт с просторными, будто подсвеченными изнутри бирюзовыми отмелями и обнажёнными выступами рифов. Накат волн разбивался о рифы белой пеной, по её завиткам можно было точно определить границы природного мола, а за ним простиралась пересечённая тёмносиняя равнина моря. Ни судов, ни берега, ни даже мелких островков Дима не разглядел.

Шустрый Багвис и неутомимая Рита разведали подъём на столовую вершину и позвали остальных. Склон, соединявший вершины, пересекали несколько заросших кулуаров. По кромке одного из них экспедиция и двинулась вверх, надеясь в ближайший час заглянуть на северную часть острова. Тяжелее всего приходилось Мактанголу, тащившему общий запас воды. Остальные ограничились более скромной ношей из остатков провизии. Стинки, суетившийся поблизости, вовсе шёл налегке, чем неизменно вызывал шутовскую зависть у Димы и Лорана.

– Собираешь материал? – спросила Клэр и протянула Диме руку, чтобы он опёрся на неё, перескакивая очередную расселину.

– Собираю. – Дима демонстративно проигнорировал руку француженки и чуть не поскользнулся на поехавших под его ногами камнях.

– Удобно, наверное. Что бы ни случилось, ты можешь спрятаться. Сказать себе, что это случилось не с тобой, а с твоим героем.

– Удобно.

– И скучно.

– Почему?

– Ну, вокруг тебя не скалы, птицы и небо, а текст. Набор символов. Ты выбираешь наиболее удачные строки, переписываешь себе целые абзацы событий. Но разве это жизнь?

Дима не стал спорить. Идти, балансируя на кромке кулуара, и без того было утомительно.

– А меня сделаешь героем своей книги? – Клэр задорно улыбнулась.

«Зависит от тебя». «Посмотрим». «Из тебя выйдет отличный герой». «Почему бы и нет?»

Дима не знал, какой ответ выбрать. Ругал себя за то, что не умеет говорить ёмко и остроумно, как говорили его персонажи.

– Сделаю.

– А каким героем?

«Красивым». «Смелым». «Героем, которого полюбят... который погибнет, но красиво... который запомнится...» Не то. Звучит отвратительно.

– Дикой, – ответил Дима. – Ты у меня получишься дикая.

– Хм... Если *дикая*, как Риз Уизерспун, то меня устраивает.

– Решено.

– А сделаешь меня главным героем? – Клэр игриво вытянула губы, словно пыталась подкупить Диму обещанием поцелуя.

– Главным героем будет остров.

– Остров! – с обидой покривилась Клэр. – Скучотища. Кто захочет читать об острове? Даже о тропическом. Разве что другие острова. Ну или голая норвежская скала. Нет... Людям нравится читать о людях, остальное – фон, каким бы он ни был чудесным.

– А если мой остров – живое дышащее существо? Громадный исполин допотопных времён? А люди ползают по его телу – такие крохотные и неповоротливые жуки, неспособные понять вселенскую значимость их прибежища.

– *Вселенская значимость?* Уже лучше. Хотя я предпочла бы что-нибудь попроще. О поцелуях под тропическим небом, о шуме прибоя.

– Будут и поцелуи. Только нужно собрать соответствующий материал.

Клэр рассмеялась, а Дима наконец остался доволен своим ответом.

Вскоре путники выбрались на плато столовой вершины. Оно оказалось не менее полутора километров в диаметре и совершенно плоским, если не считать нескольких пригорков. Центр плато был отдан худосочным стволам палаванской вишни, к приходу гостей едва успевшей переодеться в свежую листву и не в пример другим деревьям позволившей траве густо разрастись под её кронами. Обойдя палаванскую рощу, путники двинулись к возвышавшимся впереди, на северной кромке плато, обломкам базальтового гребня.

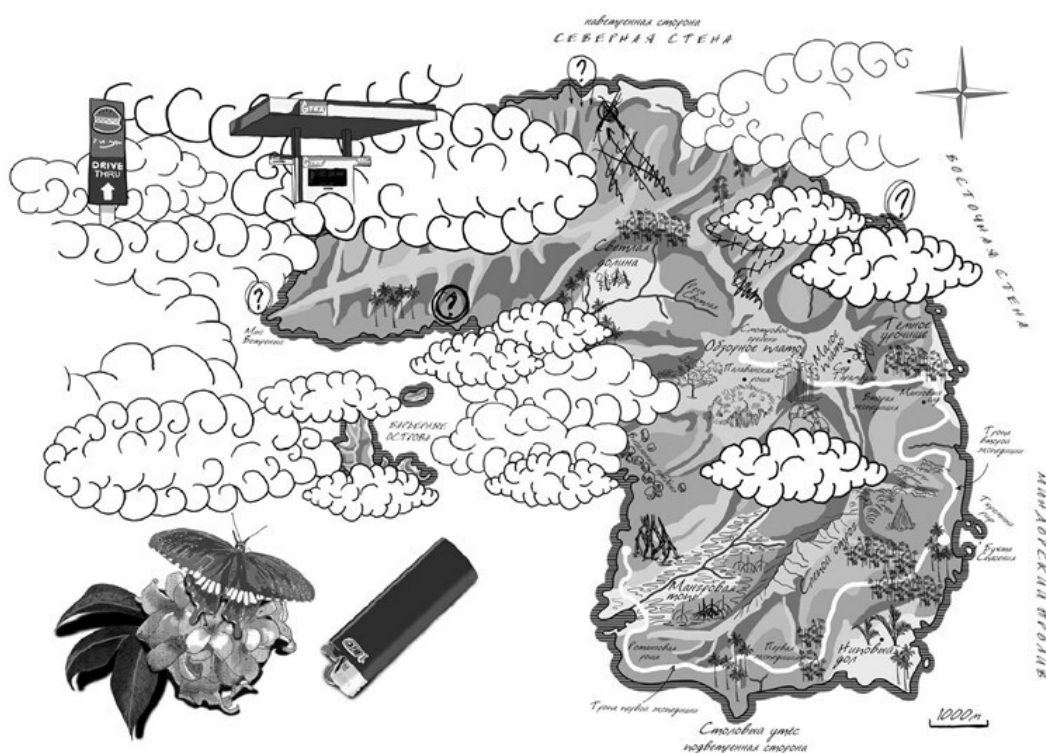
На обзорную точку гребня карабкались по очереди, все сразу на нём бы не уместились. Первой наверх, будто юнга на марс фок-мачты, взлетела Рита, напугав остальных порывистостью движений – сразу за гребнем начинался крутой обвал. Дочь Самоедова, поражённая увиденным, замерла. На Димины вопросы не реагировала. Кажется, проторчала бы наверху до темноты, если бы её не согнал Мактангол.

Последними на гребень взошли Клэр и Дима. Перед ними открылся весь остров. Он был не таким уж большим, а столовая вершина, теперь названная Обзорным плато, располагалась почти в самом центре. До Северной береговой стены – километров пять, до западного мыса – километров семь, а до неразличимой отсюда бухты Спасения – четыре. Остров напоминал эмбрион или, точнее, креветку. Он изогнулся неравномерной дугой, словно скукожился от дувших ему в лицо юго-западных муссонов, и отгородился от них тремя крохотными барьерными островками.

От западной оконечности острова до Обзорного плато шёл единый центральный хребет с десятком массивных отрогов по обе стороны. На юге хребет заметно снижался и распадался

на гребёнку менее выраженных отрогов – вдоль одного из них и прошли обе разведывательные экспедиции.

Хребет, в общем протянутый километров на пятнадцать, Дима назвал Креветочным. Чуть погодя Клэр указала на две низинные долины под Обзорным плато. На юге стелилась Гиблая долина, даже с горной высоты выглядевшая малопривлекательно, а на северо-западе лежала Светлая долина, до того укромная и притягательная, что не верилось в её доступность и девственность. Подобные долины, кажется, по всему миру застроены туристическими домами и давно *изжѣваны глазами жвачных двуногих*. Светлую долину пересекала полноводная Светлая река. Она петляла между лужайками, в верхней трети течения поднималась по сужавшемуся распадку и верховьем терялась в вершинных пещерах Креветочного хребта.

Между треугольником обеих долин и соединявшего их Обзорного плато темнели базальтовые валуны Висельного гребня, где застряла первая экспедиция.

– Висельный гребень? – удивилась Клэр.

– Ты сама рассказывала. Маурисио там хотел «повеситься на ближайшем суку». Вот я и подумал, что такое название подойдёт.

– Нравится чувствовать себя первооткрывателем?

– «Опутаю названиями всё вокруг и приручу это место», – тихо ответил Дима.

Его слова унесло порывами ветра – словно зёрна будущих приключений разбросало по ближним лесам и дальним берегам острова. Дима не сразу сообразил, почему увиденный простор вызвал не только восторг, но и грусть.

– Никого нет, – подсказала ему Клэр.

Француженка была права. Ни домов, ни гаваней, ни причалов. Куда бы ни обращался взор, всюду стыла не оглашённая присутствием человека тишина. А дальше – необозримая, мертвенно-синяя гладь моря. И помощи ждать неоткуда. И небо не бороздят спасательные самолёты.

Обзорное плато оставляло в неизвестности множество укромных уголков острова. На его берегах, под скалами, могли скрываться обжитые туристами бухты, ничто не мешало где-нибудь притулиться рыбацкому селению. Выжившим пассажирам «Амок Лайта» ещё предстояло изучить приютившую их громадину затерянной в волнах суши. Но вид пустующей Светлой долины убеждал Диму, что остров необитаем.

– Идём, – позвала Клэр.

Путники долго спорили, не зная, где заночевать. Скучные запасы пресной воды гнали их обратно, в изножье Малого плато, однако в конце концов они условились переждать ночь здесь, на столовой вершине, чтобы с первыми лучами солнца найти проход в Светлую долину. От прохлады горного ветра экспедиция укрылась на опушке палаванской рощи, и всё же, привыкшие к прибрежному теплу, путники мёрзли. Спали беспокойно, терзаемые ужасом перед безлюдностью острова, а далеко за полночь их разбудила Рита. Дима не сразу понял, что так обеспокоило дочь Самоедова. Когда же она привела его к южной кромке плато, Дима разглядел карминовые отблески в ночных облаках и, опередив остальных, прокричал:

– Сигнальный огонь! Кто-то запалил костровище!

– Неужели спасены? – с надеждой отозвалось несколько голосов.

Глава тринадцатая

Спасательный плот

В час утреннего отлива Клэр переплыла бухту Спасения, выбралась на выступивший из воды риф и застыла, глядя в безбрежность покачивавшегося перед ней моря. Когда-то в летнюю пору она так же стояла на кромке старинного каземата, увенчанного штангой современного маяка. Лоран любил, разогнавшись, нырять с каземата, а Клэр предпочитала просто смотреть вдаль. Под её взором холмы противоположного берега с клубами провансальских крон и черепичными кровлями расступались, обнажая морской горизонт, и Клэр ждала, что однажды отправится из тесного порта Сен-Мандрие навстречу бушующим валам. Отец обещал построить для Клэр яхту – вроде тех, что он проектировал для заказчиков, только лучше, значительно лучше. Обещания он так и не сдержал.

Закрыв глаза и прислушавшись к шелесту волн, Клэр с улыбкой узнала их голос. Представила, что стоит на башне каземата. Развернулась, обошла выкрашенный в цвета французского флага маяк. Переступила через битые бутылки, заветренные объедки и прочий мусор. Прошла по каменному хребту волнолома, затем спустилась на серый галечный пляж, где Лоран любил вечерами рассказывать о полюбившихся ему девушках. Поднялась от пляжа к малой пристани Северин – индустриальной окраине портового полуострова Сен-Мандрие. Здесь, на отшибе, стояло широкое здание, разбитое на коробки отдельных контор. Одна из контор принадлежала Франсуа Байо, отцу Клэр.

Вдохнув глубже, Клэр и сейчас, затерянная в тысячах километров от дома, отчётливо увидела вывеску с перекрещёнными якорями и профилем Каролины Реми, чьи прижизненные издания долгое время хранила бабушка. «Инженерно-конструкторское бюро семьи Байо». Отцу заказывали чертежи парусников, моторных лодок и рыболовных судов. Иногда его просили проследить за уже начатым кораблестроением или ремонтом, провести оценку судна для страховой компании перед покупкой или продажей, и ему приходилось выезжать на верфи, в порты других городов, а потом возвращаться с кипой фотографий и дни напролёт составлять рапорт. Отец любил и такую работу, но предпочитал корпеть над чертежами – вливал в них не ослабевшее с годами упоение художника, забыв о еде, лекарствах и домашних проблемах.

Франсуа окончил академию художеств в Тулоне. Долгие годы скитался по Провансу. Открыл несколько персональных выставок, но признания не добился. Женившись в сорок три, переехал в дом своего отца, Жермена Байо. Согласился помогать ему в бюро, а мечту вслед за Гогеном переселиться на Маркизские острова и приютить на полотнах местных дикарок предал забвению. Впрочем, продолжал писать картины и стал одержим синим цветом. Даже взялся перекрасить ранние работы. Любовь к синему он передал Клэр. Научил дочь распознавать бездну его неповторимых оттенков. И научил ни о чём не жалеть. «Мари? Почему вы плачете?» – «Потому что вы не плачете. Я думаю о них. Господи, я всё вспоминаю».

С четырнадцати лет Клэр ухаживала за мамой – поздние роды подорвали её здоровье – и поддерживала отца в бюро. Училась в лицее Босье и знала, что однажды продолжит семейное дело. В итоге ушла из лицея за два месяца до выпускных экзаменов. Отец тяжело заболел и не мог выполнить взятые заказы. У него ослабло, а затем временно пропало зрение. Им с Клэр приходилось работать вдвоём: Клэр за письменным столом, заваленным разрозненными отчётами, а Франсуа рядышком, полусидя в раскладном кресле. В лицей Клэр не вернулась. Освоилась в бюро, попутно занялась самообразованием – читала книги, журналы, смотрела документальные фильмы. Поначалу справлялась неплохо, даже наняла помощницу, но весной прошлого года отец окончательно отошёл от дел, а к осени стало очевидно, что бюро придётся закрыть. Прежняя жизнь заканчивалась. Но Клэр не грустила. Отпускать тех, кто уходит, её тоже научил отец.

В декабре умерла мама. В дом съехались друзья и родственники, утешали отца, а он с негодованием отмахивался. Говорил, что нет повода грустить.

– Разве вы не знаете, что она прожила хорошую жизнь? Мы были счастливы. И за эти годы успели сказать друг другу всё, что хотели. Она знала, что я её люблю.

Неделей позже отец написал последнюю картину. Из оттенков синего, без малой примеси других цветов. «Здравствуйте. Бернар!» – «Здравствуйте, мадам». – «Вы сделали то, о чём я просила?» – «Да». – «Вы отнесли всё в синюю комнату?» – «Всё... Мадам, нам всем очень жаль». Отец, не снимая полотно с мольберта, оставил его сохнуть, а сам вышел на веранду. Сел в кресло-качалку. Раскачиваясь, всматривался в синие воды моря и плакал. Клэр прежде не видела его слёз. Не решалась спросить, о чём он плачет. А к вечеру отец ушёл навсегда. Клэр осталась одна. В опустевшем доме. Открытая новому миру и новой жизни.

В начале февраля она закрыла стеклянные двери опустевшего бюро и передала ключи новому арендатору. Долго не решалась уйти. Вдыхала солёный воздух. В непогоду морские брызги покрывали пристань, орошали стоянку и долетали до стен бюро. Сейчас, в бухте Спасения, когда очередная волна разбилась о риф, Клэр позволила себе обмануться. Повернув голову и не открывая глаза, увидела соседние конторки – супермаркет, аптеку, фирму, ремонтировавшую парусные корабли, – и проход к ночному клубу местного мафиози. По крайней мере, мафиози его называл отец. Франсуа веселило подобное соседство. Если они с маленькой Клэр засиживались в бюро, она наблюдала, как к клубу стягиваются военные с расположенной неподалёку вертолётной базы. Базу теперь перенесли в Йер, а тогда она неизменно поставляла мафиози новых клиентов. Он нанимал для них мини-автобус, чтобы к утру развозить нагулявшихся солдат по домам и казармам.

Сейчас, как ни странно, больше вспоминались не чертёжный стол, не судна, покачивавшиеся у пристани, не мальчишки, прыгавшие с каземата, а дешёвый запах курицы, которую жарили в соседнем супермаркете. Её аромат поднялся из памяти до того явственно, что Клэр невольно открыла глаза, на краткое мгновение уверовав, что силой мысли перенесла себя домой.

Нет, она по-прежнему была в бухте Спасения. На берегу её ждали Дима, Лоран и игравшая со Стинки девочка Малайя.

Краткое путешествие домой помогло Клэр принять решение.

Вчера на рассвете вторая экспедиция спустилась с Обзорного плато. Путники торопились в лагерь, подбадривали друг друга надеждой вечером вместе сходить в «Макдоналдс», на худой конец в «Джолиби». Вперёд вырвался Лоран, он будто угадывал ароматы чизбургера и веселил Клэр: подпрыгивал, руками закручивал воображаемые усы и, подражая Джеку Монтерею из «Чипа и Дейла», тянул: «Сы-ы-ы-ы-ыр». Багвис и Мактангол не разделяли его веселья и приговаривали, что корабль, привлечённый сигнальным костровищем, заглянет в бухту на час-другой, но едва ли задержится на целые сутки, поджидая остальных выживших, – никто не захочет выбиваться из графика, а потом платить штрафы. Маурисио успокаивал их, уверенный, что его жена Кэй и сестра Тала остановят хоть целый авианосец и не отпустят его, пока Маурисио к ним не присоединится.

Страх и надежды оказались пустыми. Клэр поняла это, когда выбежала к углям сигнального костра и встретила удручённые взгляды Роуз и Аналин. Не было ни самолёта, ни корабля, ни захудалой моторной лодки. Когда вспыхнул костёр, на вахте стоял Адриан. Точнее, лежал. Филиппинец уснул, едва сменив на скальном выступе Эрнестомладшего, и в слезах корил себя за неосмотрительность. Адриан не знал, кто именно зажжёт костёр. В ночной сутолоке разобраться было трудно. Когда стихли радостные крики, Тёрнер и Самоедов провели переключку, но без толку. Одно они знали наверняка – головню под сухие пальмовые листья бросили нарочно. Перекинуть её из защищённой ямы ветер не мог. Значит, кто-то намеренно

уничтожил с таким трудом возведённое костровище. Но кому из выживших придёт в голову лишить всех главной надежды на спасение?

– Мануэль? – осторожно спросила Клэр, когда Роуз рассказала ей о случившемся.

Роуз пожалала плечами. Каким бы чудачковатым ни представлялся сбежавший филиппинец и как бы ни злились на него другие за украденную катушку капроновой верёвки, подозревать его в поджоге было глупо – любое подозрение упиралось в основной вопрос: «Зачем?»

– Кому-то понравилось на острове, и он не хочет возвращаться? – предположил Дима.

– Если бы ты не пошёл с нами в экспедицию, – с вялой улыбкой промолвила Клэр, – я бы сказала, что диверсию устроил ты.

Дима уставился на Клэр.

– А что? Ты ведь ещё не весь материал собрал. Вот и решил задержаться на недельку-другую.

Результаты второй экспедиции усилили общую угнетённость ночным происшествием. Узнав, что остров необитаем, выжившие отчаялись. Альварес повторил, что паром затонул на оживлённой магистрали, что по-настоящему необитаемых островов в Миндорском проливе нет, предположил, что участники экспедиции могли ошибиться и не разглядеть очевидных следов цивилизации, однако его никто не слушал. Успокоить всех в очередной раз удалось Самоедову. Для начала он защитил от нападок несчастного Адриана, затем озвучил идею, в последние дни часто посещавшую Клэр.

– Мы построим лодку, – заявил Самоедов. – И сами доплывём до ближайшего берега. Достаточно нескольких человек, чтобы привести подмогу.

Клэр слушала, как Самоедов советуется со стариком Баньягой и помощником Альваресом, как Роуз говорит, что строить лодку – безумие, предрекает гибель экипажу самодельного судна. Затем Самоедов попросил высказаться Габриэля. Тот учился в Филиппинском морском технологическом колледже, на «Амок Лайт» попал по кадетской программе, куда от колледжа отправились два лучших воспитанника, и в отличие от большинства палубных кадетов занимался не только мытьём и покраской трюма. Габриэль ходил на вахту с третьим помощником капитана, работал с боцманом на баке, а в свободное время стоял на мостике со вторым помощником. Трудился, не считаясь с усталостью. В доказательство показывал шрам на лбу – разбил голову, наступив на комингс во время одной из утомительных вахт. Филиппинец верил, что построить лодку и вручить себя власти волн лучше, чем сидеть на месте и ждать истощения. Помолчав, Габриэль признал, что сам на верфях не работал и о строительстве кораблей имел лишь общее представление.

– Великолепно! – выдохнула Роуз. – У вас, Михаил, подбирается отличная команда.

Кажется, Самоедов успел усомниться в собственном предложении, но тут слово взяла Клэр. Она кратко рассказала об «Инженерноконструкторском бюро семьи Байо» и заверила всех, что шанс разжиться сносным судёнышком у них есть. Если верить Альваресу и Габриэлю, плавание в любом случае предстояло не самое дальнее. Лоран с Димой поддержали подругу. Выжившие приободрились, зашептались. В их голосах вновь зазвучала надежда.

– Лодку будут охранять двое караульных. Круглые сутки. – Последние слова Михаила его жена перевела громко и отчётливо, то ли надеясь, что беглый Мануэль затаился поблизости и хорошо её слышит, то ли подозревая, что диверсию устроил кто-то из своих, и желая его припугнуть.

Когда все разошлись, Самоедов взялся детально расспросить участников второй экспедиции о том, что они видели, попросил нарисовать карту острова, а наутро отправил по их тропе небольшой отряд во главе с пронырой Багвисом. Вторая экспедиция упивалась скорым возвращением домой и не подумала захватить плоды манго. Багвис и четверо других филиппинцев ушли исправлять эту ошибку.

Тёрнер распорядился наполнить яму малого костра углями и собрать миниатюрное костровище – на прежний масштаб не хватало ни времени, ни сил. Убедившись, что оно стоит надёжно и при необходимости вспыхнет, американец примирился с тем, что Самоедов привлёк к подготовке спасательного плавания почти всех выживших. В первую очередь Михаил планировал сделать внушительный запас провизии, для чего филиппинцы взялись бить острогами и вялить рыбу, собирать и высушивать на солнце плоды манго. С кокосами было проще, они не требовали обработки.

Клэр, старик Баньяга и Габриэль долго спорили, как строить лодку, вновь и вновь пересматривали скудный запас инструментов и выбирались из бухты Спасения, чтобы осмотреть доступные деревья. В итоге Клэр позволила себе краткий отдых – в час утреннего отлива выбралась на риф. Вслушиваясь в приглушённый рокот моря и вспоминая родной Ла-Сенсюр-Мер, отказалась от лодки.

– Мы соберём плот, – вернувшись на берег, заявила она Самоедову. – Не «Кон-Тики», конечно, бальсовых стволов у нас нет, но... Надёжный и крепкий. Из бамбука.

Самоедов не спорил, и команда Клэр, к которой присоединились Лоран, Дима, Мактан-гол и Маурисио, отправилась в ближайшую бамбуковую рощу – одну из тех, что открыла вторая экспедиция. Сейчас пригодилась бы украденная Мануэлем капроновая верёвка, но старик Баньяга удачно посоветовал изготовить крепления из гибких лиан ротанга, чьи кольца обвили немало деревьев на подступах к Гиблой долине. Рулевое весло, два боковых противовеса и мачту Клэр хотела собрать из бамбука, а под парус выбрала ПВХ-полотно с цитатой из «Новой международной версии Библии». Тёрнер ранее пробовал использовать его под сбор дождевой воды, однако за дни, проведённые в бухте Спасения, не упало ни одной дождевой капли, и американец не возражал. Клэр опасалась, что парус окажется излишне тяжёлым, но других вариантов у неё не было.

– А если сшить парус из футболок? – предложил Дима.

– Нет, – качнула головой Клэр. – Его разорвёт первый же порыв ветра. Но из футболки можно сделать флаг.

– Глупо отправляться в плавание под белым флагом. Мы ведь не собираемся сдаваться.

– Поверь, я с радостью сдамся первому встречному катеру.

Песок и обломок коралла заменили Клэр чертёжную доску с грифелем. Габриэль и Альварес делали замечания и уточняли назначение отдельных элементов будущего плота. Работа продвигалась уверенно. Между тем вылазки из бухты Спасения стали обыденным делом. Выжившие обследовали южную часть острова, надеясь отыскать новые плодовые деревья, собирая манго, выискивая заросли бамбука и ротанга.

Наверх из бухты не поднимались разве что лунатик Майкл, сорокашестилетний повар с «Амок Лайта» хромой Йонас, боявшаяся тропических джунглей Тала и бедняжка Малайя – её не отпускал старик Баньяга. Рыбак не мог совладать с любознательной девочкой и придумал для неё историю о тикбаланге – злом духе с рогами и длинными руками, рождённом заманивать путников в наиболее гиблые части леса. Старик заявил, что тикбаланг принимает разные облики, и выжившим известно лишь одно из них – обличье воришки Мануэля, устроившего пожар на пароме, запалившего сигнальное костровище, а теперь мечтавшего подрезать крепления на строящемся плоту. Баньяга говорил до того красноречиво, что запугал не только Малайю. Каждое новое злоключение выжившие то ли в шутку, то ли всерьёз объясняли невидимым вмешательством Мануэля или его дурным глазом, даже если речь шла о ссадинах, полученных при рубке бамбуковых стеблей. Клэр веселилась, слушая суеверные причитания филиппинцев, но Дима заметил, что Мануэля ждёт не самый тёплый приём, если он надумает вернуться в лагерь, и Клэр испугалась за беглеца.

– На плоту поместятся четыре человека? – спросил Дима, когда Клэр вечером увела его в лагерь отдохнуть возле общего костра.

– Да.

– И ты уже знаешь, кто поплывёт?

– Думаю, самые лёгкие и проворные. Вроде Багвиса. Ну и я, разумеется, поплыву.

– Не боишься?

– Боюсь.

– Как вы вообще сориентируетесь в море? Мы даже с Обзорного плато не видели других островов!

– Поплывём строго на восток. Альварес и Габриэль сказали, что это лучший вариант. До Миндоро тут ближе всего.

Дима встал с подстеленного халата и прошёлся вдоль пригорка, рассеянно посмотрел на отдыхавших неподалёку филиппинцев и вскрывавшего очередной кокос Лорана.

– Значит, будете ориентироваться по солнцу? – наконец промолвил Дима и остановился у затухавшего костра.

– Не только. Да и с солнцем не всё просто. Ровно на востоке оно поднимается в дни весеннего и осеннего равноденствия. Чтобы точно ориентироваться по нему, нужно знать его склонение на конкретный день, а тут не обойтись без астрономических таблиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.